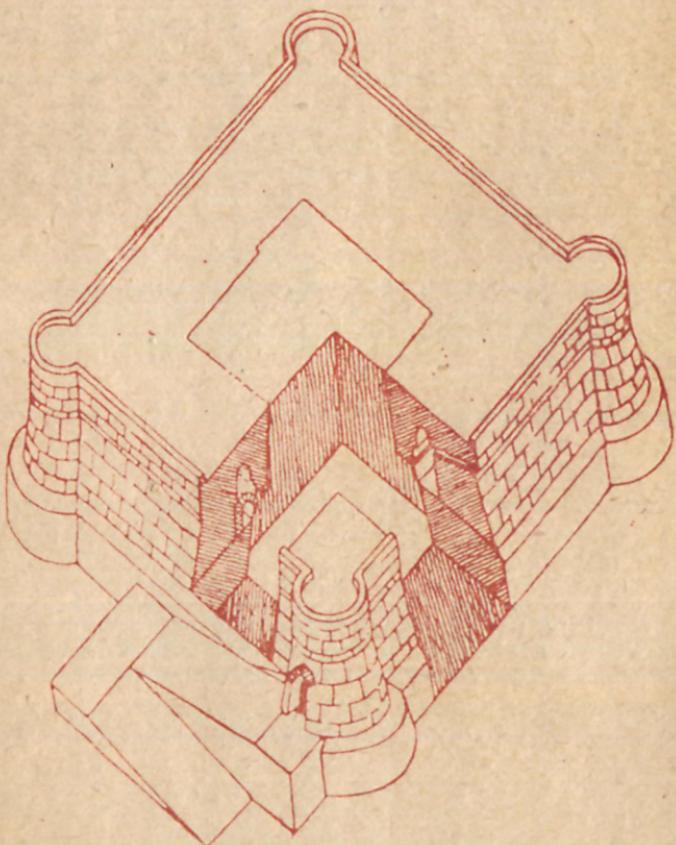

У.П. ПУЛАТОВ

ЧИЛЬХУДЖРА

ДУШАНБЕ — 1975

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. АХМАДА ДОНИША

У. П. ПУЛАТОВ

ЧИЛЬХУДЖРА

(МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УСТРУШАНЫ.
ВЫПУСК 3)

Ответственный редактор—
доктор исторических наук
Н. Н. НЕГМАТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»
ДУШАНБЕ — 1975

Уструшанский замок/Чильхуджра — выдающийся памятник архитектуры, известный в археологической науке еще в XIX в. Это одни из ключевых памятников раннесредневековой Средней Азии, ценный прежде всего своей оригинальной архитектурой, вносящей значительные коррективы в датировку появления некоторых архитектурных деталей.

Чильхуджра также дала много ценных и редких находок. Кроме предметов быта, найдены остатки стенной живописи и деревянной скульптуры, фрагменты древнейших на территории Таджикистана музыкальных инструментов, ювелирные изделия, седьмой по счету в Средней Азии золотой брактеат и другие предметы. Самой ценной находкой являются три дощечки с согдийской надписью, окончательно решившие проблему о языке и письменности древних уструшанцев.

Книга рассчитана на специалистов — историков, археологов, искусствоведов, студентов и преподавателей общественных факультетов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей и древней культурой Таджикистана.

П 0162-001
М 502-75 125-74

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ», 1975 г.

ВВЕДЕНИЕ

Советская историческая наука, основанная на методологии марксизма-ленинизма, достигла невиданных успехов в деле изучения истории человеческого общества как глубокой древности, так и последующих эпох вплоть до нового времени.

Неоценимую помощь в изучении далекого прошлого народов Советского Союза оказывает археология. Археологическая наука в нашей стране по сравнению с дореволюционным периодом сделала гигантский скачок вперед, в результате чего Таджикистан стал самой изученной в археологическом отношении территорией.

Богатейшим археологическими памятниками районом в Таджикистане является Шахристанская котловина. Здесь сохранились развалины столицы Уструшаны города Бундженката, огромное количество отдельно стоящих тепа, под каждым из которых скрыты остатки замков, кешков дехкан, усадеб земледельцев, сторожевые сооружения и т. п.

На территории Уструшаны двадцать лет ведет раскопочные работы Северо-Таджикистанский отряд Таджикской археологической экспедиции под руководством доктора исторических наук Н. Н. Негматова. За это время на территории современного совхоза Шахристан выявлен ряд первоклассных памятников, таких как комплекс развалин города Бундженката — Калан Кахкаха I, II и III, укрепленный замок VI—VIII вв. Уртакурган, сторожевое сооружение VI—VIII и X—XI вв. Тирмизактепа, культово-мемориально-хозяйственный комплекс IX—XII вв. Чильдухтарон, поселение IX—XIII вв. Хон-Яйлов в ущелье Актанги и др.

Добытый материал раскрывает высокую самобытную культуру древней Уструшаны, расцвет которой падает на VI—IX вв. Эта область в ту пору имела высокоразвитое хозяйство, здесь жили и творили выдающиеся зодчие и искусные строители, незаурядные живописцы и резчики по дереву, хорошо знающие свое дело ремесленники-металлурги, ювелиры и керамисты, широко была распространена

письменность. Все это подтверждается археологическим материалом и некоторыми письменными источниками.

В V—VIII вв. наряду с развитием городов воздвигалось большое число отдельно стоящих один от другого замков. Например, по сообщению Истахри, только по трем из двенадцати городских арыков Бухары было расположено четыре тысячи замков. Наршахи сообщает о семистах замках, построенных купцами в окрестностях Бухары. По Макдиси, вокруг небольшого хорезмийского города Миздахкан было сосредоточено двенадцать тысяч замков (Толстов, 1948а, стр. 150, 151). Наконец, Якуби сообщает о 400 замках в Уструшане (Бартольд, 1963а, стр. 225). Все эти замки были сильно укреплены, что весьма характерно для зарождающегося феодального хозяйства: владельцы замков — крупные и мелкие землевладельцы — дехкане жили в постоянном страхе перед внезапным нападением в эпоху бурных социальных и межплеменных столкновений.

Вопросу о замках и замковом строительстве Средней Азии посвящен ряд научных работ советских ученых: фиксации и изучению памятников этого типа на территории Верхнего Заравшана — работы А. Ю. Якубовского (1950) и О. И. Смирновой (1950), в Бухарском оазисе — В. А. Шишкина (1963), в Сурхан-Дарьинской долине — Л. И. Альбумы (1960), в Кашка-Дарьинской долине — С. К. Кабапова (1951; 1956а), в Хорезме — С. П. Толстова (1948а, б; 1962) и Е. Е. Неразик (1966), в Фергане и Семиречье — А. Н. Бернштама (1940, 1941, 1950, 1951), Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (1955), Ю. А. Заднепровского (1954) и др. Большое значение имеют работы В. Л. Ворониной (1957, 1959б, 1960, 1961), Г. А. Пугаченковой (1958а) и В. А. Нильсена (1964, 1966), посвященные архитектуре раннесредневековых памятников Средней Азии вообще и замков в частности.

Изучение замков на территории Уструшаны только начато, но уже достигнуты значительные успехи. (Об уструшанских замках см.: Негматов, Зеймаль, 1959; Негматов, Хмельницкий, 1966; Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973).

Одним из многочисленных уструшанских замков в Шахристанской котловине является Чильхуджра. Памятник первоначально привлек внимание экспедиции своей популярностью: о нем существовало множество преданий среди местного населения, его часто посещали и много о нем писали еще с прошлого столетия путешественники, краеведы, археологи и историки.

Раскопки были начаты с полуоткрытого помещения и велись последовательно по помещениям, которые нумеровались по ходу вскрытия, находки фиксировались с точным указанием места. Замок при максимальном использовании всех

возможностей раскапывался шесть лет. Раскопки затруднялись главным образом теснотой помещений.

По ходу раскопочных работ, проводимых Северо-Таджикским отрядом ТАЭ, становилось ясно, что перед нами памятник древности, дающий богатый и ценный материал по различным отраслям жизни наших предков: по истории зодчества и замкового строительства, хозяйства и ремесла, живописи и скульптуры, музыкального искусства и письменности и т. д.

Чильхуджра — типичный замок Средней Азии раннего средневековья с характерным расположением у слияния двух горных речек, в данном случае — рек Кулькутан и Шахристансай. Характерность такого расположения была в свое время подмечена еще А. Ю. Якубовским (1950, стр. 14, 24), В. Л. Ворониной (1964б, стр. 142) и Б. Г. Гафуровым. «Замки, представляя хорошо укрепленные усадьбы, были резиденциями знатных дехкан. В руках дехкан находились как селения по горным ручьям, так и селения, расположенные в долине большой реки» (Гафуров, 1954, стр. 139). Удобное стратегическое расположение замка, оригинальность архитектуры, его фортификационные достоинства, богатый комплекс находок делают памятник одним из ключевых в изучении архитектуры раннесредневековой Средней Азии.

Данная монография является третьим выпуском серии «Материальная культура Уструшаны». Работа выполнена в секторах археологии и нумизматики и истории культуры Института истории им. Ахмада Дониша АН Таджикской ССР. Автор приносит глубокую благодарность сотрудникам этих секторов за ценную помощь и замечания и доктору исторических наук, профессору Н. Н. Негматову за выбор данного объекта исследований, научное руководство и редактирование работы. Автор также благодарен профессорам МГУ Г. А. Федорову-Давыдову и Л. Р. Кызласову, доценту МГУ С. П. Полякову, доценту Ленинабадского пединститута им. С. М. Кирова С. Ш. Марафиеву за помощь и замечания. Помощь автору в изучении архитектуры памятника, определении его строительных периодов и архитектурных деталей оказал кандидат искусствоведения С. Г. Хмельницкий. Графические и фотографические работы выполнены С. Г. Хмельницким, В. Б. Семеновым, А. С. Яковлевым, Н. Н. Негматовым, А. П. Леоновым и автором.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАСКОПКИ ХОЛМА ЧИЛЬХУДЖРА

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ДОРАСКОПОЧНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧИЛЬХУДЖРЫ

Чильхуджра (букв. Сорок келий) (рис. 1) давно привлекала внимание местных жителей, населения окрестных районов, путешественников, путь которых пролегал через окрестности Шахристана, и ученых. Этот памятник часто посещали, о нем говорили, а позднее и писали.

Для местного населения назначение холма оставалось загадочным, что и способствовало появлению ряда версий преданий о Чильхуджре и об источниках у его подножия. Эти предания связывают возникновение Чильхуджры то с именем Али, якобы приходившим сюда с миссионерско-завоевательными целями, то с именем легендарного местного царя Кахкха. О расположении рядом кладбище (рис. 2) все старики говорят, что оно появилось здесь недавно, лет 70—80 назад.

Подобные легенды, связанные с Али, широко распространены по всей Средней Азии. Но общеизвестно, что в истории завоевания Средней Азии арабами нет и намека на то, что Али приходил сюда. В этом отношении все версии преданий фантастичны. Но в них есть крупики истины: и то, что до распространения ислама здесь жили «муги» — огнепоклонники, и то, что постройка Чильхуджры относится именно к доарабскому времени, кажется, не вызывает никакого сомнения.

Памятник был широко известен в исторической науке еще в прошлом столетии, задолго до наших раскопок.

Н. Н. Негматовым была составлена история археологического изучения всего Шахристанского района (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 5—11). Мы упомянем лишь те сведения, которые непосредственно касаются нашей Чильхуджры.

Первым краеведом, посетившим Чильхуджру в 1890 г., был Н. С. Лыкошин (1896, стр. 1—58). Он дал первое, весьма неполное ее описание, где указывает точное месторасположение Чильхуджры и пишет, что на полугоре расположено главное отверстие, через которое можно попасть «внутрь горы». По описаниям Н. С. Лыкошина, внутрь холма можно было проникнуть только ползком, но сразу после прохода пол понижался «на аршин». Н. С. Лыкошин характеризует помещение как сводчатый коридор; указывает также, что кирпичи постройки «вдвое превышают современные сырцовые кирпичи».

Далее он говорит, что коридор обходит всю гору кругом, и предполагает наличие другого выхода, теперь засыпанного. Сообщается также о наличии выходов с других сторон холма, попасть в которые без предварительных раскопочных работ невозможно. Затем Н. С. Лыкошин говорит о пещере, вырытой в этой горе почти на половине подъёма, в северо-восточном его углу, и имеющей форму киргизской юрты, которая «служит теперь мечетью приходящим богомольцам и окрестным кочевникам — узбекам тюркского аула». Н. С. Лыкошин сообщает и о том, что поверхность холма уже во время его осмотра в 1890 г. была покрыта старинными могилами, что опровергает вышеприведенные устные сообщения наших информаторов о возникновении здесь кладбища всего 70—80 лет назад. Далее он отмечает наличие у подножия холма ключей и высказывает мысль о том, что «...в подземных кельях в древности спасались подвижники веры и тут же, на верху горы, погребались после смерти».

В 1894 г. еще молодой русский востоковед В. В. Бартольд посетил Чильхуджру и опубликовал ее краткое описание (Бартольд, 1897, стр. 75). Прежде всего он приводит две версии предания о Чильхуджре, по одной из которых здесь жили сорок богатырей Али, по другой — большая царевна, искающая здорового климата. Затем дает краткое описание холма. В. В. Бартольд, основываясь на том, что здание выстроено из сырца, приходит к выводу, что «...здание едва ли отличается особенной древностью». Вместе с тем он признает оригинальность устройства здания. Упоминает он также о «глинобитной муллушки» на вершине холма, о которой Н. С. Лыкошин ничего не говорит.

О посещении Шахристана В. В. Бартольд говорит и в другой работе, где, обобщая свои впечатления от осмотра шахристанских памятников, приходит к выводу, что «более подробное исследование Шахристана было бы крайне желательно» (Бартольд, 1896, стр. 14).

В начале двадцатого столетия Шахристан посетил краевед И. А. Кастанье. В своем сообщении (Кастанье, 1915,

стр. 32—52) он, говоря о соседней крепости Каахкахе и приводя одну из версий предания о ней (о царе Каахкахе, сорока девушках и Али), отмечает некоторую связь этого предания с Чильхуджрой и непосредственно переходит к описанию этого памятника.

И. А. Кастанье сообщает, что местами на холме были заваленные входы, проникнуть в которые не было возможности, а главным входом, куда он вошел после незначительной расчистки, он считает провал на северо-западном склоне холма. Пробитый на юг проход И. А. Кастанье принял за арку из «правильно сложенных» сырцов. Затем он отмечает понижение сводчатого коридора и уступчатость пола и то, что нижняя часть стен коридора сложена из «больших сырцовых плит» (пахсовых блоков. — У. П.), а верхняя — из кирпича. Он описывает арку в конце коридора и разветвление ходов за ней и полагает, что «оба хода... опоясывая холм кругом, все поднимаясь, должно быть, соединялись в каком-нибудь пункте. Они, по-видимому, имели общий выход наверх в том месте, где теперь кладбище».

Далее И. А. Кастанье упоминает о ходе, расположеннем при выходе с левой стороны. Арку входа он не описывает. Зато подробно говорит о пещерке, вырытой «на половине подъёма». Айванчик на вершине холма называет мазаром, построенным «в честь какого-то святого». Он также говорит о кладбище как о старом. Вопрос датировки Чильхуджры И. А. Кастанье обходит.

Район Чильхуджры посещал и М. Ф. Гаврилов, изучавший этнографию тюрок этих мест. Говоря о их верованиях, он упоминает о Чильхуджре, но речь ведет не об основном холме, а о «куполообразной пещере» (Гаврилов, 1922, стр. 18). М. Ф. Гаврилов, конечно, имеет в виду пещерку, выкопанную на полуподъёме холма.

Упоминания о Чильхуджре есть и у Н. Г. Маллицкого. Его слова о том, что «поблизости от Шахристана есть пещеры, выкопанные в лессе; там жили, может быть, буддийские монахи», несомненно, относятся к Чильхуджре (Маллицкий, 1929, стр. 119). В том, что эти «пещеры» выкопаны в лессе, Н. Г. Маллицкий, конечно, ошибался, однако, явно правилен его прогноз: «Если бы ученые занялись здесь раскопками, то, наверное, нашли бы много предметов быта древнего культурного иранского населения».

В связи с аналогиями замку Актепа близ Ташкента Чильхуджру упоминают А. И. Тереножкин (1948, стр. 227, 228) и В. Л. Воронина (1948, стр. 158), которые, ссылаясь на вышеуказанную работу Н. С. Лыкошина, отмечают сходство планировки этих двух памятников.

В 1950 г. Чильхуджра была осмотрена и описана Уструшинским отрядом ТАЭ под руководством О. И. Смирновой (1953, стр. 204, рис. 19). Все остатки «городища Чильхуджра» она делит на три части — на округлый холм основного здания, высота которого определяется ею в 6 м, и два значительных всхолмления, соединяющихся между собой седловиной. О. И. Смирнова отмечает обнажения внешних стен на северо-восточном склоне и сообщает, что на скате холма основного здания был расчищен арочный дверной проем высотой 1,3 м. Открытое за ним помещение определяет как коридор длиной 2,15 м, который непосредственно переходит в другое аналогичное узкое помещение размером 4,8×2 м и высотой 2,55 м; уровень пола второго помещения ниже уровня пола первого. Ею же отмечен характер кладки стен коридора и дан точный размер сырца — 48×25×10 см. В конце коридора расположен арочный проем высотой 1,25 м, а за ним — соединительный коридорчик, пол которого поднимается пандусом. О развитии коридора и о пандусе с правой его стороны ничего не говорится. По словам О. И. Смирновой, следующий арочный проем в восточной стене первого помещения ведет в другой «соединительный коридорчик, поднимающийся пандусом по спирали».

О. И. Смирнова отмечает аналогичность планировки шахристанской Чильхуджры с памятником VII—VIII вв. под Пенджикентом, «известным у местного населения под тем же названием Чильхуджра», и высказывает мысль о культовом назначении обоих памятников. Далее она, отметив, что Чильхуджра «...имеет несомненно выдающийся интерес как памятник еще малоизученной средневековой архитектуры», высказывает предположение, что исследование его может дать некоторые данные для разрешения вопроса о господствовавших в средневековой Уструшанске культах, весьма ограниченные сведения о которых мы находим в китайских и арабоязычных источниках.

Стационарное изучение холма Чильхуджра было начато в 1961 и завершено в 1966 г. Северо-Таджикским отрядом Таджикской археологической экспедиции под руководством Н. Н. Негматова. В первый год¹ было раскопано помещение № 1 и частично № 2. В 1962 г. было докопано помещение № 2, раскопаны помещения № 3, 4 и частично № 5, 6, 7, а также был снят топографический план холма.² В 1963 г. была вскрыта вся цепочка внешних коридоров, весь второй

¹ Раскопки вел С. Марафиев, тогда аспирант Института истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР.

² Раскопки вели Н. Н. Негматов и аспирант Института истории искусства Министерства культуры СССР С. Г. Хмельницкий.

этаж и помещение № 18 центрального ядра здания.¹ В 1964 г. раскопаны помещения № 19 и 20 и начаты раскопки во дворе.² В 1965—1966 гг. завершены работы во дворе и некоторые работы по детальному изучению отдельных архитектурных приемов и форм.³

Холм Чильхуджра расположен в 2,5 км южнее современного поселка Шахристан Ура-Тюбинского района на одном из глинистых языков предгорных всхолмлений Туркестанского хребта (рис. 3), у слияния двух горных речек — Шахристанская и Кулькутана, при выходе Кулькутана из одноименного ущелья (рис. 4). Долина сая в районе Чильхуджры со всех сторон окружена глинистыми, а местами скалистыми всхолмлениями, которые к югу возвышаются и постепенно переходят в горы, поросшие арчовыми лесами и покрытые травой. К востоку от Чильхуджры, на правом берегу Шахристанская, упирается в небо скалистая гора Кизилэмчак. Вдоль всего течения сая бьют ключи с прохладной чистой водой. Древние источники бьют также у подножия самого холма Чильхуджра.

Обилие прохладных вод источников и сая, берущего начало в снежных вершинах хребта, и чистый горный воздух создали здесь своеобразный целебный микроклимат. В самое жаркое время года долина дышит прохладой, веющей со снежных гор. И не случайно здесь расположен санаторий, а в ущельях выше каждое лето организуется несколько пионерских лагерей.

Район расположения памятника, очевидно, был заселен людьми еще в глубокой древности. Об этом свидетельствуют находки каменных орудий поблизости от Чильхуджры. Коллекция находок включает в себя 250 предметов; она состоит из ярко выраженных пуклеусов, пластин, отщепов и скребел, относящихся к мустырской эпохе палеолита (Несмеянов, Ранов, 1962, стр. 26—29). В 1958 г. при раскопках верхнего горизонта донжона соседнего памятника Уртакурган также были найдены три пластины треугольной формы.

В районе Чильхуджры сосредоточено несколько аналогичных и синхронных ей археологических памятников. Метрах в 150—180 к востоку расположен укрепленный замок Уртакурган, который был раскопан Северо-Таджикистанским отря-

¹ Раскопки вел аспирант Института истории им. А. Дониша У. П. Пулатов при участии С. Г. и В. Л. Хмельницких и старшей лаборантки С. Исмаиловой.

² Раскопки вел У. П. Пулатов при участии С. Г. и В. Л. Хмельницких и научного сотрудника Института истории им. А. Дониша Э. Гуляевой.

³ Работы вел научный сотрудник Института истории им. А. Дониша У. П. Пулатов.

дом ТАЭ в 1958, 1960—1961 и 1963 гг. (Негматов, 1961, стр. 119, 120; Негматов, Салтовская, 1962, стр. 85—88; Негматов, 1964, стр. 34; подробно: Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 5—101). К северу от нее, на скалистой обрывистой со стороны сая горе — памятник IX—XII вв. Чильдухтароп (Негматов, Салтовская, 1962, стр. 83—85; Негматов, 1964, стр. 34—44). За этой горой раскинулся комплекс Калаи Кахкаха (Негматов, 1956б, стр. 63—68; 1959в, стр. 118—126; 1959г, стр. 96—102; 1961, стр. 114—119; 1959а, стр. 105—116; Негматов, Салтовская, 1962, стр. 77—83; Негматов, 1959б, стр. 126—134; Негматов, Зеймаль, 1959, стр. 205—217; подробно: Негматов, Хмельницкий, 1966), дальше — Тирмизактепа (Негматов, 1959г, стр. 102—107; Негматов, Зеймаль, 1961, стр. 67—83; подробно: Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973) и ряд других памятников. В глубине ущелья Кулькутан, в 6 км от Чильхуджры, возвышается другой памятник примерно того же времени — холм Калаи Сар.

Весь этот превосходный комплекс памятников района Шахристана представляет собой развалины некогда крупного городского центра Бундиката — столицы древней области Уструшаны, раскрывающейся теперь во всем своем историческом и культурном многообразии.

Холм Чильхуджра состоит из остатков основного здания на севере и четырехугольного в плане дворика, примыкающего к основному зданию с юго-запада и имеющего с трех сторон оплывшие валы хозяйственных помещений. Южнее дворика расположено еще одно возвышение, принятое О. И. Смирновой (1953, стр. 204) за третью часть «городища». Однако наши наблюдения показали, что это всхолмление не содержит никаких культурных наслойений и представляет собой естественную гравийную возвышенность. Общая высота холма до раскопок от северо-восточного подножия составляла 29,8 м.

Холм с трех сторон имеет очень крутые склоны, только с южной стороны подъем сравнительно пологий. Высота искусственной части холма с остатками основного здания до раскопок составляла 6 м. Почти в центре его, с незначительным отклонением к востоку, было небольшое углубление, наиболее высокими частями были юго-западный и северо-западный его углы. В плане основной холм имел форму неправильного прямоугольника. Поверхность его сильно задернована и обильна травой. На самой вершине стоял открытый на север каркасный айванчик, по выражению В. В. Бартольда (1897, стр. 75) — «муллушки», почитаемый местными жителями как мазар (рис. 4). Поверхность основ-

нога холма, дворика и южного естественного возвышения сплошь занята мусульманским кладбищем. У подножия холма бывают упоминавшиеся древние источники. С северо-восточной стороны холма сохранились обнажения мощных укреплений здания (рис. 5), сложенных из пяти рядов пахсовых блоков общей высотой 6 м, и остатки круглой глинобитной угловой башни такой же высоты (рис. 6). Описание этих обнажений дается только в работах О. И. Смирновой и Н. Н. Негматова. Единственное отверстие в западном скате холма в 22 м от подножия было не основным входом, как полагал И. А. Кастанье, а провалом свода одного из помещений. Через него можно было попасть внутрь здания. На месте провала имелось два хода — к востоку и к югу. И. А. Кастанье пишет, что южный проем оформлен аркой из «правильно сложенных» сырцов, а арку проема, ведущего к востоку, не описывает. Наши наблюдения показали обратное: восточный проем был оформлен аркой, приближающейся формой к стрельчатой, а южный вход был явно пробит в стене. Намного ниже пробитого хода были обнаружены остатки арки дверного проема.

Восточная арочная перемычка по фасаду имела ширину в один кирпич (размер кирпича в среднем $50 \times 25 \times 10$ см), толщину в 1,5 кирпича. Проем этот был выложен вместе со сводчатой оболочкой, и поэтому фасадная поверхность арочной перемычки была не вертикальной, а изгибалась в соответствии с кривизной свода. За этой перемычкой совсем малых размеров (ширина ее 57 см) была видна другая, более высокая, с наклонной, круто поднимающейся к западу шельгой свода. Ход тянулся метра на 3 к востоку и упирался в завал.

Через южный ход можно было попасть в продолговатое, ориентированное с севера на юг помещение с полностью сохранившимся сводом. Помещение было заполнено примерно на половину высоты наносными слоями и лессовой пылью. Таким образом, оставалось пустым пространство высотой немногим более 2 м и были видны пахсовые блоки в нижней части стен, описанные И. А. Кастанье и О. И. Смирновой. Выше шли горизонтальные ряды сырца, затем начинялся свод, сложенный наклонными отрезками, направленными с севера на юг. В южном конце ход разветвлялся на восток и на запад, но здесь уже приходилось не идти, а ползти на животе по сухой пыли, которая заполняла ходы почти доверху. Восточный вход продолжался метров на пять и упирался в стену. Западный проход шел, изгибаясь вокруг круглого сырцового столба, спирально вверх. По всему было видно, что этот ход вокруг столба представляет собой пандусное сооружение. Ход продолжался примерно до трех

четвертей витка, после чего становился практически непропускаемым, так как заполнение здесь достигало почти шелеста свода.

Почти на половине подъема на северо-восточном скате холма вырыта пещерка в виде окружной купольной комнаты. В нее ведет низкий проем с маленькой деревянной дверцей высотой около 70 см. По словам местных жителей, эта пещерка была вырыта неким Шамсидевоном («девоном» — букв. «душевнобольной», «юродивый»), приехавшим сюда будто бы из Ферганы. Здесь он жил до последних дней своих, а после смерти был похоронен на расположенному рядом кладбище. Все деревья, растущие в микроаэросе, образованном на бывающих здесь ключах, якобы посажены именно этим Шамсидевоном. Пещерка действительно служила местом поклонения и жертвоприношений, но никак не могла служить мечетью, как ее называет Н. С. Лыкошин (1896, стр. 10).

В описании О. И. Смирновой допущена неточность. По ее словам, пандусом по спирали поднимается не западное ответвление вышеупомянутой развилки, а какой-то распределительный коридорчик, в который ведет арочный проем в восточной стене первого помещения с проваленным сводом. Она ничего не говорит о развилке в южном конце коридора.

В результате раскопок не оправдалось и предположение И. А. Кастанье, полагавшего, что оба хода, разветвленные в южном конце свода, «опоясывая холм кругом, все поднимаясь, должно быть, соединялись в каком-нибудь пункте». Конечно, без раскопочных работ он не мог знать, что восточное ответвление ведет в соседнее помещение, а западное — представляет собой пандус и выводит на второй этаж цокольную крышу.

В работе В. В. Бартольда также допущены значительные неточности. Во-первых, судя по тому, что форму здания он находит похожей на букву Т и ничего не говорит о пандусе, можно предположить, что он не добирался до этих частей здания. Во-вторых, он, принимая во внимание строительный материал Чильхуджры — сырцовый кирпич, высказывает предположение, что «здание едва ли отличается особенной древностью». Раскопочные работы на Чильхуджре и добывавший здесь материал опровергают это мнение.

ХОД РАСКОПОК

РАСКОПКИ ОСНОВНОГО ЗДАНИЯ

Раскопки Чильхуджры были начаты с помещения с проваленным сводом в западном склоне холма. В результате шестилетних работ раскопано основное двухэтажное здание

и дворовые постройки укрепленного замка. Необходимо отметить великолепную сохранность памятника: до нас дошли не только сводчатые помещения нижнего этажа, но и кровля некоторых помещений второго этажа.

Первый этаж основного здания Чильхуджры (рис. 7) состоит из двух частей: центрального ядра и системы периферийных коридоров. В ядре здания (рис. 8) насчитывается четыре помещения, расположенных на глинобитном стилобате. Три помещения параллельны по отношению друг к другу и вытянуты с севера на юг, а четвертое, южное, перпендикулярно им. Само ядро в целом имеет в плане форму квадрата. Периферийные помещения, окружающие ядро с четырех сторон, расположены на более низком уровне.

Расположение цепочки внешних помещений с трех сторон одинаковое — по два узких помещения с каждой стороны и по одному купольному помещению башенного типа на углах. Южные же помещения несколько иной конфигурации — шире и короче, а также отличаются несколько большим размером проемов. С этой стороны насчитывается три помещения. Вместо углового башенного помещения в юго-западном углу расположен сводчатый пандус, изгибающийся вокруг круглого столба. Он выводит на второй этаж и выше, на несохранившуюся кровлю второго этажа.

Второй этаж (рис. 9) состоит из крупного парадного зала и группы более мелких помещений, окаймляющих зал с двух сторон в форме буквы Г. Южная группа состоит из парадного вестибюля, сообщающегося с залом, и маленько-го купольного помещения, западная — из короткого коридора, примыкающего к пандусу, и трех небольших помещений, одно из которых сообщается с коридором, ведущим в пандус, второе — с залом и с третьим помещением той же группы.

Исследования показали, что здание в целом претерпело несколько перестроек и что ядро здания, периферийные помещения и второй этаж — разновременны.

Наиболее ранней по времени частью здания нужно, несомненно, признать центральное ядро, с которого мы и начнем последовательное описание.

Помещения центрального ядра ориентированы почти точно по странам света, с отклонением всего на 5° к востоку. Помещение № 18 (рис. 10) расположено в восточной части центрального ядра. Оно продолговатое, сводчатое, тянется с севера на юг. Свод имеет пяту с двойным выступом. Общие размеры помещения $6,30 \times 2,20$ м. Кладка стен помещения весьма интересна. Нижняя часть состоит из одного ряда пахсовых блоков высотой 0,75 м. На всех четырех стенах выше пахсовых блоков до первого выступа пяты сво-

да прослеживаются пять рядов комбинированной кладки. Высота выступа пяты свода от пола составляет 1,65 м. Между первым и вторым выступами пяты свода в виде полочек с выносом 6,5 см расположены два ряда сырца. Расстояние от пола до второго выступа пяты 1,98 м. Между вторым выступом пяты и началом свода прослеживается кладка из пяти горизонтальных рядов сырца. На этом уровне, между первым и четвертым рядами сырца, расположено с каждой стороны по шесть прямоугольных гнезд от деревянных балок. Высота гнезд от пола 2,10 м, размеры их колеблются от 34×17 до 25×15 см. На высоте 2,70 м от пола начинается собственно свод, сложенный из отрезков, наклоненных с севера на юг. В северной стене имеется два световых проема, один — крупный, неправильной овальной формы, явно пробитый в стене после перестройки на высоте 0,85 м от пола. Его высота 1,40 м при максимальной ширине 0,60 м. Второй световой проем, щелевидной формы, относится ко времени первоначальной постройки и расположен на высоте 2,05 м от пола.

В юго-западном углу помещения находится единственный во всем здании не арочный, а прямоугольный, с балочной перемычкой дверной проем, ведущий в соседнее помещение № 19. Высота его 1,52 м, ширина 1,13 м. Над проемом сохранились арковые балки перекрытия. Некогда здесь была установлена дверь: сохранились остатки деревянной дверной рамы.

Помещение № 19 (рис. 11 и 12) расположено западнее помещения № 18 и параллельно ему. Оба эти помещения совершенно одинаковы и по размеру и по технике кладки стен. Отметим лишь некоторые различия между ними. Очень целесообразным кажется то, что свод помещения № 19 своими наклонными отрезками направлен с юга на север, а свод помещения № 18, наоборот, с севера на юг. В северной стене помещения № 19 расположен точно такой же щелевидный оконный проем, как и в помещении № 18. Ниже окна, на уровне первого выступа пяты свода, обнаружено отверстие размером 53×48 см, ведущее в миниатюрное изолированное помещение № 19а. Оно отделяется от помещения № 19 стеной в 90 см. Пол его выше пола помещения № 19, расположен на уровне поверхности нижнего ряда пахсовых блоков. Помещение № 19а имеет вспаренное сводчатое перекрытие. Близко к центру западной и восточной стен прослеживается почти вертикальный шов со следами глиняной обмазки. Размеры помещения: ширина (с севера на юг) 1,11 м, длина (с запада на восток) 1,31 м, наибольшая высота шельги свода 1,44 м.

Своды в помещениях № 18 и 19 были пробиты, а сами

они засыпаны гравием. Засыпка, очевидно, производилась сверху. Находки в этих помещениях немногочисленны. Например, помещение № 18 дало нам обломки горшка тонкой работы и небольших размеров, с двумя ручками, следами ангоба невысокого качества: полуистлевшую деревяшную крышку котла; донышко небольшого стеклянного сосудика; одно каменное пряслице конической формы, большое количество скорлупы грецких орехов и костей животных. В помещении № 19 была найдена керамическая чаша с одной сохранившейся ручкой, нижний конец которой прикреплен к плечику, а верхняя часть примыкает к венчику. По верху венчика виден волнистый орнамент. Верхняя часть чаши изнутри красноангобирована, качество ангоба низкое. Здесь также найдены одна серебряная серьга в виде кольца с припаянным ушком, две сердоликовые и две бирюзовые бусины, фрагменты толстостенной керамики, кости домашнего скота и скорлупа орехов. У западной стены, в 0,60 м от юго-западного угла, видны следы огня, что может свидетельствовать о существовании здесь некогда очага.

Арочный проем в южном торце помещения № 19, прорезанный заподлицо с западной стеной, ведет в помещение № 20. Ширина проема 1,12 м, максимальная высота 1,91 м. Кладка арки клинчатая. Этот проем был заложен сырцовой закладкой, опиравшейся не на пол, а на слой гравия мощностью в 0,25—0,30 м. Закладка проема состоит из семи рядов сырца и не доходит до замка арки примерно на 0,70 м.

Помещение № 20 (рис. 12) решено несколько иначе. Общие размеры помещения $9,55 \times 2,13$ м. Техника кладки стен и свода та же, что и в помещениях № 18 и 19. Наклонные отрезки свода направлены с запада на восток. Сохранилась западная часть свода на 3,70 м от западной стены. В северо-западном углу помещения стоит прямоугольный столб, сложенный из сырца и расширяющийся кверху. Назначение столба — ремонтное, так как свод над ним был разрушен и расширяющийся кверху массив кладки заполнял разрушенную часть. Над этим столбом расположена стена зала второго этажа.

В двух продольных стенах помещения на том же уровне, что и в помещениях № 18 и 19, расчищены гнезда от деревянных балок, по 7 гнезд с каждой стороны. Здесь в отличие от других помещений в западной поперечной стене, рядом со столбом, на уровне начала свода расчищены гнезда от двух балок. На восточной стене расположены прямоугольный оконный проем размером $95,5 \times 45,5$ см.

Со стороны помещения № 20 восточная часть закладки проема выступает на 29 см наружу и, повернув под прямым углом на юг, превращается в перегородку высотой 91 см,

деляющую помещение на две части. Расстояние перегородки от западной стены 5,01 м. Часть помещения к востоку от перегородки сохранила на стенах следы сильного огня, причем на северной стене они идут гораздо ниже, чем на южной. Начиная от границы следов пожарища книзу идет очень плотная глиняная забивка.

В завале много костей домашнего скота, в основном мелкого. Найдены черепа козлов и баранов, но основную массу костей составляют ребра и позвонки. Пол весьма рыхлый. На нем обнаружены следы разрушенного очага, сложенного из камней. Над очагом, на стене, — следы огня, копоть. Рядом с очагом найден частично обгоревший фрагмент огромных размеров деревянного черпака. Есть фрагменты толсто- и тонкостенной иногда красноангобированной керамики. Рыхлый слой с навозом, саманом и костями продолжается ниже уровня пола и даже уходит под южную стену помещения. До расколок в западной части помещения (где уцелел свод) человек мог стоять во весь рост. Завал к востоку постепенно поднимался кверху и, не доходя до края уцелевшей части свода, достигал его шельги.

Помещение № 21 не раскопано, так как над ним расположена стена одного из залов второго этажа. Лишь через арочный световой проем в него из помещения № 1 (системы периферийных комнат) можно частично разглядеть, что его свод также пробит, сама комната заполнена, в отличие от других, параллельных ей помещений центрального ядра, не гравием, а глиняными комьями и битым сырцом (во всяком случае, в верхней своей части) и что наклонные отрезки его свода направлены с севера на юг.

В юго-западном углу помещения № 20 расчищен проход в помещение № 6 (рис. 7 и 13) южной группы системы периферийных помещений. Помещение № 6 представляет собой небольшую квадратную ($2,40 \times 2,44$ м) сводчатую комнату. Она с трех сторон имеет арочные проемы: в западной стене — в помещение № 8 (пандус), в восточной стене — в помещение № 7 и в северной стене — упомянутая арка проема в помещение № 20. Последний проход довольно длинный, явно пробит сквозь толщу пахсовых блоков и на верху охватывает два ряда сырца. Со стороны помещения № 6 проход оформлен аркой, ширина которой 1,10 м, высота 1,85 м. Эта арка имеет невысокую стрелу подъема и напоминает по форме лучковую. Кладка арки клинчатая. Толщина ее — в полтора кирпича. За аркой отлично сохранились три балки, судя по коре, — урюковые.

Пол помещения был как бы продолжением пандуса, расположенного напротив, и шел с наклоном с запада на восток.

Северная стена помещения до пяты свода состоит как бы из одного массивного блока пахсы и достигает высоты от пола 0,80—1,0 м. Выше уложены шесть рядов сырца. Между вторым и четвертым рядами сырца в западной части стены расчищено прямоугольное гнездо от деревянной балки. Его размеры 18×25 см. Выше этих рядов сырца начинается собственно свод, который наклонными отрезками направлен с востока на запад. Высота пяты свода от пола (в западной части) 0,80 м, высота гнезда 1,30 м и от пола до начала свода 1,55 м.

Западная стена основанием упирается в слой гравия. Около половины стены занимает высокий и широкий арочный проем, ведущий в помещение № 8 (пандус). Стена сложена из двух пахсовых блоков, поставленных один на другой. Нижний блок на 22 см уходит под пол. От пола до верха первого блока 97 см, до верха второго 2,25 м. На этот блок опирается арка проема. Выше свободное от арки пространство занимает обычная сырцовая кладка горизонтальными рядами.

Южная стена до пяты свода состоит из двух рядов пахсовых блоков с прослойкой из одного ряда сырца. Основания нижних блоков расположены с уклоном на восток, и в западной их части, в срезе пола, выступает галька. Высота нижних блоков от пола 61 см, до верха сырцовой прослойки 70 см, до верха второго ряда блоков 162,5 см. Выше прослеживаются те же шесть горизонтальных рядов сырца. На том же уровне, что и в северной стене, расчищены два гнезда от деревянных балок. Выше начинается свод. На уровне 2,79 м от пола в своде расчищен прямоугольный оконный проем, направленный снизу вверх.

Восточная стена на высоту 1 м сложена в технике комбинированной кладки. Выше идет обычная сырцовая кладка. Южную часть стены занимает арочный проем шириной 1,26 м и высотой 2,30 м. Высота шелыги свода от пола в западной части помещения составляет 2,90 м и в восточной 3,80 м. Помещение с двух сторон было почти сплошь заложено сырцовой кладкой до высоты 2,39 м от пола. За закладкой остался и вышеупомянутый проход в помещение № 20. Только по диагонали помещения от проема из помещения № 8 к проему в помещение № 7 был сохранен узкий, слегка изогнутый проход шириной около 0,5 м. Этот проход был заполнен мелкой пылью и обломками сырца.

Внушительная масса сырцовой закладки, которой было заполнено помещение, была уложена на сплошной слой навоза, лежащий в свою очередь на слое крупной гальки. Здесь найдены немногочисленные фрагменты керамики и много костей домашнего скота. Нижняя часть закладки

включает в себя большое количество камней крупных размеров, весом до 10 кг, и скопление костей животных, особенно обильное под закладкой у южной стены. Костями животных были забиты и гнезда от балок в южной стене.

Помещение № 7 (рис. 7 и 13) — вторая с запада комната южной анфилады. Западная его стена та же, что и восточная стена помещения № 6. Северная и южная стены сложены в такой же технике, в какой сложена южная стена помещения № 6. Разница лишь в том, что внизу, у основания стены, прослеживается один дополнительный ряд сырца. От пола до начала нижних пахсовых блоков 13 см, до сырцовой прослойки между блоками 81 см, до начала верхних блоков 90 см, до пяты свода 1,79 м и до начала свода 2,44 м. Между пятой и началом свода расчищены гнезда от деревянных балок по три с каждой стороны. В северной стене на уровне 1,10 м от пола расчищено углубление неопределенной формы размером 76×80 см. Восточная стена сложена в той же технике комбинированной кладки, что и западная. Свод помещения своим наклонными отрезками направлен с запада на восток. Он был пробит двумя могильными ямами. От пола до шельги свода 3,78 см. Размер помещения 3,28×2,36 м. В северо-восточном углу — следы большого кострища.

В помещениях № 6 и 7, кроме фрагментов толстостенного хума, других находок, заслуживающих особого внимания, не было.

Проем в восточной стене помещения, прорезанный заподлицо с его южной стеной и перекрытый арочной перекладкой не совсем правильной, асимметричной формы (1,20×2,70 м), ведет в последнее помещение южной анфилады. Этот проем был заложен обычной сырцовой кладкой. Помещение № 12 (рис. 7 и 13) отличается от предыдущих худшей сохранностью и усложненностью конфигураций. Его свод полностью разрушен, почти целиком разрушена восточная стена, в которой сохранились остатки небольшого, ведущего на восток проема. У входа, у западной стены, помещение имеет почти ту же самую ширину, что и предыдущее помещение, далее же оно сужается за счет массивного выступа северной стены. Вместе с тем южная стена помещения на расстоянии около 1 м от входа несколько западает, однако на меньшее расстояние, чем выступ на северной стени. Западающий угол южной стены заполнен массивом сырцовой кладки длиной 1,08 м и глубиной, соответствующей глубине выступа (0,32 м). Таким образом, создается впечатление, что все помещение № 12 сдвинуто к югу по отношению к предыдущим помещениям, за исключением небольшого пространства у самой западной двери.

Северная стена помещения выложена из двух рядов пахсы, причем швы между блоками не совсем вертикальны. Высота первого ряда блоков 1,02 м, второго 1,83 м. Над пахсовыми блоками прослеживается девять горизонтальных рядов сырцовой кладки, которые образуют пяту свода с выносом 6,5 см.

Рядом с выступом на северной стене сделан глубокий зондаж через пахсовую толщу. В результате выявлена пахсовая наклонная поверхность, которая была замурована под внешними пахсовыми блоками.

Арка проема из помещения № 7 со стороны помещения № 12 (рис. 14), по-видимому, имела архиволт, несколько западающий в стену. Сохранилась гладко обмазанная часть его и наклонная полочка у имposta, слегка выступающая из плоскости стены.

Южная стена помещения сходит почти на нет к востоку. Она также сложена из двух рядов пахсы. Выше стена не сохранилась.

Восточная стена сохранилась менее чем на высоту одного блока пахсы. В ней, как отмечалось выше, прочищен проход, но он в отличие от проходов прочих помещений, пробитых заподлицо с одной из стен, расположен почти в середине стены с незначительным отклонением от оси на север. Ширина прохода 0,72 м. В нижних слоях завала встречаются фрагменты толсто- и тонкостенной посуды, котлов из огнеупорной глины и кости животных. У восточной стены, почти у самого пола, найден железный втульчатый топор с небольшим граненым обухом. У западного дверного проема — следы костра, в центре и у южной стены — небольшие зольные пятна.

В восточной части северной стены расчищен глубокий проход, перекрытый двумя арками разной высоты и ширины. Внешняя арка уже и ниже внутренней. Ее полная высота не сохранилась, ширина 1,03 м. Высота внутренней арки 120 см, ширина 1,13 м. Основание ее своей западной стороной примыкает к наклонной пахсовой поверхности, которая, очевидно, совпадает с наклонной поверхностью, обнаруженной в зондаже северной стены помещения № 12.

Помещение № 11 (рис. 7) входит в восточную группу системы периферийных коридоров. В него из комнаты № 12 ведет отмеченный глубокий проем, перекрытый двумя арками. Длина помещения 5,28 м, ширина на уровне 1,54 м от пола 1,40 м. С этого уровня вниз к основанию западной стены идет наклонный выступ с неровной поверхностью, который служает ширину помещения у пола до 0,93 м.

В нижней части западной стены прослеживается один ряд пахсы с наклонной поверхностью. Выше, до пяты свода,

уложены семь рядов сырца. Сырцовая кладка от пяты до начала свода насчитывает четыре ряда. Высота наклонной пахсовой поверхности до начала кирпичной кладки 1,54 м, от пола до пяты свода 2,25 м, до его начала 2,66 м.

Нижняя часть восточной стены состоит из двух рядов пахсовых блоков, выше, до пяты свода, прослеживаются четыре ряда сырцовой кладки, от пяты до начала свода также четыре ряда сырца. Высота нижних блоков от пола 0,85 м, высота второго ряда блоков 1,65 м, от пола до пяты свода 2,08 м и до начала свода 2,57 м. На уровне пяты свода в продольных стенах расчищено по пять гнезд от деревянных балок. Свод сохранился лишь в северной части помещения на протяжении около 1 м. Его наклонные отрезки направлены с юга на север. Высота щелыги свода от пола 3,99 м.

На северной стороне помещения № 11 расчищен арочный проем в следующее помещение № 10 (рис. 7 и 14). Северная стена собственно состоит из узкого пахсового блока шириной 0,46 м, высотой 1,06 м. На него опирается клинчатая кладка арки. Кроме нескольких фрагментов толстостенной грубой керамики, в этом помещении находок не было.

Помещение № 10 по технике кладки стен точно такое же, как и помещение № 11, отличается лишь размером и некоторыми деталями. В середине восточной стены на уровне 3,43 м от пола расчищен небольшой прямоугольный световой проем размером 31×24 см, прорезающий наклонные ряды свода. Свод сохранился полностью, лишь в юго-западном углу он пробит двумя могильными ямами. Своими наклонными отрезками он направлен с севера на юг. На уровне пяты свода расчищено по шесть гнезд от балок в каждой продольной стене.

В северной стене, под самым сводом, на уровне 3,65 м от пола расчищен световой проем, асимметрично сдвинутый в западную сторону; с этой стороны он повторяет очертание поверхности свода, восточная же его сторона прямолинейна. Его ширина 63 см, высота 77, глубина 60 см. В северо-восточном углу помещения расчищен прямоугольный тумбообразный выступ. Он сложен из пахсы и выступает от северной стены на 1 м и от восточной — на 0,47 м. Его высота 0,79 м. Над этим выступом, на уровне 1,27 м от пола, расчищена бесформенная выемка, по-видимому, промытая дождевой водой. Такие же два бесформенных углубления имеются в середине западной стены и в ее северной части.

Проем шириной 0,86 м и высотой 1,91 м в северной стене ведет в угловое помещение № 9 (рис. 7, 14 и 15). Это помещение в плане образует несколько меньше четверти круга. Южная и западная стены его прямые, а криволинейный участок между ними представляет собой геометрически пра-

вильный отрезок окружности. Все стены состоят из трех рядов пахсовых блоков, выше прослеживается один ряд сырцовой кладки (в северо-восточной части — три ряда), после чего стены закругляются в плане, переходя в купол. Переход от стен к кладке купола был осуществлен при помощи трех тромпов, два из которых сохранились полностью, а третий, северо-западный, — частично. Промежутки между тромпами заполняют девять рядов сырцовой кладки. Из них три ряда проходят над юго-восточным тромпом и один — над юго-западным. Выше прослеживаются три ряда сырцовой кладки купола, самый нижний из которых выступает на 6 см из стены. Высотные размеры помещения: высота первого блока от пола 0,85 м, второго — 1,68 м, третьего — 2,34 м, от пола до основания тромпов 2,63 м, до верхней точки юго-восточного тромпа 3,19 м, юго-западного тромпа 3,48 м, до начала барабана 3,56 м. Один ряд сырцовой кладки, сложенной над третьим рядом пахсовых блоков, проходит над аркой проема в южной стене (из помещения № 10), а также над аркой проема в западной стене (в помещение № 5 северной анфилады). Проем из помещения № 10 со стороны помещения № 9 имеет пороговые выемки-нишки, уходящие под стены.

Примечательных находок в этом помещении не было. Лишь на самом полу у южной арочной перемычки был обнаружен перевернутый раздавленный хум средних размеров. Под фрагментированным его дном были обнаружены маленький бронзовый колокольчик, косточки урюка, персика, фисташки, барабаний помет, немного золы и углей, рядом — маленькая тонкая круглая металлическая пластинка диаметром меньше 1 см, с круглым отверстием в середине, а также небольшое количество костей мелкого домашнего скота.

Помещение № 5 (рис. 7 и 17) расположено к западу от комнаты № 9 и входит в число комнат северной группы системы периферийных коридоров. Проем между этими двумя помещениями был заложен сырцом почти до половины. Нижняя часть южной стены комнаты до уровня 1,33 м от пола состоит из пахсы, которая образует, как и в помещениях № 10 и 11, наклонный выступ. Выше прослеживаются два ряда сырцовой кладки, затем ряд пахсовых блоков, доходящих до пяты свода, а от пяты до начала свода можно проследить четыре ряда сырца. Судя по сохранившейся нижней части свода, его наклонные отрезки были направлены с востока на запад. Высота нижних пахсовых блоков от пола до начала сырцовой прослойки 1,53 м, до низа второго ряда блоков 1,69, до пяты свода 2,24 и до начала свода 2,65 м.

Основание северной стены состоит из двух рядов пахсо-

вых блоков, выше до пяты свода прослеживаются семь рядов сырцовой кладки. От пяты до начала свода сырцовая кладка насчитывает четыре ряда. Высота первого ряда блоков от пола 0,88 м, второго 1,37 м, высота сырцовой кладки до пяты свода 2,23 м и до начала свода 2,69 м. В северной и южной стенах сохранилось по два гнезда от деревянных балок.

В северо-восточном углу помещения имеется пахсовый выступ, похожий на выступ в помещении № 10. Он как бы продолжает северное основание арочного проема из помещения № 9, при этом на 4° уклоняется к югу. Высота его от пола 1,22 м, он выступает от северной стены на 1,34 м и от восточной — на 1,18 м. Западная стена состоит из одного пахсового блока, примыкающего к северной стене. Южную часть ее занимает арочный проем, прорезанный заподлицо с южной стеной и ведущий в соседнее помещение № 4. Выше пахсового блока до самого верха сохранившейся части стены прослеживаются ряды сырца. Высота блока 1,22 м, у основания арки проема он наклонно понижается до 0,98 м. Общий размер помещения 4,91×1,90 м. Арочный проем в помещение № 4 имеет ширину 0,92 м и высоту 1,77 м. Кладка арки — клинчатая. В этом помещении найдено несколько фрагментов толстостенной керамики.

Техника кладки стен помещения № 4 (рис. 7 и 17) точно такая же, как и в помещении № 5. Отличие в том, что семь рядов сырцовой кладки в северной стене внезапно обрываются на расстоянии 2,68 м от северо-восточного угла и сменяются пахсой, продолжающей второй от пола ряд блоков. В этой же стене на уровне 3,23 м от пола расчищен прямоугольный световой проем размером 29×25 см. В западной стене помещения расчищен арочный проем шириной 1,09 м и высотой 1,53 м (рис. 16). Кладка его арки также клинчатая. В северо-западном углу имеется такой же выступ, как и в помещениях № 5 и 10. Его размеры у основания 42×51 см, высота 0,86 м. На уровне 2,38 м от пола почти всю южную половину западной стены занимает оригинальный проем. Северная его сторона прямолинейная, южная же повторяет линию полусвода (он совершенно аналогичен такому же проему в помещении № 10). Ширина проема у основания 56,5 см, высота 135,5, глубина 75 см. Проем заложен со стороны соседнего углового помещения № 3 кладкой толщиной в один кирпич. Свод помещения сохранился полностью. Высота шельги свода от пола 3,75 м. Наклонные отрезки свода направлены с запада на восток.

Помещение № 3 (рис. 7, 17 и 18) представляет собой небольшую комнату неправильной трапециевидной в плане формы. Двумя арочными проемами оно соединяется с по-

мешениями № 1 и 4. Перемычки проемов сложены в характерной клинчатой кладке. За исключением северной все стены помещения прямолинейны. Северная же стена изгибаётся от северо-восточного угла в юго-западную сторону и, как показал зондаж, уходит, также изгибаясь, под западную стену. Последняя, таким образом, является массивной прикладкой, а все помещение первоначально имело план, аналогичный плану помещения № 9. В отличие от последнего помещение № 3 перекрыто не куполом, а сводом, пяты которого отчетливо наблюдаются на западной и восточной стенах на высоте 1,95 м от пола. Основание свода, как обычно, выступает на 6,5 см внутрь помещения в виде полочки, образованной пятыю рядами сырца. Над восточным проемом количество рядов сведено к двум, так как в этом месте клинчатая кладка арки поднимается выше основания свода. С обеих сторон видны гнезда от балок — две пары обычные, равные по высоте двум рядам сырца, и одна средняя пара более мелких и менее глубоких гнезд, имеющих характер добавочных. Западное основание свода опирается на упомянутую прикладку.

Южная стена, прорезанная проёмом заподлицо с восточной стеной помещения № 1, имеет в основе уже знакомый нам наклонный пахсовый выступ, являющийся продолжением такого же выступа в помещении № 1. Высота выступа от пола 0,95 м. На угол его непосредственно опирается клинчатая перемычка проема, ширина которой по фасаду один кирпич, толщина 1,5 кирпича (что соответствует толщине стены). Над наклонным пахсовым выступом рядом с аркой уложены пять рядов сырца, над которымиложен слой пахсы, состоящий из двух блоков, разделенных несколько наклонным швом. Верхний край пахсы совпадает с верхом арочной перемычки. Боковой край пахсы, примыкающий к арочной перемычке, повторяет очертание арочного архивольта. Участок стены выше состоит из регулярной сырцовой кладки.

Восточная стена начинается девятью рядами сырцовой кладки, на которую опирается наклонная пята арочного проема. Выше заложен один ряд пахсы, над которым нависает упомянутая пята свода. Над пятыю рядами сырца, образующими основание свода, начинаются направленные на юг наклонные отрезки, наклон которых все более увеличивается к северу. Южное гнездо прорезано не в сырцовой кладке, а в пахсе, наращенной в этом месте над арочной перемычкой. Южная пята арки расположена значительно ниже северной и нахлестывает на выступающий наклонно слой пахсы почти в его середине. К этой стеле позднее была приложена дополнительная прикладка, сложенная в технике

регулярной сырцовой кладки, толщиной в один кирпич, которая занимала всю ширину и высоту южной стены и, следовательно, закрывала собой проем в помещение № 4.

Сохранившийся открытый участок криволинейной северной стены состоит из двух рядов пахсовых блоков, прослоенных двумя рядами сырца. Нижний ряд пахсы образует с восточной стеной отчетливый тупой угол, верхний же ряд плавно сливается с пахсовой прокладкой восточной стены. Выше второго ряда пахсы стена переложена в связи с изменением системы перекрытия и состоит из сырцовой кладки количеством около девяти рядов. От пола до сырцовой прослойки 0,91 м, до второго ряда пахсы 1,09, до пятых свода 1,93, до начала свода 2,49 м.

Западная стена, представляющая собой, как мы уже отмечали, более позднюю прикладку, целиком сложена из сырца. Здесь десять рядов кладки дают высоту 1,16 м. В закладке восточного проема было обнаружено около полутора десятков фрагментов деревянных ложек разной величины, с яйцевидными резервуарами и с ручками, как бы приставленными сбоку. Рядом с ними — медная монета. Керамика из этого помещения представлена фрагментами толсто- и тонкостенной неполивной керамики и фрагментом чирага. Из металлических изделий найден бронзовый наконечник кинжалных ножен с отверстием на конце. Здесь же найдена коралловая бусина в виде гранатового плода (у самого пола), косточки урюка, фисташки, много ореховой скорлупы.

Помещение № 1 (рис. 7 и 18) примыкает к южной стороне вышеописанного помещения № 3 и ориентировано на С—Ю. Оно сводчатое, продолговатых пропорций, подобно помещениям 4, 5, 10, 11. Свод сохранился лишь на небольшом участке южной стороны, вследствие чего помещение пострадало от атмосферных осадков. Структура сильно размытых стен просматривается с трудом.

В основании восточной стены расположены уже отмечавшийся выступающий вперед наклонный слой пахсы с деформированной поверхностью. Выше уложены три ряда сырца, над ними — однорядный слой пахсы, над которым нависает полочка основания свода. Он начинается четырьмя рядами сырца, над которыми уложены отрезки свода с наклоном на север. Высота наклонного слоя пахсы от пола 1,14 м, сырцовой кладки над ним 1,35, второго слоя пахсы (до полочки пяты) 1,94, до начала свода 2,38, до шельги свода 3,81 м.

В южном конце восточной стены заподлицо с ее южным торцом на уровне 2,45 м от пола имеется небольшое арочное окошко, соединяющее помещение № 1 с помещением

№ 21. Ширина и глубина арки — в ширину и длину кирпича. За этой перемычкой видна другая, более высокая, с наклонной, круто поднимающейся к западу шелыгой свода.

Конструктивные членения стен помещения № 1 не горизонтальны, а с небольшим подъемом к югу. Северная стена почти целиком занята арочным проемом, который оставляет лишь небольшой простенок с западной стеной. Он состоит из одного ряда пахсы в основании, двух рядов сырца и еще одного ряда пахсы. Выше структура стен не прослеживается из-за плохой сохранности. По этой же причине не удалось проследить конструкцию западной стены. По всей вероятности, она была аналогична западной стене следующего помещения № 2. Южная стена во всю свою высоту пробита. В нижней ее части сохранились следы арочного проема, от которого осталась клинчатая кладка пят. Западная пятя расположена несколько ниже восточной.

В разных слоях завала встречены фрагменты крупных хумов, кости животных, скорлупа орехов и косточки персиков. У южного проема найден узкогорлый сосуд без нижней части, а также одно каменное пряслице. В юго-восточном углу, на расстоянии 40—60 см от уровня пола, были найдены две бронзовые монеты, на одной из них — отверстие для подвешивания.

Помещение № 2 (рис. 7 и 18) по конфигурации аналогично помещению № 1. Здесь, у основания восточной стены, расположена наклонная поверхность пахсы, благодаря которой ширина помещения у пола заметно сокращается. Из трех рядов сырцовой кладки над пахсой два уложены ложком, а один, средний, — тычком. Слой пахсы над этими тремя рядами с северной стороны значительно выше, чем с южной. Выше нависает основание свода из четырех горизонтальных рядов сырца. Наклонные отрезки свода обращены к югу. Два нижних горизонтальных ряда сырца основания свода прорезаны тремя балочными гнездами обычного вида. Особенностью помещения является то, что между балочными гнездами на равных расстояниях от них расположены два гнезда меньших размеров и меньшей глубины, округлого очертания, предназначавшиеся, очевидно, для дополнительных балок — горбылей.

Западная стена от восточной отличается структурой основания: она состоит из двух рядов пахсы, прослойейных тремя рядами сырца. Примерно в середине помещения в западной части свода, на уровне 3,11 м от пола, расположено узкое окошко прямоугольной формы размером 41×22 см. Пол помещения имеет подъем в южном направлении, которому отвечает соответствующая негоризонтальность конструктивных членений стен и свода.

Южная стена помещения почти целиком занята высоким и глубоким проемом, перекрытым высокой аркой. Глубина проема такова, что он фактически превращается в коридорчик, выходящий на предпандусную площадку. Уровень пола непосредственно перед проемом резко поднимается по всей длине соединительного коридора и в конце его сравнивается с уровнем нижнего ряда сырца, лежащего на наклонном слое пахсы в основании восточной стены. Зондаж показал, что непосредственно под стеной лежит напластование гравия.

Проем соединительного коридора расположен заподлицо с восточной стеной. Пята арки совпадает с основанием свода помещения, но так как эта пята не имеет выноса в виде полочки и свод переходит в стену плавно, стена утолщается за счет выноса основания свода.

Структура стены коридообразного проема остается такой же, как в восточной стене помещения. Узкий простенок правее вышеописанного проема сложен в технике комбинированной кладки. Он состоит из пяти рядов сырца, разделенных более толстыми пахсовыми прослойками. Широкие желтоватые прослойки глины цветом отличаются от сырца более темного зеленоватого оттенка. Аккуратно сложенная клинчатая кладка арки тщательно обмазана глиной. Описанная комбинированная кладка прослеживается и во внутренней стене прохода, ведущего к предпандусной площадке. При расчистке выхода из помещения № 2 на предпандусную площадку найдены фрагменты сосуда с фигурным венчиком и золотой брактеат (см. рис. 19).

Помещение № 2 при помощи коридообразного проема связывается с нижней площадкой пандуса, которая с востока сообщается с помещением № 6. Архивольт арки проема со стороны пандуса слегка утолщен в стену, тщательно затерт и оконтуриен узким выступающим бордюром толщиной в один кирпич. Архивольт арки врезается снизу в свод, перекрывающий пандусную площадку, образуя слабо выраженную распалубку. Слева от проема сохранился выступ, сложенный внизу из пахсы (являющейся продолжением пахсовой кладки стены проема) и вверху — из трех рядов сырца.

Помещение № 8 (пандус) представляет собой сводчатый бесступенчатый подъем, спирально вьющийся вокруг круглого центрального столба. Столб и стены пандуса сложены из пахсы; кое-где в стенах наблюдается сырцовая прослойка. На верхний наклонный срез пахсы опирается винтообразно поднимающийся свод (рис. 20), сложенный из отрезков, наклон которых отвечает наклону пола пандуса.

Пандус освещался небольшими трапециевидными световыми проемами размером 22/39×49 см и 20/32×42 см. Два из этих проемов сохранились выше выхода на второй

этаж. Ширина пандуса колеблется от 1,09 до 1,30 м, высота — от 2 до 2,49 м. Над проходной частью пандуса найдены самые разнообразные вещи: фрагменты толсто- и тонкостенной керамики, круглая в сечении деревянная деталь (видимо, верхняя часть веретена), сшитые ниткой кусочки кожи со следами иголки, кожаные ремешки, шерстяная ткань розового цвета, такие же нитки розового и кирпично-го цветов, куски паласа из цветных ниток, железный трехгранный наконечник стрелы и т. д. В завале, выше слоя навоза, обнаружены фрагмент глиняной головки чилима (кальяна, нижняя часть), раздавленные хумы малых и больших размеров; в одном из хумов — угольки и зола. Над слоем навоза и под ним во множестве встречены кости домашнего скота, ореховая скорлупа, косточки урюка и персика, деревянные плахи, обгоревшие с одного конца, по-видимому, остатки лучинок.

Выход пандуса на второй этаж отмечен площадкой, от которой под прямым углом в северном и восточном направлениях расходятся два коридора. Северный коридор ведет в помещение № 15 (рис. 9). Сравнительно большая протяженность, позволяющая назвать эту комнату коридором (длина 3,75, ширина 1,20 м), вызвана тем, что южная сторона помещения № 15 закрыта массивной пахсовой прикладкой, западный край которой расположен заподлицо с восточной щекой проема. Таким образом, эта сторона коридора состоит из двух ясно различимых частей, где также отчетливо видны две арки: Первая сложена из пахсы, в основании которой лежит один ряд сырца, выдающийся внутрь в виде небольшого выступа. Впоследствии, когда пол в этом месте был поднят, в пахсе на высоте 0,46 м от нижнего пола пробили круглое отверстие для порога. Аналогичное отверстие имеется и на другой стороне проема. Последний перекрыт аркой, конструктивно сохранившейся, но лишенной в настоящее время внутренней поверхности. Над полом этой части продолжается слой навоза, обнаруженный еще в пандусе.

Следующая часть, образованная прикладкой в помещении № 15, была поставлена на более высокий уровень пола. Она также состоит из одного ряда пахсы, под которым различается сильно разрушенная сырцовая кладка. Эта часть коридора также перекрыта аркой плохой сохранности. Описанный массив пахсовой и сырцовой кладки образует лишь угловую часть прикладки. Остальная часть, имеющая длину 1,44 м и примыкающая к восточной стене помещения № 15, сплошь сложена из горизонтальных рядов сырца. Ее основание расположено на еще более высоком уровне и соответствует основанию северной и восточной стен помещения.

Северная и западная стена помещения (последняя продолжается как западная стена коридора, выводящего к пандусу) сложены из блоков пахсы. В северной оконечности западной стены на расстоянии 1,40 м от угла проложен между блоками ряд сырца. Стены сохранились на высоту двух рядов пахсы. Восточная стена сложена в технике комбинированной кладки «вразбежку». Перекрытие помещения не сохранилось. Размер помещения $3,32 \times 2,18$ м. На уровне пола площадки, т. е. на глубине 0,6 м от уровня пола помещения, обнаружены два арочных бревна. Они уложены параллельно северной стене на расстоянии 0,13 и 1,18 м, запущены в толщу западной стены и имеют длину 2,01 и 2,09 м. Судя по таким же бревнам, сохранившимся над сводом помещения № 1, они имели конструктивное назначение и выполняли связующую функцию.

В коридоре среди фрагментов керамики и обработанного дерева найдена продолговатая оструганная и слегка заостренная с двух сторон арочная планка, на которой ясно видны буквы согдийской надписи. Надпись сделана черной тушью на обеих сторонах дощечки: три строчки с одной и полторы — с другой. Кроме того, у отверстия, пробитого в западной стене, был обнаружен деревянный кол, вертикально вбитый в пол. В помещении № 15 найдены почти целая тонкостенная кружка с петлеобразной ручкой, бесформенный кусочек железа, полоска кожи, а под полом помещения — одна цилиндрической формы коралловая бусинка, сердоликовый и бирюзовый вкладыш в перстень. В северо-восточном углу под полом был обнаружен скелет собаки и рядом с ним — железный гвоздь, верхняя часть которого оформлена в виде петли.

В западной стене предпандусной распределительной площадки пробито крупное вертикальное отверстие неправильной формы размером $0,83 \times 2,04$ м. Оно ведет на открытую галерею, которая тянулась вдоль западного фасада здания на уровне второго этажа и от которой сохранился участок примерно 10 м длиной, примыкавший к южной стороной к башне пандуса. Галерея расположена над сводами и внешними стенами наружных помещений первого этажа. Ширина ее 1,65 м. Она окружена массивным сырцовым парапетом. Значительно сужаясь (до 0,56 м), галерея продолжается и вокруг пандусной башни. Здесь она сохранилась в виде узкого обходного коридора на длину 2,96 м, после чего парапет внезапно обрывается, прорезанный, видимо, проемом, другая сторона которого не сохранилась. На эту галерею на высоте 1,23 м от ее пола выходит нижнее окошко пандуса.

Коридор, идущий от предпандусной площадки в восточном направлении (рис. 21), начинается аркой необычной

асимметричной формы шириной 1,39 и высотой 1,93 м. Правая сторона клинчатой перемычки арки имеет значительно большую кривизну, чем левая, поднимающаяся вверх с небольшим наклоном. Непосредственно над аркой начинался свод предпандусной площадки, сложенный, судя по его остаткам, в технике параллельных, но не наклонных отрезков. Сразу же за входной аркой коридора с южной стороны расположен арочный вход размером $1,91 \times 1,34$ м в небольшое купольное помещение № 17 (рис. 9 и 22). Отлично сохранился уступчатый деревянный порог с обращенной внутрь ступенькой (дверь, таким образом, открывалась внутрь) и трезя прямоугольными пазами для вертикальных стоек — двух слева и одной справа. Видны и гнезда от верхней горизонтальной обвязки дверной коробки. Порог как обычно расположен вблизи внешней части проема. Помещение имеет не совсем правильную прямоугольную, приближающуюся к квадрату форму. Его пол приподнят при помощи двух слоев сырца почти на всей площади, за исключением небольшой площадки у входа, равной ширине дверного проема. Это помещение было перекрыто куполом, от которого сохранились нижние ряды кладки и три тромпа. В середине противоположной входу стены расчищено окно трапециевидной, суживающейся кверху формы. Оконный проем шириной 0,47 м сужается в глубину и имеет наклонный, поднимающийся кверху и наружу подоконник. На глубине 0,93 м от стены подоконник образует ступеньку высотой 0,32 м. Верхняя часть проема не сохранилась.

Южная стена помещения, представляющая собой наружную стену здания, сложена из двух рядов пахсовых блоков, между которыми проложены два ряда сырца. Верхний край второго ряда блоков соответствует основанию тромпов. Такую же структуру имеют восточная и северная стены. Последняя занята в большей своей части проемом. Проем расположен заподлицо с западной стеной помещения, в основание которого уложен один ряд пахсы. Выше, до уровня основания тромпов, идет 11—12 рядов сырцовой кладки. Промежуток от основания тромпов до слегка нависающего основания купола состоит из 17 рядов сырцовой кладки (все ряды уложены тычком) и плавно скругляется кверху. Стены сохранили следы огня.

На полу помещения в большом количестве встречались лучинки. Одна была воткнута в нишку у входа, с правой стороны. Редко попадались фрагменты керамики, в основном тонкостенной. Встречались также куски кожи. У южной стены, под оконным проемом, — сравнительно большое скопление золы и на стене — следы огня, копоть.

Северная стена коридора сложена в технике комбинированной кладки с чередующимися рядами сырца и слоями пахсы толщиной примерно в два кирпича. По высоте стены уложены девять рядов сырца, нижний лежит в основании стены. Над верхним рядом сохранилось основание свода, сложенного в технике отрезков, наклоненных к востоку. Стена переходит в свод плавно, без обычного для других помещений Чильхуджры нависания пяты.

Южная стена коридора, представляющая собой внешнюю стену описанного выше купольного помещения, сложена из двух рядов пахсовых блоков, прослойенных двумя рядами сырца, над которыми она также без нависания пяты плавно переходит в свод. Высота первого ряда блоков от пола 0,88 м, второго — 1,83 м.

На востоке коридор заканчивался широким арочным проемом лишь на 0,25 м уже самого коридора. Эти 0,25 м выступают в виде широкой лопатки на северной стене коридора. В верхней части лопатки, на уровне основания свода, видны наклонно сложенные кирпичи пяты несохранившейся арки. Лопатка, образующая северную сторону проема, сложена в той же технике комбинированной кладки, что и вся северная стена коридора. Под лопатку и под противоположную стену уходят ниши от балки порога.

Коридор выводит в квадратное помещение № 14, названное нами Малым залом (рис. 9). Оно сохранилось значительно хуже других помещений: вся восточная стена его и значительная часть южной почти полностью разрушены. Тем не менее удалось установить, что вдоль стен Малого зала тянулись суфы. В восточной стене северо-восточного угла зала, но не доходя до него, прослежены остатки дверного проема, выведившего в полностью исчезнувшее помещение. Другой, необычно широкий, проем расположен в северной стене. Здесь сохранился двойной порог и в правой части — крупный кусок дверной рамы, украшенный резьбой.

Южная и западная стены сложены из двух рядов пахсовых блоков, прослойенных двумя рядами сырца. В западной стене над верхним рядом пахсы видно начало сырцовой кладки. Высота первого ряда блоков от уровня суфы 0,48 м, сырцовой прослойки 0,68, второго ряда блоков 1,51 м. Северная стена, являющаяся продолжением северной стены коридора, сложена в той же технике комбинированной кладки. Северная и западная стены покрыты гладкой, лощеной глиняной обмазкой, на которой сохранились следы росписи. Суфа вдоль северной стены необычно узка и, по существу, представляет собой ступеньку вдоль стены с выносом на 0,25 м.

Широкий проем (1,52 м) в северной стене Малого зала был найден заложенным. Он ведет в самое крупное помещение здания — прямоугольный Большой зал (рис. 9 и 23) размерами $10,40 \times 12,80$ м. Северная и восточная стены зала полностью уничтожены, за исключением ничтожных остатков, достаточных, однако, для того, чтобы установить первоначальные размеры зала. Большой зал слегка вытянут по направлению С—Ю. Вся его продольная западная стена занята сплошной лентой сырцовых сух, средняя часть которых выделена в виде выступающей вперед и более высокой двухступенчатой платформы. Над боковыми участками сух, на стенах, покрытых до лощения гладкой обмазкой, сохранились следы многоцветной росписи.

Над поверхностью пола в южной части Большого зала найдены следы сгоревшей деревянной балки, уложенной в направлении З—В, т. е. по ширине зала. Расположение этой балки, делившей зал в длину в соответствии один к двум, позволяет предполагать, что она представляла собой брускчатое основание для одной из двух пар колонн, на которые опиралось плоское перекрытие зала.

Сохранившиеся участки стен сложены в технике комбинированной кладки и состоят из рядов сырца, прослоенных толстыми слоями глины.

В южной части пол основан прямо на своде помещения № 20 нижнего этажа, а в северной и центральной частях на глубине 20—25 см от уровня пола выступает насыпной гравий помещений № 18 и 19. В центральной части прямо в насыпном гравии помещения № 19 были закопаны два хума, венчики которых были ниже уровня пола примерно на 20—25 см. В одном из них оказались обуглившиеся остатки деревянной скульптуры, состоящие из трех человеческих голов почти в натуральную величину и нескольких фрагментов.

Над первым полом встречались фрагменты тонко- и толстостенной посуды, обломки котлов. У самого порога обнаружены фрагменты гофрированной посуды с кружочками-пуговками, окаймленными с двух сторон двумя параллельными линиями, и раздавленный глиняный котел небольших размеров. Тут же были обнаружены две дощечки с согдийской надписью, сделанной черной тушью.

Непосредственно за центральной выступающей вперед и более высокой сухой стеной прорезана широким проемом, соединяющим Большой зал с помещением № 16а. Конфигурация этого помещения весьма своеобразна (рис. 9 и 24). Уровень пола соответствует верхней поверхности расположенных в Большом зале сух. Описывать восточную, южную и западную стены нет необходимости, так как восточная стена одновременно является западной стеной Большо-

го зала, южная — северной стеной помещения № 15, а западная — продолжением западной стены того же помещения № 15. У северной стены расчищено возвышение в виде суфы, продолжавшее стену на уровне пола. Рядом с этим выступом расчищен проем, связывающий помещение со следующим, почти полностью исчезнувшим, помещением. Проем этот был заполнен сырцом, уложенным ложком. Комната состоит из двух колен, образованных северной стеной, которая сложена в той же технике комбинированной кладки, что и стены зала.

К северу от помещения № 16а обнаружены отделённые от него тонкой перегородкой (толщиной в один кирпич) остатки следующего помещения № 16б, от которого сохранился лишь юго-восточный угол (см. рис. 9). Уровень пола этого помещения совпадает с уровнем пола помещения № 16а. Техника кладки та же комбинированная, так как угол этот создают своей обратной стороной северная стена помещения № 16а и западная стена помещения № 16 (Большого зала). В помещении № 16а у северной стороны входа над вторым полом найдена вставка перстия из благородной шинели (бадахшанский лал). Камень имеет форму усеченной пирамиды. На его лицевой стороне вырезана надпись арабским шрифтом, почерком куфи. Надпись сделана в «зеркальном» отражении, слева направо, что свидетельствует об использовании перстия с этим камнем в качестве печати. В юго-восточном углу под приставной стеной обнаружен раздавленный глиняный котел крупных размеров. По всему его плечику идет вереница вдавленных кружочков. В этом же помещении найдено глиняное пряслище и одна бирюзовая бусина. В сохранившемся углу помещения № 16б обнаружены обломки широкогорлого сероглиняного сосуда с волнистым орнаментом (рис. 25).

РАСКОПКИ ДВОРА

Двор Чильхуджры примыкал к основному зданию с юго-западного угла и представлял собой почти правильный квадрат со сторонами около 19—20 м (рис. 26). Он был ориентирован почти точно по сторонам света. С востока, запада и юга двор окружали довольно высокие валы, под которыми, по нашим предположениям, были скрыты остатки дворовых построек. На севере двор непосредственно примыкал к основному зданию. Валы поднимались от уровня середины двора на высоту около 3 м. Они замкнуты с трех сторон двора, и лишь в северо-западном углу вал не доходил до главного здания на 4—5 м, образуя седловину. Поверхность двора и валов сплошь была занята современным

мусульманским кладбищем, бурно заросшим высокой травой, кишащей змеями, скорпионами, фалангами. Могилы сильно повредили остатки и без того разрушенных помещений дворовой застройки. Из-за них прорублены стены помещений, полы, что сильно затруднило раскопочные работы.

Как видно по микрорельефу двора, вход в него должен был находиться где-то у юго-восточного угла: по обеим сторонам третьего к югу всхолмления были расположены, по-видимому, специально разровненные площадки небольшой ширины, и вели они от подножия более высокого глинистого языка предгорья ко двору Чильхуджры. Последующие раскопочные работы подтвердили это предположение и выявили сложное устройство коленчатого входа с пандусным подъемом и остатками небольшой предвратной башенки.

Раскопки двора Чильхуджры были начаты в 1964 и закончены в 1966 г. В результате вскрыты ряд помещений с западной стороны; остатки двух помещений с восточной стороны, дворик в середине и пандусное сооружение с остатками предвратной башни в юго-восточном углу.

Помещение № 26 расположено в северо-западном углу двора и примыкает к юго-западному углу главного здания, где расположена пандусная шахта, частично заходит за этот угол, делая этим планировку двора довольно асимметричной. От этого помещения сохранилось в основном две стены — южная и восточная. Помещение было расположено именно на том месте, где была вышеотмеченная седловина вала и откуда до раскопок вся дождевая вода с территории двора и частично основного здания стекала вниз к западному склону холма, смывая остатки стен помещения. По остаткам двух стен можно предположить, что его размеры были не менее 6×6 м.

Вход в это помещение был расположен в юго-восточном углу. Но проследить его ширину невозможно, так как четко выявлена лишь одна щековая стена проема. Приблизительно в 2 м от входа с правой стороны расположен танур, сооруженный из опрокинутого вниз венчиком хума с пробитым дном. Хум кругом обложен кусками сырца и скреплен гладкой обмазкой. Наибольший внутренний диаметр хума достигает 65 см, высота его 72 см. Внизу обнаружена сильно обгорелая глиняная обмазка, скрывающая под собой всю толщину венчика и достигающая 8 см. Сверху обмазки лежит слой золы с древесными угольками мощностью 5—6 см.

К северу от танура, непосредственно примыкая к нему, расположен очаг открытой формы. Но здесь же была расположена поздняя могила, вырубленная в основном в стене за очагом, которая разрушила большую часть очага и частично обкладку танура. Судя по остаткам, очаг был расположо-

жен на невысокой площадке (на 8—10 см выше уровня пола), имел округлые очертания. Диаметр площадки, где разводился огонь, примерно 25×25 см. Низ очага гладко обмазан. Обмазка сильно обожжена. На ней — слой золы в 2—3 см. Завал помещения был довольно рыхлым, и в нем найдено небольшое количество обломков толстостенной и кухонной посуды.

К югу от вышеописанного помещения расположена довольно крупная комната № 22, условно названная нами «кухней». Помещение прямоугольное, слегка вытянутое в плане размером $4,9 \times 6,3$ м. Вход в него находится в центрально-восточной стены со стороны двора. Ширина проема 1,20 м. По-видимому, помещение не было предназначено для жилья. Здесь обнаружено три танура и два очага. Нет никаких признаков сух или других сооружений.

Один из тануров, расположенный почти в центре северной стены, был самым крупным — максимальный внутренний диаметр хума, из которого он сделан, достигал 65 см. Хум сохранился примерно на три четверти своей высоты. Рядом с этим тануром с интервалом около метра был расположен другой, более мелкий, сохранившийся приблизительно на четверть высоты. Диаметр сохранившейся части около 35 см. Между двумя танурами обнаружены следы очага, разрушенного могильной ямой. Формы и строение очага установить не удалось. Сохранилась часть площадки для разведения огня, которая была гладко обмазана и сильно обожжена. На этой обмазке лежит слой мягкой золы без каких-либо угольков.

На противоположной стороне, у южной стены, — танур средних размеров и рядом с ним — очаг весьма оригинальной формы. Он расположен против первого, самого крупного, танура у северной стены с незначительным смещением на восток. Также сделан из хума, обложенного сырцом. Но сохранность его мало удовлетворительна: сохранилась лишь часть его с венчиком и плечиком хума. Диаметр горловины хума внутри составляет 23 см.

К востоку от этого танура расположен своеобразный очаг. Сначала к стене была приложена прямоугольная, вытянутая площадка примерно $1,30 \times 0,60$ м. На ней сделана выемка, имеющая форму половины окружности, отступающая от стены на 15 см. Наибольшая глубина выемки до 7 см. Поверхность выемки гладко обмазана, но слой золы на ней совсем не велик — 1—1,5 см. Рядом с обоими очагами этого помещения обнаружены в большом количестве фрагменты кухонной огнеупорной керамической посуды.

Стены помещения сохранились плохо. К тому же они были сплошь изрыты могильными ямами. Завал помеще-

ния, особенно в его восточной части, был очень плотным и порой мало отличался от битой глины стен. Завал западной части менее плотный. В результате зондирования пола были расчищены нижние части западной стены, которая оказалась в лучшем состоянии, и вместе с тем было выяснено, что первоначально расчищенный нами пол принадлежал к последнему периоду жизни помещения. Под ним было обнаружено еще два пола. Под самым верхним, который представлял собой слой сильнор утрамбованной земли толщиной около 5 см, залегал слой с мелкими кусками сильно обгорелого сырца, мелкими угольками и обильной золой. Все это обнаружено на довольно гладком и сильно обожженном полу. Под вторым полом повторялась та же картина. Третий сверху пол также был гладким и сильно обожженным и представлял собой слой уплотненной земли, превращенной действием сильного огня в массу, похожую на керамику, толщиной 5—6 см. Под ним уже пошел чистый гравий, судя по стратиграфии шурфа, заложенного на северной части двора, насыпной.

Таким образом, в этом помещении обнаружено, в отличие от других, три пола. По-видимому, помещение дважды горело. Пожар уничтожил деревянные конструкции перекрытия, следы его обнаружены и на стенах. После каждого пожара обитатели разравнивали сгоревшие и рухнувшие остатки перекрытия, засыпали их слоем чистой земли и утрамбовывали. Но последний раз помещение погибло не от пожара: деревянные конструкции, сгнив, сохранились в виде мелкой трухи.

Все три танура и два очага в этом помещении относятся к последнему периоду жизни в нем, так как после снятия двух верхних полов очаги и тануры кажутся как бы приподнятыми выше уровня пола на 10—12 см. В завале встречались в основном фрагменты толстостенной и кухонной керамики, куски сырца, труха сгнившего дерева.

К югу от помещения № 22 располагались два помещения, сообщающиеся между собой дверным проемом. Одно из них, южное, довольно крупное ($5,3 \times 7,5$ м), другое удивительно маленькое ($1,65 \times 2,80$ м). Эти помещения нами были обозначены под № 23 (крупное) и № 23а (малое).

Помещение № 23, прямоугольное в плане, вытянуто с севера на юг. Вход в него находится в центре северной стены и связывает его с помещением № 23а. Ширина проема 85 см. Сразу у входа начинается суфа, которая, обегая все стены, опять примыкает к проему. Высота суф со всех сторон одинакова — 45 см, а ширина несколько колеблется: западная и южная суфы имеют ширину 1,25 м, восточная — 1,10 м, а северная (с двух боков входа) — 75—80 см.

Завал помещения в основном рыхлый. В нем попадаются куски битого и обгорелого сырца, угольки, зола, фрагменты толсто- и тонкостенной керамики. В одном случае фрагмент керамики украшен волнистым орнаментом. На полу найден фрагмент железного изделия в виде двух заржаленных бесформенных пластин, скрепленных между собой стержнем. Обломок второго стержня сохранился на одной из пластин. На полу, поверхности сух и и на стенах (особенно южной) сохранились следы сильного огня. По-видимому, угольки и зола, встречающиеся в обилии в завале помещения, представляют собой остатки сгоревших деревянных конструкций потолка. Помещение, несомненно, имело плоское деревянное перекрытие. Никаких следов дополнительных опор потолка в виде колонн и их баз не обнаружено, хотя не исключено, что они были. Ширина помещения допускает такое предположение.

В северной части, по обеим сторонам прохода, сухи имеют четкую сырцовую кладку и ярко выраженные повороты в сторону проема. Хотя щековые стенки проема были разрушены могильными ямами, все же под ними наблюдаются нишки от пороговой балки.

Сохранность помещения № 23а очень плохая: весь завал, пол и многие участки стен перекопаны и прорублены могильными ямами. Завал рыхлый, в нем преобладают обломки сырца. Битый сырец попал и под пол. Разрез могил показывает, что под полом, представляющим собой слой чистой утрамбованной земли, залегает гравий // по-видимому, насыпной, судя по зондажу в соседнем помещении № 22 и шурфу на северной части двора.

Проем шириной 90 см расположен почти в центре восточной стены помещения и выводит во двор. Собственно стену эту составляют две лопатки, сложенные из сырца, которые выступают от северной стены на 30 и от южной на 45 см. Между ними и расположен проем.

Помещение, несмотря на малые размеры, имело плоскую кровлю. От сгоревших деревянных конструкций остались следы огня на стенах и на полу, масса угольков и пепла.

Отметим одну интересную особенность этой группы помещений. Помещения № 23, 23а и 26 расположены на более высоком уровне, чем помещение № 22. Разница в их уровнях составляет около 60 см. Зато уровень их полов точно совпадает с уровнем двора. Западные стены всех вышеописанных помещений и южная стена помещения № 23 одновременно являются и торцовыми стенами двора и сложены из пахсы. Остальные стены сложены из сырца регулярной кладкой чередующихся рядов тычок 7- ложок.

В юго-восточном углу двора раскопана еще одна группа помещений и пандусное сооружение двора с остатками предвратной башни. Башня была расположена за пределами двора и примыкала к юго-восточному углу пандусного сооружения. Она имела в плане форму неправильной окружности, как бы приплюснутую с боков, от которой сохранилась лишь половина. Как раз на ее половине начинается склон холма, и стены башни, постепенно снижаясь, сходят на нет. Башня имела в диаметре около 2,75—2,80 м. Стены сложены из пахсы. Пол был вымощен одним слоем сырца вперевязку. Под ним сразу идет гравий.

Северная и часть западной стены башни составляют монолит с южной стеной пандуса, тянущегося с востока на запад. Ширина пандуса 1,9 м. Плоскость его пола постепенно поднимается к западу под углом около 20° . Пандус с востока на запад продолжается на длину около 8 м, после чего под прямым углом поворачивает на север и, наклонно поднимаясь, выводит во двор. После поворота его ширина сокращается до 1,6 м. У входа во двор под стены уходят нишки от мощной пороговой балки. Здесь же в завале были расчищены аккуратно сложенные и скрепленные раствором кирпичи, в которых нетрудно было угадать остатки рухнувшей арки входного проема. Следы арки были замечены и на стенах с двух сторон входа на высоте около 2 м.

Все стены пандуса, как и внешние стены двора, были сложены из пахсовых блоков. Ширина блоков 1,10, 0,75 и 0,45 м, высота 0,8 м. Швы между блоками строго вертикальные. Шов между блоками верхнего ряда приходится на середину блока нижнего ряда, т. е. блоки расположены вперевязку. Высота сохранившейся части стен к западу около 2,5 м (сохранилось около трех рядов пахсовых блоков), а к востоку стена, постепенно понижаясь, сходит на нет. Ширина пахсовых стен 1 м.

Завал, состоящий из обломков сырца и наносных лёссых наслоений, был сплошь перекопан могильными ямами. Стены пандуса пострадали от могил сравнительно меньше — могильные ямы врезаны в них только в двух местах.

У основания южной стены пандуса, примерно в 3 м от западной стены, в пол был вкопан хум средних размеров, венчик которого находился на уровне пола. В него до половины уровня было насыпано просо, которое сгнило. Рядом с хумом была выкопана могильная яма, врезавшаяся большей своей частью в стену. Очевидно, во время выкапывания могилы тешой задели хум и пробили на его боку небольшое отверстие. У противоположной стены на высоте около полутора метра от уровня пола был найден железный нож. Встреча-

лись мелкие осколки стекла и небольшое количество тонко- и толстостенной керамики.

К северу от пандуса расположено вытянутое с запада на восток помещение под № 24. Ширина его 2,75 м, длина по более сохранившейся южной стене не менее 5 м. Вход в него расположен со двора, недалеко от пандуса, заподлицо с северной стеной. Ширина проема 80 см. Под щековые стены проема уходят пороговые нишки.

Уровень пола в этом помещении тот же, что и во дворе и в южных помещениях западной группы. Но южная стена, являющаяся в то же время северной стеной пандуса, уходит намного ниже уровня пола, до уровня восточной, самой низкой, части пандуса. От основания этой стены на высоту 1,2 м — гравийная засыпка. На ней — покоятся не только пол помещения, но и западная и северная стены его, сложенные в отличие от южной из сырца. Западная стена сохранилась на высоту около 2 м. Ясно видно, что она позже была приложена к южной пахсовой стене. Северная стена сохранилась на небольшую высоту и состоит из 6—7 рядов регулярной сырцовой кладки, местами изрезанной могильными ямами. На стенах и на полу сохранились следы огня.

Количество находок в этом помещении, в основном керамических, невелико. Фрагменты керамики, особенно хумов, сделаны из теста с большой примесью дресвы и шамота.

К северу от помещения № 24 расположен узенький и недлинный коридорчик в виде тупика. Стены его сохранились всего на высоту около 60 см на западе. Кладка их регулярная сырцовая вперевязку. Чередуются ряды сырца, уложенные тычком и ложком. Западная стена помещения явно несинхронна с двумя другими: она не имеет перевязки с ними, хотя сложена из сырца того же размера. Очевидно, здесь был расположен проем, который впоследствии был заложен. Восточная стена коридора не сохранилась. Ширина коридора всего 1 м. Северная стена сохранилась на длину не более 1,80 м, хотя длина южной стены около 3 м. По-видимому, коридор представляет собой коленчатый проход в исчезнувшее без следа какое-нибудь другое помещение, расположенное к северу. Но здесь склон холма настолько близко подходит к внутренней стороне стены двора, что об обнаружении каких-либо остатков помещений дальше коридора не может быть и речи. Коридорчик этот в некоторой степени напоминает тамбуры, которыми отмечены входы в два четырехколонных зала Уртакургана (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 21 и 26).

Между западной и восточной группами помещений расположен открытый двор, сообщающийся с внешним миром через вышеописанное пандусное сооружение. Двор довольно

обширный, прямоугольный, вытянутый с севера на юг, имеет в поперечнике 10 м, вдоль — около 17 м.

Очень интересна структура его основания: на естественные гравийные напластования холма (видимо, предварительно кое-где синвелированного) был уложен слой довольно крупных галечниковых булыжников. Над ним по всей площади двора залегает слой битой глины мощностью в 50 см. (Ни в одном из помещений в структуре полов не встречены такие слои булыжников с пахсой). Эти два слоя поднимают уровень двора на уровень полов всех помещений западной и восточной групп, кроме помещения № 22. Поэтому при входном проеме этого помещения устроена лесенка из двух ступенек, каждая высотой в 30 см. Ширина нижней ступеньки 27 см.

Завал по краям двора был довольно высокий, к середине двора его слой утонялся и сводился к дерновому. Таким образом, в микрорельфе двора на этом месте создавалась маленькая котловина. На других участках двора под дерновым слоем залегала плотная масса из обломков сырца и наносных наслоений, у самой поверхности двора завал несколько смягчался, а под ним залегал тонкий слой темного цвета с большой примесью золы.

Количество находок во дворе невелико. Редко попадались фрагменты керамики, в основном тонкостенной. В северной части двора найден бронзовый колокольчик полусферической формы с ушком для подвешивания. Прямо под ушком — отверстие для подвешивания сердечка. Найдены обломки деревянной чаши средних размеров и часть стенки миниатюрной стеклянной чашечки с ручкой.

Восточная внутренняя стена двора, продолжаясь вперед, не доходит до южного фасада основного здания на 2,5 м. Здесь она обрывается в силу своей разрушенности.

Видимо, западная группа дворовых помещений, продолжаясь к северу, вплотную или во всяком случае близко подходила к основному зданию замка.

Таким образом, с двух сторон были расположены две группы помещений, а в середине находился довольно обширный открытый двор.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ БЫТА И ХОЗЯЙСТВА

КЕРАМИКА

Среди бытовых предметов при раскопках Чильхуджры, как и почти во всяком археологическом памятнике, преобладает керамика. Она даёт довольно много форм и типов: от крупных хумов до миниатюрных изящных кружек. Эта коллекция включает в себя несколько фрагментов сосудов ручной выделки. Основную же массу составляет станковая неполивная керамика. Вся керамика по датировке делится на три группы, наиболее древнюю из которых можно отнести к IV—VI вв., вторую — к VI—VIII вв. и третью — к X—XI вв.

КЕРАМИКА IV—VI вв.

Хумчи. Сосуды этого типа отличаются тщательной обработкой, совершенством и чёткостью форм. К группе раннего периода относится лишь один фрагмент венчика хумчи (КП 542/124, рис. 31, 9), резко отличающийся от фрагментов других подобных сосудов. Диаметр её устья небольшой — 17 см, венчик округлый, отогнутый наружу. Чётко выделена довольно высокая шейка — 6,5 см. Ниже стенки сосуда резко расширяются, создавая чётко выраженные плечики. В месте перехода от шейки к плечикам проведён желобок. Глина чистая, хорошо отмученная, черепок в изломе имеет красноватый цвет, обжиг ровный. Сосуд снаружи покрыт светлым ангобом.

Эта форма является новой для Уструшаны. Такие хумчи нами не встречены среди материалов раннесредневековых памятников Средней Азии. Аналогии нашей находке встречаются в керамических комплексах более ранних памятников. Например, в хорезмийском Бабиш-мулла (IV—II вв. до н. э.) (Толстов, 1962, стр. 158 и сл., рис. 95, а, 96, а), в античном Мерве (III—II вв. до н. э.) (Рутковская, 1962, стр. 49 и сл.).

рис. 3, 1—6), в комплексе из керамических печей мервского Джинтепа (I в. до н. э. — I в. н. э.) (Мережин, 1962, стр. 30 и сл., рис. 18, 18 и 19, 20) и в доме № 1 сельской усадьбы близ хорезмийского городища Аязкала 3 (I—II вв. н. э.) (Воробьева, 1959, стр. 149, рис. 32, 25) встречены хумчи с венчиком такой или почти такой формы и с такими же высокими шейками.

Хотя все приведённые аналогии охватывают обширный отрезок времени — с IV в. до н. э. до II в. н. э., мы не можем датировать нашу единичную находку этим временем и тем более началом его. Учитывая возможность перехода этого сосуда в наследство или появления его в подражание ранним формам, мы остановимся на более поздней датировке — III—IV вв. н. э.

Кувшины. Эта форма сосудов представлена двумя полностью собранными кувшинами и некоторым количеством фрагментов. У одного собранного кувшина (КП 542/162, рис. 27, 2) отбита лишь часть слива, форма шаровидная, дно плоское. Венчик имеет плавную форму, верхняя плоскость его ровно подрезана, кверху устье заметно расширяется, образуя с внутренней стороны полочку шириной около 1 см для крышки. Диаметр устья 7 см. К венчику прикреплена верхняя часть скобообразной ручки, другой её конец приделан к плечику. Шейка кувшина невысокая. Слив приделан с другой стороны, напротив ручки, на плечице. Он поставлен почти вертикально, с лёгким наклоном вперёд. Форма его близка к усечённому конусу. Размеры кувшина: высота 25,5 см, максимальная ширина тулова 24,5 см, диаметр щёйки в суженной части ниже венчика 5 см, диаметр дна 17 см.

Наиболее близкой аналогией нашей находке может служить случайно найденный в посёлке Шахристан и опубликованный О. И. Смирновой кувшинчик (1953, стр. 200, рис. 15). Но разница между ними в том, что указанный кувшинчик более мелких размеров, кроме того, шейка у него выше и наклон слива вперёд несколько больше. Наш кувшин общей формой тулова наиболее живо перекликается с кувшинами с энахоевидным сливом из Чильхуджры и может быть датирован в пределах V—VI вв.

Несколькими экземплярами представлены кувшины с энахоевидными сливами. Один из них собран полностью (КП 542/169, рис. 27, 3 и 28, 2, 3). Это красноглиняный кувшин шаровидной формы с узким горлышком, вертикальной ручкой и энахоевидным сливом. Венчик подпрямоугольной формы, слегка отогнутый наружу. Верхняя плоскость его двумя небольшими уступами-полочками понижается внутрь. Диаметр венчика 7,5 см. С одной стороны к венчику приставлена прямоугольная ручка, по внешней поверхности ко-

торой проведён на всю ширину продольный желобок. С противоположной ручке стороны к плечику вертикально приставлен слив, смятый с двух боковых сторон, а также со стороны горла сосуда, где эта вмятина повторяет полукруглую форму шейки. По плечику кувшина идут две примыкающих одна к другой полосы волнистого орнамента. Полосы сверху и снизу ограничены неглубокими, но чёткими горизонтальными линиями — желобками. Дно кувшина плоское, устойчивое, на нём сохранились следы песчаной подсыпки. Размеры кувшина: высота 27 см, максимальная ширина тулона 26 см, диаметр дна 13 см.

Найден слив типа энахое с частью венчика от другого кувшина (КП 529/254, рис. 27,6 и 28,4). Если у первого кувшина слив вплотную примыкал к горлышку, но не был к нему прикреплён, то во втором случае он был прикреплён и тщательно примазан. Кроме того, ниже венчика слива проходят два чётких желобка и точно повторяют очертания первого. Судя по соотношению слива и венчика горла, слив был поставлен с лёгким наклоном назад. Сосуд был покрыт ангобом коричневатого цвета хорошего качества.

Найдены ещё два фрагмента энахоеидных сливов (КП 542/291 и 542/327), причём один из них сероглиняный с подтреугольным, слегка отогнутым венчиком, другой — желтоглиняный с округлым венчиком (рис. 27,5).

Следующий фрагмент (КП 542/82) представляет собой часть энахоеидного горлышка. Если энахоеидные сливы примяты с задней стороны, то задняя часть описываемого фрагмента совершенно окружной формы. Венчик почти прямой с лёгким загибом внутрь, в верхней части плавно скруглен.

Сосуды с энахоеидным горлом появляются в Средней Азии и некоторых сопредельных странах в первых веках нашей эры и бытуют до VIII — начала IX в. Например, судя по таблице, составленной А. И. Тереножкиным (1950 б., табл.), так было в Согде. На Тали Барзу сосуды типа энахое найдены в слое ТБ—III и датированы I—IV вв. н. э. (Григорьев, 1940, стр. 101, рис. 66,е). В Пенджикенте кувшины такого типа с различными формами тулона найдены как в нижнем (V—VI вв.) (Беленицкий, 1956, рис. 6; Маршак, 1957, стр. 94, рис. 2,9), так и в верхнем слое (VII—VIII вв.) (Бентович, 1964, стр. 269, рис. 19, 6, 8, 9, 10, 11, 17). В Беграме такие сосуды отнесены ко II—III вв. н. э. (Ghirshman, 1946, pl. XL). В Мерве они появляются уже во II—III вв. н. э. и бытуют до VI—VII вв. (Рутковская, 1962, стр. 78, 80, рис. 11, 7). Особенно в VI—VII вв. они считаются характерной формой сосудов (Губаев, 1967, стр. 12). В Халчаяне (Пугаченкова, 1966, стр. 85, рис. 55) и Хайрабадтепе (Аль-

баум, 1960, стр. 42, рис. 28, 9) сосуды типа энахое датированы III—IV вв., на Балалыкте — V—VI вв. (Альбаум, 1960, стр. 86, 88, рис. 61). В Хорезме они характерны для VII—VIII вв. (Неразик, 1959, стр. 243, рис. 6, 4 и 7, 2).

Итак, сосуды с энахоевидным горлом встречаются довольно часто. Но зато сосуды, имеющие помимо обычного горлышка энахоевидные сливы, довольно редки, их всего несколько. Почти идентичный с нашим кувшином по форме и по размерам, лишь несколько более приземистый сосуд с энахоевидным сливом был найден в соседнем Уртакургане. Он датирован IV—VI вв. (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 75—77, рис. 40, 2). Верхняя часть такого же кувшина и фрагмент слива от подобного сосуда были найдены в замке на Калац Кахкаха II и отнесены к VI—VIII вв. (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 172, табл. XIV, 22, 23). Пенджикентские сосуды со смятым с боков сливом имеют несколько иной облик: у них довольно крупные размеры, широкое устье и непропорционально маленькие ручки, и, что характерно, они чаще встречаются в наусах. И. Б. Бентович относит их к более ранним типам пенджикентских сосудов, однако отмечает, что они бытовали вплоть до арабского нашествия (Бентович, 1953, стр. 137, табл. IX, 3, 4, 6).

Наши находки, особенно полностью собранный сосуд, очень близки к уртакурганским. Следовательно, их можно датировать концом IV — началом VI в., учтя при этом место их находки — центральное ядро.

Особняком стоят два керамических фрагмента. Один из них (КП 542/8, рис. 27,4 и 28,6) представляет собой верхнюю часть сосуда средних размеров с довольно широким устьем и сливом. Венчик устья круглый, слегка отогнутый наружу. Под ним проходит невысокий, чуть заострённый ободок. Шейка сравнительно высокая. Диаметр устья 13 см. На плечике почти вертикально, с легким наклоном назад, поставлен слив, чуть смятый с боков в передней части, близко напоминающий сливы типа энахое. Характерной особенностью сосуда является то, что верхняя часть слива и венчик устья соединены между собой уплощенным глиняным жгутом, который фактически превратился в своеобразную ручку. Очевидно, сначала изготавливалось в один или, возможно, два приёма тулово сосуда. Затем к нему приделывались слив и устье с плечиками. Сохранились следы стыка с внутренней стороны — два ряда придавлен пальцами. С наружной стороны стык тщательно заглажен и на его месте проведён неглубокий желобок. Ниже желобка, на плечике, — тамга из трёх небольших и неглубоких кружков. Кувшин сверху был покрыт светлым ангобом.

Другой фрагмент (КП 542/275, рис. 28,5) принадлежит точно такому сосуду. Он имеет такой же диаметр устья и совершенно аналогичную форму венчика. Разница в том, что венчик устья и слив были соединены сплетённой лентой из трёх жгутов; поверхность сосуда была покрыта красным ангобом, а венчик с внутренней стороны — полосой коричневого ангоба, которая охватывает и верхнюю часть «ручки». Передняя часть слива не сохранилась, но можно предположить, что он был таким же, как у предыдущего сосуда. Эти фрагменты мы также склонны отнести к V—VI вв.

Чаши. Найдена и полностью собрана всего одна станковая чаша весьма тщательной обработки (КП 542/244, рис. 27, 7 и 28,7). Она довольно крупная и плоская. Венчик представляет собой плоскую ленту шириной 2 см, горизонтально лежащую вокруг устья. По внутренней части горизонтальной плоскости венчика проведён целый пучок волнистых линий, процарапанных по сырой глине. По внешней части, ближе к краю, проходит довольно глубокая бороздка. С наружной стороны чаши под венчиком расположено резкое углубление — бороздка, создающая впечатление шейки. Ниже тулоно расширяется за счёт утолщения стенки, но этому расширению внутренняя сторона чаши ничем не отвечает. К этой расширенной части прикреплены две ручки. Нижние части ручек, идя от стенок горизонтально, поднимаются круто вверх и, описывая полукруг, соединяются у венчика. Сохранилась одна ручка, от другой остались лишь следы. Верхняя плоскость профилирована прорезью — бороздкой, повторяющей почти полностью очертания формы ручки. Ниже ручки тулоно резко сужается и плавно переходит к плоскому дну. Вся внешняя поверхность и внутренняя от венчика до половины высоты покрыты красным ангобом. Диаметр устья чаши 27 см, высота 8,5 см, максимальная ширина тулона 26 см, диаметр дна 11 см. Глина хорошей отмучки, светло-жёлтого цвета, обжиг высокого качества.

Чаши именно таких форм нами пока нигде не встречены, но прообразы отмечены в более ранних памятниках. Близкая по форме, но немногим меньшего размера чаша происходит из нижнего слоя раскопа в центре городища Варахша. Этот слой отнесён к III—IV вв. н. э. (Шишкин, 1963, стр. 120—122, рис. 59, 13). Чаша из Варахши, в отличие от нашей, не имеет ручек, бороздка под венчиком еле отмечена и тулоно с одним довольно заострённым ребром. Очень похожая на нашу, но без ручек, сероглиняная чаша происходит из слоя Кабадиан II (III—II вв. до н. э.) городища Кейкобадшах (Дьяконов, 1953, табл. XII, 33). Чаша с более расширенным устьем, более отогнутым венчиком, простым профилем и иногда украшенные волнистым орнаментом типичны для того

же слоя Кабадиан II, слоя Кабадиан III (I в. до н. э. — I в. н. э.) и реже — для слоя Кабадиан IV (II в. н. э.) (Дьяконов, 1953, табл. XII, 30, 34, 94, 123). Чаша, отдалённо напоминающая нашу по форме, украшенная с внутренней стороны двумя небрежно выполненными волнистыми линиями и без ручек, найдена в слое Мунчак III (III—IV вв. н. э.) кафирниганского Мунчактепа (Мандельштам, Певзнер, 1958, стр. 321, рис. 33,8). Халчаянская чаша имеет довольно выпуклое туло, отогнутый венчик. Боковая поверхность венчика и туло украшены волнистыми линиями. Чаша глубже, чем наша, и не имеет ручек. Датирована II—III вв. н. э. (Пугаченкова, 1966, стр. 66, рис. 40). Очень близки нашей названные глубокими тарелками чаши II—III вв. н. э. из античного Мерва (Кацурис, Буряков, 1963, стр. 144, рис. 17, 2, 3), но у них венчики массивнее, отсутствует бороздка под венчиком, нет ручек и размеры в целом невелики. Близкая по форме чаша без орнамента и ручек, с дисковидным ложным поддоном найдена на Кой-Крылган-Кале античного Хорезма и отнесена к раннекангойскому времени (IV—II вв. до н. э.) (Воробьёва, 1959, стр. 112, рис. 17, 38 и 19, 3).

Таким образом, все чаши, более или менее похожие формой на нашу, обнаружены в ранних памятниках и датировка их охватывает довольно большой отрезок времени — от IV в. до н. э. до IV в. н. э. Правда, они найдены и в нижнем и верхнем слоях древнего Пенджикента, на Кафыркале и Акбешиме, но сходство их форм с нашей чашей слишком отдалённое.

Горшки. Полностью собранный широкогорлый приземистый с двумя ручками горшок (КП 542/164, рис. 27,8 и 28,8) имеет подчертывёхугольный отогнутый венчик, плечики довольно крутые, туло книзу коническое. С двух сторон с венчика на плечики перекинуты небольшие вертикальные ручки, сделанные из уплощенной ленты с неглубоким желобком во всю ширину наружной поверхности. Размеры горшка: диаметр устья 17 см, максимальная ширина корпуса 21 см, высота 15 см, диаметр дна 11 см. Глина красноватого цвета, обжиг высокого качества.

Другой горшок (КП 542/118, рис. 28,9) имел аналогичную форму, но венчик его почти прямой с лёгким выгибом наружу. Глина более светлого тона, качество обработки высокое. Диаметр устья 19 см, ширина корпуса не менее 21 см, высота более 16 см. Оба горшка станковой работы.

Подобный горшок, но без ручки и более мелкого размера был найден в замке на Калаи Каахаха II (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 172, табл. XV, 3). Совершенно аналогичные горшки разных размеров характерны для Пенджикента, особенно для его нижнего слоя (Маршак, 1957,

стр. 94, рис. 15; 1964, рис. 22, 4 и 23, 8, 10). Такие же сосуды происходят из здания Б Қалаи Муг в долине Магиандарын и датируются примерно V в. н. э. (Ставиский, 1959, стр. 76, рис. 6, 2).

КЕРАМИКА VI—VIII вв.

Керамика этого периода самая многочисленная и представлена сосудами различных видов и назначений.

Хумы. Этот тип представлен одним целым хумом средней величины и довольно большим количеством венчиков и доньев. По венчикам их можно разделить на две группы: без орнаментов и с лепным орнаментом под венчиком.

К первой группе прежде всего нужно отнести упомянутый целый хум. Он имеет простое устройство, венчик полуовальной формы в сечении, массивный, примыкающий сразу к плечику, шейка не отмечена. Форма хума грушевидная, сделан он из хорошо отмученной глины, сверху покрыт светлым ангобом, обжиг хороший, в изломе имеет розоватый оттенок. Размеры хума: диаметр венчика 30 см, максимальный внутренний диаметр 49 см, диаметр дна 26 см, высота 71 см. На плечике хума прочерчена тамга в виде двух несомкнутых кругов один в другом, открытыми сторонами обращённых вверх.

Такую же полуовальную форму и размеры имеет фрагмент венчика другого хума (КП 542/302, рис. 29, 1).

Венчики такой формы, найденные в Исфаре, датированы VI—VIII вв. (Давидович, Литвинский, 1955, стр. 167, рис. 83, 3), в Беркуткалинском оазисе — VII—VIII вв. (Неразик, 1959, стр. 137, рис. 3, 7). Близкую, но менее массивную форму имеет фрагмент слегка отогнутого наружу венчика. Сразу от венчика плечики идут на резкое расширение (КП 542/332, рис. 29, 2). Следующий фрагмент (КП 542/303, рис. 29, 3) чуть отогнутого венчика имеет плоский верхний и косо срезанный боковой профиль. В тесте примесь измельчённого камня.

Боковые срезы некоторых венчиков профилированы не-глубоким желобком, а по плечику идёт невысокое, но острое ребро (КП 542/308, рис. 29, 4). На некоторых фрагментах намечается шейка. Формы венчиков подтреугольные (КП 542/267, рис. 29, 4) или подчетырёхугольные (КП 542/112, 266, рис. 29, 5; 6), иногда с довольно сильным загибом наружу (КП 542/139, рис. 29, 7). Несколько венчиков имеют полуовальную форму, а сразу под ними идёт плавно скруглённое ребро, иногда массивное (КП 542/167; 542/49, рис. 29, 8, 9), иногда более тонкое (КП 542/47, 334, рис. 29, 10, 11). Среди хумов этой группы выделяется один фрагмент с под-

треугольным венчиком. По его плечику в 6 см от венчика идёт треугольное в сечении ребро. Ниже стенки идут на резкое расширение (КП 529/274).

Ко второй группе относятся венчики, под которыми имеются налепы в виде горизонтальной ленты крупных и мелких от почти вертикальных до почти горизонтальных зубчатых насечек (рис. 30). Венчики этих фрагментов по форме также отличаются один от другого. Они полуовальные, чуть отогнутые наружу, подтреугольные, с плоским верхом, не очень толстые, с лёгким заострением в конце и загибом отогнутой части. Некоторые из них снаружи покрыты светлым или сероватым ангобом.

В эту группу входит хум, в котором были спрятаны остатки обуглившейся скульптуры. Он довольно велик: высота его более 1,1 м, максимальный диаметр 72 см, диаметр устья 43 см. Хум был сильно деформирован, видимо, во время обжига: бока сильно смяты, венчик также расплылся и потерял прежнюю форму и симметрию. Венчик овальный, слегка отогнутый, под ним идёт лента лепного зубчатого орнамента. Обжиг некачественный, сделан хум из сероватой глины с большой примесью известковых пород. На плечике — знак в виде буквы «з», открытой стороной направленной вверх.

Хумы с венчиком такой формы и с лепным зубчатым орнаментом под ним широко известны в самом Шахристане, в Пенджикенте и в других районах и датируются VI—VIII вв.

Хумчи. Сосуды этого типа отличаются от хумов более тщательной обработкой, совершенством и чёткостью форм. Представлены они в основном венчиками, реже — стенками. Из фрагментов почти полностью собран венчик хумчи с плечевыми частями стенок (рис. 31, 1 и 32, 2). Он округлой формы, изнутри имеет слегка загнутую вверх полочку для плотного прилегания крышки. Сосуд не имеет чётко выделенной шейки, сразу ниже венчика стенки идут на резкое расширение, и тулово принимает сильно выпуклую форму. Под венчиком после формовки по сырой глине пробито четыре отверстия. Фрагменты сосудов с отверстиями под венчиком были найдены в Хорезме среди находок кушанского комплекса (Толстов, 1948а, стр. 87, 107, рис. 23, 44), в слое V—VII вв. Тали Барзу (Григорьев, 1940, табл. VI, рис. 1) и в большом количестве в верхнем слое Пенджикента (Бентович, 1953, стр. 137, рис. 5; 1964, стр. 272, рис. 8, 9). Пенджикентские сосуды с отверстием также имеют круговую полочку с внутренней стороны.

По мнению И. Б. Бентович, отверстия делались для доступа воздуха в сосуд при закрытой крышке или для ограничения доступа воздуха. Однако не исключено, что отверстия

служили для подвешивания сосудов в прохладные места при помощи тонкой, но прочной верёвки.

Интересно, что одно из отверстий чильхуджринского суда было забито деревянным колышком. Диаметр устья этой хумчи 20 см. Тулово в сохранившейся части расширяется до 34 см, но ниже оно было более широким. Глина суда чистая, без видимых примесей, хорошо обработанная, розоватого оттенка.

Найден фрагмент (больше половины) крышки (КП 542/98, рис. 32, 1) такого же диаметра, что и внутренний диаметр устья вышеописанного сосуда. Крышка сделана особо тщательно из хорошо отмученной глины на гончарном круге. Наружная сторона ее довольно выпуклая, центр украшен концентрическими кругами из пяти неглубоких, но отчётливых желобков. С внутренней стороны крышка, по-видимому, имела невысокий бортик, от которого сохранилась лишь незначительная часть. Очевидно, именно этим бортиком крышка прилегала к полочеке устья сосуда.

Жёлтоглиняные венчики хумча (тесто без видимых примесей) также принадлежали тщательно выполненным сосудам. Форма этих венчиков круглая в сечении (КП 542/50, рис. 31, 2) или полуовальная с лёгким загибом наружу (КП 542/141, рис. 31, 10). Шейка не выделена. На одном из фрагментов тулоа сохранилась петлеобразная ручка, сделанная из удлиненно-овальной в сечении пластины, профилированной двумя продольными ребрами с наружной стороны (КП 542/335, рис. 31, 8).

Венчик другой хумчи (КП 542/123, рис. 31, 5 и 32, 5) имеет подчётырехугольную форму с ребром на месте загиба. Отмечена невысокая шейка. Данная хумча, как и такого рода посуда Пенджикента, украшена по плечикам процарапанным волнистым орнаментом, окаймлённым сверху и снизу чёткими желобчатыми линиями. На фрагментах её сохранились следы древней реставрации — попарно просверленные отверстия, при помощи которых прикрепляли одну к другой расколотые части посуды. Такой метод реставрации существует в Таджикистане и поныне, правда теперь прикрепляют при помощи металлических скобочек. Видимо, традиции такого способа реставрации восходят к глубокой древности.

Имеется несколько фрагментов сосудов, сделанных из серой и тёмно-серой глины с примесью измельчённого камня и известия, также тщательно выполненных и хорошо обожжённых (КП 542/122, рис. 31, 4; 32, 6, КП 542/268, рис. 31, 6).

Одна подобная хумча (КП 542/269, рис. 31, 7) с подтреугольным отогнутым венчиком была покрыта снаружи светлым ангобом, видимо, недостаточно высокого качества, ко-

торый со временем отстал от сосуда и от него сохранились лишь следы в виде небольших пятен. Хумча по плечику и чуть ниже была украшена двумя рядами волнистого орнамента, состоящего как бы из множества полумесяцев, расположенных рядами вплотную один к другому. При этом «полумесяцы» верхнего ряда своей открытой стороной обращены вниз, нижнего ряда — вверх. Между двумя рядами «полумесяцев», как бы разделяя их, проходит пучок горизонтальных линий. Диаметр устья 37 см.

Все описанные хумчи по форме близки друг к другу и в общем похожи на пенджикентские, датируемые VI—VIII вв.

Кубышки представлены фрагментами всего трёх сосудов. Все они сделаны из хорошо отмученной глины на гончарном круге, отличаются тщательностью обработки, ровным обжигом. Формы венчиков почти одинаковые, различия лишь в размерах. Стенки кубышек намного тоньше, чем у хумов и хумча.

Самый крупный фрагмент кубышки (рис. 31, 11) имеет диаметр устья 47 см, форма венчика подчетырёхугольная, его наружная боковая поверхность разделена на два ребра при помощи расширенного неглубокого желобка. Верхняя плоская поверхность венчика слегка наклонена внутрь. Толщина венчика 2,5 см, но ниже него стенки резко утончаются и доходят до 7 мм. Стенки совершенно вертикальны, ниже венчика украшены волнообразным процаррапанным орнаментом, состоящим из упомянутых звеньев в виде полумесяцев. «Полумесяцы» своей открытой стороной направлены вверх. Под ними проходит неглубокая, но четкая горизонтальная линия, еще ниже — горизонтальный ряд ритмично расположенных наклонных насечек из черточек. Нижние части сосуда не сохранились.

Фрагмент венчика другой кубышки (КП 542/75, рис. 31, 12) имеет диаметр горлышка 40 см. Форма его почти такая же, что и у предыдущего, с той лишь разницей, что нижнее его ребро выступает чуть больше верхнего. Качество обжига этой кубышки ниже, черепок слегка слоится. Фрагмент без орнамента. Толщина его стенок 9 мм.

Третий фрагмент (КП 542/125) представляет сосуд почти такого же размера (диаметр устья 42 см), но более тонкой работы и лишенный орнаментации.

В замке Калаи Каахаха II (VI—VIII вв.) были найдены две подобные кубышки (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 168, 169, табл. XIII, рис. 4, 6; Негматов, 1959в, стр. 128, рис. 5, 3, 4), но они отличаются от нашей значительной выпуклостью туловища, у них намечены плечики, а ниже плечиков имеется по две вертикально наложенных петлеобразных ручки. К сожалению, небольшая величина фрагментов рассмат-

риваемых нами кубышек не позволяет судить о том, имелись ли у них подобные ручки. Орнамент описанной нами первой кубышки находит прямую аналогию в каххахинских экземплярах.

Кувшины. Этот тип сосудов довольно многочислен, но полностью собранных всего несколько экземпляров. Обилие фрагментов не даёт нам возможности разделить их на типы и группы. Можем лишь отметить, что среди них есть узкогорлые без ручек и с ручками, с ручками и сливами, кувшины с энахоевидными и близкими к ним сливами.

Узкогорлые без ручек представлены фрагментами четырёх кувшинов. По фрагментам удалось восстановить форму одного сосуда. Он имеет очень узкое горло (КП 542/250, рис. 33, 1), диаметр венчика 5 см, венчик мягко скруглён и отогнут. Шейка отмечена довольно чётко. Начиная с плечиков стенки сосуда резко расширяются. Форма туловища шаровидная, дно плоское, при переходе от нижних частей к донцу видны следы подправки ножом, угол перехода смягчён. Максимальный диаметр туловища определить не представляется возможным, но, судя по сохранившимся частям, туловище расширялось не менее чем на 21 см. Диаметр дна 16 см. Примерная высота кувшина 25 см. Кувшин был подвергнут реставрации еще в древности: сохранились попарные, аккуратно просверленные отверстия диаметром 3 мм. Толщина стенок до 7 мм. Обжиг хороший, но в середине черепка есть недожженная темная прослойка. Кувшин снаружи покрыт светлым ангобом.

Второй кувшин, судя по фрагментам, имел точно такую же шаровидную форму туловища и узкое горло (КП 542/282, рис. 33, 2), но плечики были еще круче. Глина светло-красного оттенка, хорошей отмушки, обжиг высокого качества.

Кувшины шаровидной формы с узким горлышком и без ручки характерны для раннесредневековых памятников. Верхняя часть кувшина такой формы была найдена на Калане Каххаха I (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 171, табл. XIV, рис. 9), два точнейшим образом повторяющие ту же форму кувшина и датируемые V в. н. э. происходят из здания Б Калана Муг на Магиандарье (Ставиский, 1959, стр. 76, рис. 7, 2, 3). Такие же кувшины разной величины зафиксированы на Балалыктеpe (Альбаум, 1960, стр. 88, рис. 59, 1—4). Датировка всех этих кувшинов охватывает отрезок времени с V по VIII в. Согласно таблице, составленной А. И. Тереножкиным, кувшины почти такой формы, но с введением орнаментации характерны для Согда конца IX—X вв. (Тереножкин, 1950б, рис. 69, XIII, 9).

Третий фрагмент (КП 542/160, рис. 33, 3) представляет собой часть венчика и шейки узкогорлого кувшина. Венчик

прямой, ниже него на шейке — сложная профилировка из четырех круговых горизонтальных желобков. Фрагмент снаружи покрыт красным ангобом хорошего качества.

Трудно судить о датировке кувшина по такому маленькому фрагменту, но все же отметим, что кувшины с такой сложной профилировкой шейки встречались, например, среди материалов Мерва как II—III (Рутковская, 1962, стр. 74, рис. 10, 6, 7), так и VII—VIII вв. (Заурова, 1962, стр. 203, рис. 21, табл. 7, 4, 5, 7, 8, 22, 23).

Последний фрагмент подобного сосуда (КП 542/58, рис. 33, 4) сделан из серой глины с незначительной примесью измельченного камня. Венчик прямой, у верхнего края скруглен. По боковой поверхности идут два желобка, причем на месте нижнего стенка заметно утолщается. Ниже горло заметно сужается, затем, расширяясь, переходит в плечики. Диаметр устья 5 см.

Еще один кувшин, собранный почти наполовину (КП 542/154), имеет грушевидную форму и простой орнамент по плечику, состоящий из одного пучка волнистых линий и примыкающего к нему вплотную сверху пучка горизонтальных параллельных линий. Орнамент процарапан по сырой глине. Еще выше, у самой шейки, сохранилась незначительная часть горизонтального желобка. Поверхность кувшина закопчена, видимо, он использовался для кипячения воды. Такой тип кувшинов, особенно с процарапанным волнистым орнаментом, типичен для VI—VIII вв.

Узкогорлые с ручками кувшины представлены в основном ручками с частями венчиков и одним фрагментом боковины с частью шейки и остатками обломанной ручки (рис. 33, 5—13). Диаметр устья всех частично сохранившихся венчиков 5 (КП 529/275; 542/284, 305) или 7 см (КП 542/148, 336). Большинство венчиков плавно скруглены и несколько возвышаются над уровнем прикрепления ручек. Лишь один из них (КП 529/275, рис. 33, 5) не поднимается над ручкой и в своей верхней части ровно подрезан. Форма ручек — от скобообразных до подпрямоугольных. Сделаны они из овальной в разрезе ленты, массивные и небольшие, тонкой работы. Нередко по внешней части ручки профилированы двумя продольными ребрами — от еле выступающих до острых и четких! В одном случае (КП 542/305, рис. 33, 7) по внешней поверхности ручки проходит довольно глубокий желобок, отчего ручка в попечнике получает фасолеобразную форму.

Выделяется одна ручка, от которой сохранился небольшой фрагмент нижней части. Она сделана из двух круглых в сечении жгутов, с внутренней части обмазана довольно тонким слоем глины, и таким образом оба жгута совмещены

воедино. В нижнем конце оба жгута также совмещены, здесь сохранился след пальца.

На фрагменте боковины (КП 542/283, рис. 33, 13) сохранилась часть шейки. По ней можно легко определить, что горлышко сосуда было узким, диаметр устья 4—5 см. Сосуд, очевидно, имел шаровидную форму. Ручка была довольно массивной.

Подобные кувшины с похожими венчиками и ручками широко распространены в синхронных археологических памятниках, например в юго-западном здании Калаи Каахха I (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 70, табл. XIII, рис. 8—10, 25, 26), а также в слое VII в. Кафыркалы на Вахше (Т. Зеймаль, 1959, стр. 90 и сл., рис. 5, 5 *сверху*, 1, 2, 8 *снизу*) и т. д.

Три фрагмента, видимо, принадлежат к сосудам с ручкой и довольно широким горлом. Один фрагмент довольно крупный, с целой ручкой, частью венчика, шейки и боковины (КП 542/327, рис. 33, 14). Венчик подтреугольной формы, слегка загнутый наружу. Диаметр венчика 8 см. Шейка почти вертикальная, не очень высокая. Прямо к венчику прикреплена верхняя часть ручки, сделанной из глиняной ленты, овальной в поперечнике. Форма ручки подпрямоугольная.

Второй фрагмент сохранил часть ручки, венчика и шейки (КП 542/91, рис. 33, 15). Венчик плавно скругленный, с легким заострением в верхней части. Здесь стенка шейки слегка выступает наружу, за счет чего верхняя часть устья несколько расширяется. Прямо к венчику, на одном уровне с ним, прикреплена ручка, плавно загнутая вниз к плечику. Этот кувшин довольно грубой работы, стенки и ручка его массивные. Снаружи он был покрыт светлым ангобом. Диаметр устья 9 см.

Последний фрагмент (КП 542/22, рис. 33, 12) более тонкой и тщательной обработки. Венчик его почти прямой с легким расширением наружу, поверху профилирован желобком, к венчику приставлена ручка, сделанная из овальной в поперечнике пластины. Она по внешней поверхности имеет два продольных выступа. При отходе от венчика чуть выгибается вверх, затем плавно и изящно пригибается вниз. Диаметр венчика 10 см.

Кувшины такого типа хорошо известны в раннесредневековых памятниках. Например, кувшины, целые или фрагментированные, особо похожие на наш, описанный первым, были найдены на Калаи Каахха I и II (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 169, 170, табл. XIII, рис. 9, 26) и совершенно идентичный с нашим — в вахшской Кафыркале (Т. Зеймаль, 1959, стр. 92, рис. 5, 4 *сверху*). А венчики с желобчатой профилировкой поверху весьма типичны для Пенджикента.

Котлы. Этот вид керамической посуды можно разделить на два типа — на круглодонные и плоскодонные. Преобладает первый тип, второй представлен двумя миниатюрными судами и в основном фрагментами доньев.

Котлы первого типа делятся на желтоглиняные и сероглиняные. Из обломков полностью или частично собрано несколько котлов. Один из них (КП 542/246) очень крупный, шаровидной формы, с круглым дном, подтреугольным венчиком, без шейки. Размеры котла: диаметр устья 35 см, максимальная ширина тулов 45 см, высота 34 см. Толщина стенок 8 мм, но ко дну она значительно увеличивается. По плечикам ритмично расположен ряд округлых углублений. Против каждого углубления с внутренней стороны образовался соответствующей формы выступ. Котел сделан на станке из глины с большой примесью дресвы, обжиг хороший.

Другой полностью собранный котел почти точно повторяет форму предыдущего (КП 542/245), только у него венчик слегка отогнут, едва намечается шейка и по плечику проведен узкий невысокий ободок. Размеры его сравнительно невелики: диаметр венчика 20 см, максимальная ширина тулов 28,5 см, высота 17 см. Стенки в верхней части имеют толщину 6 мм, а ко дну утолщаются почти до 2 см.

Еще несколько котлов собраны частично, но этого достаточно для полного восстановления их формы. Первый из них (КП 542/243, рис. 34, 3) шаровидной, чуть сплющенной снизу формы, имеет закругленный, слегка отогнутый венчик диаметром 17 см. Другой котел (КП 527/168, рис. 34, 2) также имеет шаровидную, слегка вытянутую форму. Венчик тонкий, подтреугольный, слегка отогнут. Под венчиком, в месте перехода к плечику, расположен треугольный в сечении валик. В глине примесь шамота.

Такую же форму имеет венчик другого фрагмента, но валик под его венчиком загнут вниз. Диаметр его устья 18 см.

Два фрагмента шаровидных котлов (КП 542/142) имеют отогнутые и чуть загнутые к плечику венчики со сложной ребристой боковой профилировкой. Оба фрагмента весьма тонкой работы, диаметр устьев 17 и 20 см.

Несколько фрагментов (КП 542/44, 57, 153, 304, рис. 34, 1, 11, 12) имеют закругленные, чуть отогнутые венчики. На плечике одного из них расположен ряд удлиненно-овальных нарезных углублений.

У двух фрагментов (КП 529/265, рис. 35, 9) венчики овальные, отогнутые, чуть свисающие к плечику. Другой фрагмент (КП 542/277, рис. 34, 10) имеет сравнительно массивный (диаметр устья 21 см) подовальный отогнутый венчик.

Все вышеописанные котлы и их фрагменты относятся к шаровидным. Котел такой формы с подобным венчиком и валиком под ним был найден в замке на Калаи Каахкахе II (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 172, табл. XV, 30). Оттуда же происходит большое количество фрагментов шаровидных котлов с похожими на наши венчиками, с валиками под ними и без валиков (Негматов, Хмельницкий, 1966, табл. XV). Такие формы венчиков широко известны среди находок из Пенджикента (Бентович, 1953, табл. VIII, 13, 14; Бентович, 1964, стр. 272, 273, рис. 10, 11; Маршак, 1964, стр. 236, рис. 24, 7) и других синхронных памятников Средней Азии (см., например, Альбаум, 1963, стр. 80, рис. 5). Один из котлов (КП 542/337, рис. 34, 5) имеет шаровидную форму в верхней части и коническую — в нижней. Венчик его закругленный, слегка отогнутый. Еще одной отличительной чертой этого котла является то, что у него довольно четко подчеркнута шейка.

Котел двухчастной (шаровидно-конической) формы был найден на Калаи Каахкахе II, но у него венчик отогнут больше и он имеет две ручки на плечиках (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 172, табл. XV, 31). Котлы с аналогичными нашему венчиками и довольно четко выраженной шейкой известны в Пенджикенте (Бентович, 1953, табл. VIII, 1, 3, 6). Но они, как и кааххинский, имеют на плечиках ручки.

К плоскодонным котлам прежде всего относятся два небольших сосуда. Один из них (КП 542/11, рис. 34, 4) ручной лепки, имеет банкообразную форму с чуть выпуклым туловом. Венчик закруглен, слегка отогнут, шейка низкая. Диаметр устья 13 см, максимальная ширина туловы 14 см, диаметр дна 11 см, высота 9 см. Этот котел своей формой живо перекликается с плоскодонными лепными котлами Пенджикента (Бентович, 1953, стр. 133—135, табл. VIII, 2; Бентович, 1964, стр. 288—290, рис. 29, 30) и магнандарыинской Калаи Муг (Ставиский, 1959, стр. 79, рис. 8, 5, 7, 8), но они крупнее размерами, а пенджикентские почти всегда имеют ручки.

Следующий миниатюрный котел (КП 542/54, рис. 34, 6 и 32, 6) своей формой напоминает двуручные широкогорлые горшки. На плечики приделаны две петлеобразные ручки, верхняя часть которых почти вплотную примыкает к венчику. Диаметр венчика котла 9,5 см, максимальная ширина туловы 12 см, высота 8 см, диаметр дна 6 см.

Найдено две ручки котлов (КП 542/151, 264), одинаковые по форме, орнаменту, технике изготовления и глине; очевидно, они относятся к одному котлу. Они имеют полукруглую форму, выступающий край их закруглен и украшен косой насечкой. В глину обильно примешана измельченная керамика. Фрагменты сильно прокопчены, даже черепок в изло-

ме черный. Такие ручки часто встречаются в Шахристане (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 172, табл. XV, 31), Пенджикенте (Бентович, 1953, стр. 134, табл. VIII; 1964, стр. 290, рис. 32) и других памятниках.

Миски. Найдены фрагменты от трех мисок с волнистыми бортиками (КП 542/23, 24; 529/256, рис. 35, 17, 18, 19). Две миски почти одинаковых размеров (диаметр тулона 35 см, высота 6,8 и 7,6 см), третья более мелкая (диаметр тулона едва достигает 20 см). Все они имели одинаковую коническую форму, высокие бортики, смятые в несколько волн. Под венчиком проведен неглубокий желобок. Между бортиком и корпусом проходит рубчик. Бортики имели восемь волнообразных изгибов и в плане напоминали форму восьмилепестковой розетки. На изгибах видны следы пальцев.

Миски с волнистым бортиком весьма типичны для Пенджикента (Бентович, 1953, стр. 139, рис. 6). Очень похожая на наши миски найдена в замке Зангтепа (Альбаум, 1963, стр. 79, рис. 4, 25). И. Б. Бентович (1953, стр. 139) и Б. И. Маршак (1961, стр. 189) доказывают, что на появление керамических вариантов таких форм мисок оказали влияние металлические, так называемые «ложчатые», чаши. Действительно, в руке одной из мужских фигур на росписи помещения № 10 объекта I древнего Пенджикента изображена золотая чаша, имеющая в плане форму четырехлепестковой розетки (Беленицкий, 1953, стр. 46, табл. VI; Бентович, 1953, стр. 139). Эти миски имеют много общего и с другими так называемыми «сасанидскими» чашами (см., например, Орбели, Тревер, 1935, табл. 57, 58).

Тарелки. К этому типу относятся два фрагмента (КП 542/25, 108, рис. 34, 7, 8) с резко расширяющимися корпусами и прямыми, заостренными к венчику бортиками. Оба фрагмента отличной обработки, покрыты снаружи и внутри высококачественным красным ангобом. Форма этих тарелок живо перекликается с подобной находкой из пятого слоя Тали Барзу (VI—начало VIII в. н. э.) (Тереножкин, 1950б, рис. 71, 7).

Горшки. К горшкам относится фрагмент с закругленным, отогнутым наружу венчиком (КП 542/144, рис. 35, 26). Сохранился обломок ручки, прикрепленной к венчику. Диаметр венчика 16 см.

Следующий фрагмент (КП 542/92, рис. 35, 27) имеет закругленный, чуть заостренный венчик, отогнутый наружу, шейка низкая. Сосуд покрыт красным ангобом. Аналогичные формы сосудов с подобными венчиками характерны для верхнего слоя древнего Пенджикента (Бентович, 1961, стр. 282, рис. 25, 6).

Фрагмент небольшого горшка (КП 542/127, рис. 35, 8) имеет подтреугольный венчик, отогнутый почти под прямым углом. Под венчиком и по корпусу острый предметом проведены горизонтальные пучки линий. Форма горшка шаровидная, глина и обжиг хорошие. Диаметр венчика 10 см, высота горшка не менее 7 см. Этот сосуд также находит себе аналогии среди пенджикентской керамики (Бентович, 1964, стр. 282, рис. 25).

Фрагмент (КП 542/61, рис. 35, 25) весьма тонкой работы и хорошей обработки. Венчик отогнутый, сложно профилирован с боковой поверхности, чуть загнутый к шейке. Диаметр устья 23 см, но, несмотря на такой крупный размер, стенки тонкие (3 мм), поверхность сосуда тщательно заглажена. Ребристо профилированные венчики также характерны для Пенджикента.

Найдены верхняя и нижняя части двух горшков ручной лепки (КП 529/280). У первого (рис. 35, 29, 30 и 32, 3) венчик закругленный, чуть выгнутый наружу, шейка невысокая, корпус шаровидный. От шейки к плечу перекинута петлеобразная, круглая в сечении ручка. Под венчиком коричневой краской проведена горизонтальная линия, к ней примыкает волнистый орнамент. Из промежутка волн книзу идут растительные мотивы в виде стебелька с тонкими листьями, заканчивающимися цветками. Растительные мотивы нарисованы коричневой и красной красками. Диаметр устья горшка 10 см, ширина тула более 13,5 см.

Другой фрагмент (рис. 35, 9) состоит из части стенок и дна. Переход ко дну очень плавный, слаженный. Диаметр дна 10 см, ширина тула 10,5 см. Такие горшки широко известны по пенджикентским находкам. Особенно похож на наш горшок ручной же лепки, найденный в верхнем слое Пенджикентского городища (Бентович, 1964, стр. 290, рис. 32, 5). Разница лишь в том, что у пенджикентского горшка отсутствуют ручка и роспись.

Кружки. Их можно разделить на пять групп.

К первой группе относятся кружки с прямым или едва выгнутым наружу бортиком, чуть заостренным венчиком, не очень расширенным туловом. Из кружек этой группы полностью собрана одна (КП 542/117, рис. 35, 1 и 32, 7). Петлеобразная ручка, сделанная из круглого в сечении стержня и укращенная одним желобком по наружной поверхности, прикреплена к наиболее расширенной части тула. Между корпусом и бортиком этой кружки, да и всех остальных, проходит рубчик, имитирующий место соединения двух частей на металлических кружках. Диаметр устья фрагментов колеблется от 9 до 11 см. Размеры собранной

кружки: диаметр устья 8 см, диаметр корпуса 9 см, диаметр дна 4 см, высота кружки 6,5 см.

К этой же группе относятся четыре фрагмента бортиков с венчиками и одна похожая на вышеописанную петлеобразная ручка (КП 542/10, 84, 318, 83, рис. 35, 6, 12, 14).

Вторая группа в основном похожа на первую. Разница лишь в том, что туло кружек этой группы более выпукло. К ней относятся пять фрагментов (КП 542/17, 18, 78, 93, 317, рис. 35, 10, 20). У самого крупного из них (рис. 35, 20) диаметр устья 11,7 см, ширина корпуса 14 см, высота кружки не менее 7 см. У двух других фрагментов диаметр устья по 8 см.

Третья группа кружек отличается от первых двух лишь большей приземистостью и расширенностью тула. Она представлена одним фрагментом с донышком, частью тула и петлеобразной ручкой (КП 542/102, рис. 35, 13) и несколькими фрагментами донышек с сохранившимися частями корпуса и обломками ручек (КП 542/33, 34, 99, 128, 156, 223, 224, рис. 35, 4, 5, 9, 11, 22, 23, 24).

Кружки всех этих трех групп можно считать вариациями одной и той же формы, они были широко распространены почти по всей Средней Азии. Например, их можно встретить в большом количестве на уратюбинском Мугтепе (Ранов, Салтовская, 1961, стр. 124, рис. 14), в Пенджикенте (Бентович, 1953, стр. 138, 139, табл. X, 6, 7; 1964, стр. 279—282, рис. 21, 1—9, 22, 2, 23, 1—4; Тереножкин, 1950а, стр. 91; табл. 41, 1₃ и 41, 2_u), среди керамических находок с городища Кулдортепа в Ургутском районе (Ставиский, Урманова, 1958, стр. 233, 234, рис. 3, 1, 2), в Афрасиабе (Тереножкин, 1950б, рис. 71, 5), Кафыркале (Маршак, 1961, табл. 2, рис. 2, 3). По таблице А. И. Тереножкина, кружки этих типов характерны для Согда VI—VIII вв. (Тереножкин, 1950б, рис. 69, X, 15; XI, 1). Аналогичные кружки встречены также в Актеа близ Ташкента (Тереножкин, 1948, стр. 114, рис. 6), Варахше (Шишкин, 1963, стр. 115, рис. 54, 17) и Зангтепа Ангорской группы (Альбаум, 1963, стр. 78, рис. 2, 1—3, 5). Датировка всех этих находок укладывается в рамки VI—VIII вв.

Четвертая группа — кружки с волнистым бортиком. Представлена фрагментами всего двух кружек (КП 542/259, 292, рис. 32, 10, 11). Судя по ним, сосуды имели высокие бортики, смятые в виде волн. Венчики прямые, округленные. Такие кружки весьма типичны для раннесредневековой керамики Средней Азии, и их, появление исследователи справедливо связывают с подражанием металлическим кружкам. При раскопках древнего Пенджикента в нижнем и верхнем его слоях найдено большое количество таких

кружек (см., например, Тереножкин, 1950а, стр. 91, табл. 41, 2 и 4; Бентович, 1953, стр. 138, табл. X, 5; 1964, стр. 280, рис. 21, 10, 16, 17; Маршак, 1961, стр. 289, табл. 7, рис. 1—6). Они формой отличаются один от другого, но бортики у них почти одинаково волнообразно смяты. Такая же кружка найдена в слое VII—VIII вв. на Афрасиабе (Маршак, 1961, табл. 7, рис. 7).

Пятая группа кружек представлена нижними частями двух сосудов, имеющих коническую книзу форму и вертикальные, ритмично расположенные овальные вдавления от пальцев. Эти вдавления делались после формовки. На внутренней стороне — выпуклости той же формы. На одном фрагменте таких вдавлений пять (КП 542/114, рис. 35, 2 и 32, 4). Сохранилось и плоское, слегка подправленное ножом дно диаметром 5 см. На другом фрагменте (КП 542/260, рис. 35, 3) сохранились лишь два вдавления более продолговатых, чем на первом сосуде, и незначительная часть, по-видимому, прямого бортика. Обе кружки были покрыты высококачественным красным ангобом.

Если считать, что бортики этих кружек были прямыми, аналогиями им можно привести кружки из Пенджикента и городища Челек к северу от Самарканда (Маршак, 1961, табл. 2, рис. 12, 16, табл. 6а, рис. 20) также с коническими туловами. Но не исключено, что их бортики, как и у кружек четвёртой группы, были волнообразно смяты. Тогда они были бы очень похожи на подобную кружку из верхнего слоя древнего Пенджикента (Маршак, 1961, табл. 7, рис. 6).

В заключение отметим, что все кружки обработаны весьма тщательно, глина хорошо отмучена, обжиг равномерный, качественный. Исключение составляют лишь некоторые фрагменты, в которых встречается лёгкая пористость глины.

Светильники VI—VIII вв. представлены всего одним экземпляром (КП 542/326, рис. 32, 8). Он сделан очень просто, в виде плошки с закругленным простым бортиком, в одном месте смятым в виде носика. Диаметр резервуара достигает 9 см, высота 35 мм, диаметр донышка 55 мм. Светильники такой формы характерны для VII—VIII вв. Серия похожих на наш светильников была найдена в замке на Калаи Каракаха II (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 173, табл. XVII, рис. 1—4). Идентичен нашему светильник, обозначенный под № 1. Аналогичный светильник найден в Пенджикенте, но под его венчиком проходит неглубокий желобок (Бентович, 1953, стр. 140, 141, рис. 9, 2).

Маслобойки представлены одним фрагментом (КП 542/81, рис. 35, 15). Он имеет подчетырёхугольную форму и в одном краю отверстие диаметром 7 мм, окружённое плавно выпуклой «пуговицей». Один фрагмент такого сосуда был

найден в Пенджикенте (Бентович, 1964, стр. 275, 276, рис. 16), но на нём «пуговка» вокруг отверстия менее выпуклая, чем на нашей маслобойке, и рядом с отверстием расположена вертикальная ручка. Совершенно такой же фрагмент обнаружен в «замке» на горе Муг (Бентович, 1964, стр. 276, рис. 16). Одна целая маслобойка найдена на Калан Кахкаха I. Это сосуд средних размеров, без ручки, с не очень широким устьем и округленным отогнутым венчиком.¹ Целая серия маслобоек разных размеров найдена в поселении Хон-Яйлов в ущелье Актанги. Выпуклость вокруг отверстий совершенно такая, как у нашего фрагмента. Отверстие всегда расположено на плечике сосуда, а чуть ниже, на корпусе сосуда, расположена ручка, в отличие от ручки пенджикентского фрагмента горизонтальная. Следовательно, маслобойки имели всего одну ручку.

Сосуд с отверстием в дне. Такой тип керамики представлен частью одного сосуда с широким горизонтальным венчиком и коническим туловом (КП 542/39, рис. 35, 7). Корпус имеет отверстие такой же конической формы: широкое сверху и сужающееся книзу. Глина и обжиг отличного качества, сосуд снаружи и внутри покрыт красным хорошего качества ангобом. Этот фрагмент очень близок по своей форме к сосудам с отверстием в дне из древнего Пенджикента (Бентович, 1953, стр. 142, 143, рис. 12; 1964, стр. 173, 174, рис. 12, 13). И. Б. Бентович считает, что эти сосуды, возможно, предназначались для процеживания. Но воронкообразная форма их позволяет сделать предположение, что они выполняли функцию воронок для вливания жидкостей в узкогорлые сосуды.

Среди прочих фрагментов весьма интересны два черепка с резным орнаментом. Один из них (КП 542/262, рис. 35, 28), по-видимому, представляет часть плечика сосуда. На нем вырезаны выпуклые ритмично расположенные кружки — перлы. Сверху и, видимо, снизу они были окаймлены двумя выступающими линиями — рубчиками, нижняя из которых не сохранилась. Черепок хорошей обработки, сверху покрыт высококачественным красным ангобом. Мотив перлов широко распространен в росписи, резьбе по дереву и ганчу и изображался на тканях Средней Азии и сопредельных стран.

Другой фрагмент (КП 542/328, рис. 35, 16) имеет более богатую и сложную орнаментацию. Понизу расположена аркада, от которой частично сохранились две арки. Над ней расположена гладкая горизонтальная лента шириной 1 см. Выше вырезана орнаментальная полоса из растительных мотивов. В центре сохранившейся части полосы расположена

¹ Маслобойка ещё не опубликована.

трилистник, два заострённых листика которого направлены в стороны, а средний, более крупный, — вверх. С каждой стороны трилистника вырезаны розетки, по-видимому, шестилепестковые. Замысел этого орнаментального пояса предполагает чередование трилистников и розеток.

Сочетание такого рода орнаментов, с одной стороны, в некоторой степени напоминает лицевую сторону биянайманского оссуария, с другой — довольно часто встречается в резном дереве. Особенно часто такой орнамент встречен в резном дереве мадмского Гардани Хисор, причем почти таких же размеров.¹ Как известно, Гардани Хисор относится к VII — первой четверти VIII в. Исходя из этого и других соображений, можно считать, что наши фрагменты с резным орнаментом, несомненно, относятся к VI—VIII вв.

Наконец, найдена глиняная ножка — подставка столика (КП 542/193, рис. 32, 9). В нижней части она имеет почти квадратную (4,5×5 см) форму, кверху сначала плавно, затем все резче расширяется, причем с одной стороны расширение значительно меньше, чем с трех остальных. В результате верхняя площадка получает форму неправильной окружности. Ножка сделана из хорошо обработанной глины с примесью мелкого солана и навоза, не обожжена. Нижняя площадка ножки 4,5×5 см, верхняя — 10×11 см, высота 8,5 см. Эта наша находка очень близко напоминает форму ножки столика, найденного в древнем Пенджикенте (Бентович, 1964, стр. 291, 292, рис. 37).

КЕРАМИКА X—XI вв.

Кувшины. В число сосудов такого вида прежде всего входит более чем на половину собранный кувшин тонкой работы с двумя поясами резного орнамента по плечикам (КП 542/95, рис. 36, 1). Верхний пояс состоит из миндалевидных, чуть скошенных вырезов, между которыми в нижней части расположены попарные точки — малая и покрупнее. Верхний пояс от нижнего отделяет неглубокий, но четкий желобок. Нижний пояс орнаментирован небогато. Он состоит из расположенных далеко друг от друга вертикальных рядов кружочков, по три кружочка в каждом столбце. С двух сторон столбцов прочерчены попарные вертикальные параллельные линии. Нижний пояс завершается двумя параллельными горизонтальными линиями.

Форма сосуда грушевидная. Снаружи он покрыт светлым ангобом. Тулоно, сужаясь книзу, переходит к плоскому дну

¹ Устное сообщение старшего научного сотрудника Института истории АН Тадж. ССР Ю. Якубова.

с заметно отмеченным поддоном. Диаметр дна 10 см. Венчик не сохранился. Высота сохранившейся части кувшина 17 см.

Такую же полоску миндалевидного орнамента, но несколько уже имеет фрагмент другого кувшина (КП 542/106, рис. 36, 3), но здесь миндалевидные вырезы отделены один от другого рядами точек на всю длину выреза. По низу этого пояса также идут два параллельных горизонтальных желобка, по верху проведен один желобок. Выше него, под самой шейкой, идет другой пояс — стреловидных мотивов, состоящих из точек. Сосуд, очевидно, имел такую же, как первый, грушевидную форму. Поверхность покрыта светлым ангобом.

Миндалевидные вырезы, разделенные рядами точек, имеет еще один черепок (КП 529/267, рис. 36, 6). Ниже пояса вырезов также проведены два желобка.

Подобный же орнамент, но значительно укороченный и расширенный и вследствие этого получивший овальную форму, имеется на плечиках следующего кувшина (КП 542/109, рис. 36, 4). Здесь овалы уже не вертикальные, а горизонтальные, впритык один к другому. На месте стыка овально сверху и снизу вырезано по одному маленькому треугольнику. Сверху и снизу этого орнаментального пояса расположены неглубокие, но четкие желобки — один снизу и два сверху. Выше расположены расставленные далеко друг от друга одиночные небольшие кружки. По тулову кувшина также был проведен желобок, который местами раздваивается.

Один фрагмент сероглиняного сосуда (КП 542/138, рис. 36, 5) имеет штампованный орнамент в виде выпуклых многолучевых «звездочек». «Звездочки» расположены в два горизонтальных ряда, между ними проходит невысокий изящный валик.

Вышеописанный миндалевидный, или овальный, резной орнамент с треугольниками или без них встречается на кувшинах грушевидной или другой формы во многих памятниках раннего и развитого средневековья, например в том же Шахристане в остатках здания X—XII вв. на юго-западе Калан Кахкаха I (Негматов, Хмельницкий, 1966, табл. XIV, рис. 7, табл. XVIII, рис. 19, табл. XIX, рис. 5), в хорезмийском Куня-Узене (горшки IX—XI вв.), (Вактурская, 1959, стр. 280, рис. 3/3, 5), на самаркандском кувшине XI—XII вв. (Пугаченкова, Ремпель, 1965, илл. 236), в Шахрисябзе (IX—X вв.) (Кабанов, 1955, стр. 112, рис. 28) и т. д.

Мотив штампованный многолучевой звезды также встречается среди находок VIII—XII вв., например в керамических печах Гяуркалы VII—VIII вв. (комплекс находок

VIII в.) (Заурова, 1962, стр. 209, рис. 25), в мусорной яме № 1 (XI—XII вв.) на исфаринском Калаи Боло (Давидович, Литвинский, 1955, стр. 100 и сл., рис. 47, 1, 2), в хорезмийском Ярбекире (Вактурская, 1959, стр. 307, 308, рис. 23, 24) и т. д. Следовательно, наши находки можно датировать временем второго обживания замка, т. е. X—XI вв.

Котлы X—XI вв. исключительно сероглиняные, представлены всего тремя фрагментами (КП 542/55, 56, 159; рис. 36, 8, 9, 10). Два первых фрагмента имеют одинаковые венчики в виде плоской горизонтально лежащей ленты вокруг устья. Устья довольно широкие, диаметр их 20 см. На плечике одного из них (рис. 36, 8) сохранился обломок ручки. Судя по следу, она имела полукруглую форму и поднималась почти до венчика. По плечику проведен неглубокий желобок. На втором фрагменте таких желобков два. Третий фрагмент отличается от первых двух формой венчика. Он под треугольный, слегка отогнутый. Диаметр устья 17 см. По плечику проведено уже три желобка.

Сероглиняные сферические котлы найдены в различных памятниках и отнесены к разному времени — от VI до XI в. Аналогичный нашему по форме и размерам котел был найден в северном здании на Калаи Каахаха I в комплексе находок VI—VIII вв. По аналогии его ручки можно восстановить форму ручки нашего котла, так как сохранившаяся нижняя часть чильхуджринского котла в точности напоминает каахахинский. Эти ручки представляют собой валик, изогнутый в полукруг, а в верхней части уплощенный для удобного захвата (Сергин, 1966, стр. 39, 40, рис. 4).

Несколько аналогичных котлов найдено в другом шахристанском памятнике — Чильдуктароне и отнесено к X—XI вв. А. И. Тереножкин считает, что такие котлы бытовали в Самарканде в VIII—XI вв. (Тереножкин, 1950б, стр. 167, рис. 69, XXI, 4). Согласно В. Л. Вяткину, такие котлы характерны для всех периодов жизни на городище Афрасиаб (Вяткин, 1928, стр. 37, 38, рис. 44). Аналогичные, но без ручек котлы типичны для Варахши VIII—XI вв. (Кабанов, 1956 б, стр. 108, рис. 4). Несколько экземпляров сероглиняных круглодонных котлов найдено в Пенджикенте и датировано VII—VIII вв. (Бентович, 1953, стр. 134, 135, рис. 1). Кафыркалинские котлы VI—VIII вв. также очень похожи на наши (Тереножкин, 1950б, стр. 167, рис. 69, X, 9).

Светильник, отнесенный нами к X—XI вв. (КП 529/264, рис. 36, 11), станковой работы, имеет более совершенную форму. Резервуар чирага круглый, закрытого типа, с небольшим отверстием в верхней части. Вокруг отверстия расположен валик. С одной стороны светильника имеется длинный желобчатый носик для фитиля в виде половины усеченного

конуса. С противоположной стороны к верхней части резервуара прикреплена петлевидная ручка, украшенная по внешней поверхности тремя бороздками. Бороздки внизу ограничены двумя горизонтальными линиями — желобками.

Два таких светильника найдены в селении Шахристан, датированы примерно X—XI вв., но в отличие от нашего чирага, они имеют орнамент — один в виде «четырех стилизованных птичек в полете», другой — в виде кружочков. Концы носиков обоих светильников не срезаны (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 173, табл. XVIII, рис. 5, 6). Два чирага аналогичной формы (один из них покрыт зеленой глазурью), но очень маленьких размеров, найдены в Пайкенде (Якубовский, 1940б, стр. 58, табл. X, 1 и 2). Они имеют орнамент в виде овальных прорезей по внешней поверхности резервуаров.

Головка чилима (кальяна). Это единичная находка (КП 542/37, рис. 36, 7), стенки которой расширяются в две стороны, с перехватом ближе к нижней части. Верхняя часть, где должен размещаться табак, почти наполовину обломана. Нижняя часть имеет диаметр 5 см, расширяющееся книзу отверстие диаметром 3 см, к средней части, у перехвата, сужается до 12 мм. Верхняя часть, очевидно, была несколько шире нижней. Сохранившаяся высота изделия 55 мм, но она была значительно большей. Головка чилима не покрыта ни ангобом, ни поливой, не имеет никакого орнамента. Своей формой она очень похожа на современные. Но ее отделка без прикрас как будто позволяет датировать эту находку X—XI вв., т. е. временем второго обживания замка.

Как видно из всего изложенного, керамический материал из Чильхуджры довольно богат формами и типами и в смысле датировки делится на три четкие группы, относящиеся к IV—VI, VI—VIII и X—XI вв. Керамика первой, ранней группы, как правило, найдена в помещениях центрального ядра, что имеет немаловажное значение для датировки этой части здания.

Хумчу с высокой шейкой (КП 542/124, рис. 31, 9), найденную в единственном экземпляре и находящую себе аналогии не в синхронных Чильхуджре памятниках, а в более ранних, несомненно, можно отнести к числу древнейших. Значительную часть кувшинов также нужно отнести к концу IV—VI вв. Кувшины с энахоеидным горлом в памятниках Средней Азии хотя появляются начиная со II в. н. э. и бывают вплоть до VIII в., но в районах, наиболее близких к Уструшане, они все же характерны для более ранних из указанных столетий. Следовательно, не будет ошибкой, если мы отнесем их ко времени появления центрального ядра замка, т. е. к IV—VI вв.

Небольшое количество керамики относится ко времени частичного второго обжигания замка в X—XI вв. Это кувшины с резным орнаментом, сероглиняные сферические котлы, один из светильников с более совершенной формой (КП 529/264, рис. 36, 11) и головка чилима.

Всю остальную массу керамической посуды следует связать со вторым и третьим строительными периодами замка и датировать VI—VIII вв.

Богатство форм (несмотря на сравнительно небольшое количество керамического материала), высокое качество обработки посуды, богатая орнаментация говорят о высоком уровне мастерства уструшанских керамистов.

ПРОЧИЕ НАХОДКИ

Деревянные изделия. Число находок деревянных изделий в Чильхуджре довольно значительно и ассортимент их разнообразен. К X—XI вв. относится чрезвычайно интересный набор кухонных и столовых ложек (рис. 37). Остальные предметы из дерева относятся к VI—VIII вв. Среди них часть обгоревшего черпака от огромной разливательной ложки — кафлеза (КП 542/241, рис. 38, 1); два неопределенных фрагмента изделия, составленного из плотно пригнанных друг к другу пластинок и, по-видимому, скрепленных при помощи клея (КП 542/239); изделие в виде гвоздя или кола, круглое в сечении, с одним заметно заостренным и другим обработанным в виде округлой головки концами (КП 542/238, рис. 39, 13); целая крышка котла диаметром 27,3 см и толщиной 3,3 см (КП 542/234, рис. 38, 3) и три фрагмента от другой крышки (КП 542/235); веретено, составленное из двух круглых в сечении частей, сложенных в виде креста и скрепленных деревянным стерженьком, забитым в сквозное отверстие через обе части веретена (КП 542/237, рис. 39, 3); тонкая продолговатая палочка (85×43×9 мм), сохранившая с одной стороны следы черной краски (КП 542/236, рис. 39, 7); изделие в форме буквы Г с несколько расширенным углом (КП 542/225, рис. 39, 2); два близких по форме предмета — один длиннее и уже (КП 542/214, рис. 39, 14), другой короче и шире (КП 542/222, рис. 39, 4), сба имеют кривое очертание и отверстия — в одном два, в другом четыре; треугольное изделие со срезом на месте верхнего угла (КП 542/227, рис. 39, 10); предмет в виде грибка, круглый в сечении, разделенный на две неравные части довольно глубоким (7 мм) кольцевым желобком и, видимо, представляющий собой головку какого-то изделия (КП 542/224, рис. 39, 1); несколько малых и крупных колышков

(КП 542/216, 219, 220, 21, 223, рис. 39, 8, 9, 11, 12); фрагмент изделия, похожий на острие двухлезвийного ножа с тщательно, почти до блеска, отшлифованной поверхностью (длина фрагмента 9,2 см, максимальная ширина 3,8 см, максимальная толщина 1 см) (КП 542/226, рис. 38, 2); фрагменты неопределенной формы и назначения (КП 542/221); обгоревшая с одного конца лучинка (КП 542/230); фрагменты сосуда из тыквы (КП 542/211); остатки плетеной из прутьев корзины (КП 542/228); камышовая детская свирель (КП 542/240) и, паконец, наиболее ценная находка — фрагмент головки грифа музыкального инструмента (КП 542/242, рис. 53).

Все эти находки в комплексе представляют собой большой историко-бытовой и историко-культурный интерес. В этом разделе мы остановимся лишь на тех находках, назначение которых поддается определению. Среди них прежде всего следует отметить набор кухонных и столовых ложек, найденных в верхнем слое помещения № 3. Этот набор, по-видимому, уникален по своей сохранности и значительному количеству. При археологических раскопках и раньше находили деревянные ложки. Так, одна ложка была найдена в 1950 г. в кургане № 1 могильника Истык на Восточном Памире (Литвинский, 1961, стр. 51, рис. 2). Резервуар у нее, судя по рисунку, полусферический, ручка не прямая, а заметно изогнутая. Другая деревянная ложка с резервуаром овальной формы и ручкой на короткой стороне была найдена в помещении № 12 Балалыктеа (Альбатум, 1960, стр. 86, рис. 57). Ручка этой ложки обломана, но она вместе с самой ложкой была выточена, видимо, из цельного куска дерева. Третья ложка найдена в комнате № 4 «замка» на горе Муг (Васильев, 1934, стр. 29; Бентович, 1958, стр. 360, 364, 365, рис. 2). Она имеет глубокий резервуар полусферической формы и круглую в сечении ручку, непропорционально длинную и довольно толстую для такого маленького резервуара.

Однако все перечисленные ложки старше наших и отличаются от них своей формой. Деревянные ложки из Чильхуджры по форме более близки к поздним ложкам из этнографических коллекций, например к ложкам из Дарвазской этнографической коллекции, которые отличаются от чильхуджринских тем, что их резервуар более вытянут (Широкова, 1956, стр. 16, табл. 8; «Таджики Қаратегина и Дарваза», 1966, стр. 269, рис. 58, 8, 10, 11; 61, 2), и других этнографических собраний Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Такие же ложки встречаются и в наши дни в горных селениях Северного Таджикистана. Это го-

ворит о долгой, почти тысячелетней живучести форм этих предметов быта.

Ложки нашего набора выполняли функции столовых (кошук) и разливательных (кафлез — половник). Они искусно вырезаны из цельного куска дерева. Формы и пропорции их черпаков и ручек соблюдены строго. Черпаки ложек с одной стороны широкие, с противоположной стороны для удобства слива жидкостей сужены. Размер резервуаров колеблется от $5,9 \times 7,3$ см (столовые) до $7,2 \times 9,5$ см (разливательные). Ручки отходят сбоку под прямым углом к черпаку, они круглы в сечении и к концу заметно утончаются.

О процессе изготовления таких ложек мы можем судить по этнографическим материалам. В составе Дарвазской этнографической коллекции имеется специальный инструмент «кошуккан», при помощи которого и вытачивались ложки. «Кошуккан» представляет собой металлический стержень с небольшим ромбовидным, заостренным по бокам и загнутым на конце лезвием; на другой конец насажена деревянная ручка (Широкова, 1956, стр. 11, 12, № 38).

Набор чильхуджринских ложек насчитывает около десяти экземпляров. Они датированы медными монетами X—XI вв.

Кроме этого сравнительно позднего набора ложек, в центральном ядре основного здания Чильхуджры было найдено деревянное изделие, часть которого обгорела, а сохранившаяся часть напоминает деформированную чашу. Фрагмент имеет почти полусферическую форму, но в одной части стенки почти отвесные, а в другой — более пологие. Диаметр сохранившейся части приблизительно 18 см, высота 6,2 см, стенки имеют толщину 1 см, местами 1,5 см, в переходной части ко дну утолщаются до 2—2,2 см, а выше, к венчику, плавно утончаются.

Тщательное сопоставление этого фрагмента с найденными ранее деревянными чашами (см., например: Литвинский, 1961, стр. 52, 56, 57; Бентович, 1958, стр. 364) и сравнение его с ложками позволило установить, что перед нами не чаша, как мы предполагали вначале, а огромных размеров разливательный черпак (кафлез), больше половины резервуара и ручка которого не сохранились. Наше сомнение полностью рассеяло сопоставление этой находки с такими же крупными черпаками из Зеравшанской этнографической коллекции Института истории им. А. Дониша, один из которых имеет размеры, близкие к нашему (КП 404/92. Ср. также: Таджики Карагина и Дарваза, 1966, стр. 271, рис. 59, 9), а другой еще крупнее — $19 \times 22,5$ см (КП 404/112). По сообщениям информаторов, черпаки таких огромных размеров использовались в основном во время праздников. Черпак наш происходит из древнейшего слоя центрального ядра.

ра Чильхуджры, датируемого концом IV—VI вв.; он не находит параллелей в раннесредневековых памятниках и представляется для своей эпохи уникальным.

Большой историко-хозяйственный интерес представляет собой находка деревянного веретена. Оно найдено над полом помещения № 18 центрального ядра, состоит из двух круглых в сечении частей длиной 19,6 и 20,5 см и диаметром 2,5 и 2,7 см. Все концы плавно округлены. Обе планки в середине подтесаны и этим самым местом приложены одна к другой, затем скреплены деревянным стерженьком, забитым в отверстие, которое было просверлено сквозь обе части. Стерженек имеет в сечении 6 мм, с одной, по-видимому верхней, стороны он обломан.

В поисках аналогии нашему веретену опять приходится обратиться к этнографическим материалам, так как в археологических публикациях находки такого рода еще не отмечались.

В фондах Института истории им. А. Дониша хранятся несколько веретен из разных районов Таджикистана. Наиболее близкими к нашему являются веретена из Зеравшанской коллекции сбора 1959 г. и из Гармской коллекции сбора 1956 г. Зеравшанское веретено (КП 404/147) очень примитивно: его крестовина состоит из двух округлых в сечении палочек, которые в месте соединения не имеют выреза и держатся одна над другой, что делает веретено очень несовершенным. Кроме того, оно отличается от нашего несколько меньшим размером. Гармское же веретено (КП 273/285) почти идентично с нашим как по форме, так и по размерам: толщина составных частей крестовины почти такая же, в месте соединения сделан вырез, обе части входят одна в другую.

К сожалению, другие фрагменты деревянных изделий не поддаются расшифровке. Их плохая сохранность и фрагментарность не дают возможности определить их прежний облик и назначение. Несмотря на это, находки подобного рода, особенно расшифрованные, имеют довольно большое значение. Они дают материал для освещения истории быта, ткачества и некоторых других аспектов истории культуры. Точно такие веретена, как чильхуджринские, бытуют и в наши дни в сельских местностях Таджикистана, в том числе и в Шахристане, и используются для прядения шерсти. Это, возможно, говорит об устойчивости древних традиций. Особо большое историко-культурное значение приобретают фрагменты древнейших на территории Таджикистана музыкальных инструментов, о которых речь пойдет ниже.

Металл. Находки металлических изделий в Чильхуджре сравнительно немногочисленны, в основном найдены пред-

меты, сделанные из железа и бронзы. Прежде всего нужно отметить железный топор хорошей сохранности (КП 542/184, рис. 40, 1), найденный в помещении № 12. Он довольно массивен, имеет небольшой граненый обух и отверстие для насадки ручки, лезвие имеет небольшое расширение. Большая часть лезвия была обломана еще в древности. Длина топора 22,3 см, ширина ближе к отверстию 3,4 см, по отверстию — 6,9 см, у обуха — 4,1 см, площадка обуха $3,9 \times 4,1$ см, ширина сохранившейся части лезвия 5,65 см. Переход рабочей части к обуху не плавный, а отмечен резкими углами, в самом обухе также отсутствует овальность и плавность переходов. Отверстие для насадки небольшое — в диаметре всего 2,5 см, все это придает форме топора в целом черты архаизма и неполной выработанности.

Ближайшей аналогией нашему топору может служить топор из двора Актепа близ Ташкента (Тереножкин, 1948, стр. 123—125, рис. 27, 7). Но сходство это лишь по форме, а по размеру наш топор намного превосходит актепинский (длина чильхуджринского топора 22,3 см, актепинского — 12,4 см). Других более или менее близких аналогий среди раннесредневековых материалов Средней Азии обнаружить не удалось. Чильхуджринский топор можно датировать VI—VII вв.

Железный черенковый нож (рис. 40, 2) хотя и заржавел, но сохранился хорошо, просматривается полностью вся форма. Длина ножевины 17 см, черенка — 4,6 см, ширина ножевины у основания 2,3 см, далее он плавно идет на сужение и переходит в острие. Толщина ножа 7 мм, нож, очевидно, был однолезвийным, острота лезвия и тупость противоположной ему стороны хорошо заметны и сейчас. Черенок в конце своем заострен, очевидно, для удобства насадки его на деревянную или костяную ручку.

Ножи такой формы, видимо, были характерны для Средней Азии, по крайней мере для Уструшаны и Согда. Например, самые точно датированные ножи найдены в юго-западном здании на Калан Қаххака I (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 175, табл. XX, рис. 2), ножи такой же формы малых и крупных размеров — на объекте XIV шахристана древнего Пенджикента (Е. Зеймаль, 1964, стр. 259, рис. 3, 1, 2, 4), на объекте VI среди комплекса вещей середины VII—VIII вв. (Ставиский, 1964, стр. 170, рис. 32, 5) и т. д.

В пандусе, в слое под навозом, был найден трехгранный черешковый железный наконечник стрелы (КП 542/186, рис. 40, 3). Длина наконечника вместе с черешком 99 мм, длина боевой части 5 см, ширина граней у основания 12—14 мм, черешок у боевой части толще (6 мм), чем в нижней части (3 мм), и в конце имеет небольшое почти округлое

утолщение (75 мм). Наконечники такой формы, изготовленные из железа, весьма обычны для среднеазиатских памятников VII—VIII вв. В довольно большом количестве они найдены в древнем Пенджикенте (см., например: Тереножкин, 1950а, стр. 86, табл. 41б; Е. Зеймаль, 1964, стр. 250, 260, рис. 4; Ставиский, 1964, стр. 170, 171, рис. 32, 1 и т. д.).

Два сравнительно крупных и несколько более мелких фрагментов железного изделия собираются в одну пластину, которая с одной стороны заметно расширяется. Ширина самого крупного из них 31—36 мм, длина 73 мм, толщина 1 см. В расширенной части имеется отверстие, куда вставлен стержень длиной 26 мм, диаметром 11 мм. Стержень с одной стороны сплющен в виде заклепки, с другой — выступает от пластины на 15 мм, и на нем также видны следы плющения. Судя по сохранившимся рядом со стержнем остаткам сгнившего дерева, эта пластина была некогда прикреплена к дереву.

Другой крупный фрагмент является собой продолжение первого, его длина 51 мм, ширина 26—23 мм, толщина 9 мм. Остальные мелкие фрагменты трудно поддаются сборке.

Под полом помещения № 15 вместе с полным скелетом собаки был найден гвоздь, верхний конец которого изогнут в виде петли (рис. 40, 6). Длина гвоздя 62 мм, сечение 8 мм, диаметр петли 24—26 мм. К верху петлеобразной изогнутости гвоздя приржавела еще одна петля почти в полную окружность, сделанная из стержня такой же толщины. Диаметр этой петли 17 мм.

В дворике помещения № 23 найдены фрагменты железного изделия неопределенной формы (рис. 40, 8). Один из них состоит из обломка пластины, в которую продеты два стерженька, расположенных совсем рядом, но на разных уровнях. На одном из стерженьков сохранились следы еще одной аналогичной пластины. Длина стержней 24 и 26 мм, диаметр 7—7,5 мм, с обоих концов они примяты. Длина сохранившейся части пластины 22,5 мм, ширина 18 мм. По всей вероятности, эти два стержня скрепляли какой-то предмет, состоящий из не менее двух железных и, возможно, двух деревянных частей. Другой фрагмент имеет форму в три четверти окружности. Длина его 35 мм, толщина 11 мм. Назначение его выяснить не удалось.

Кроме железных вещей, найден ряд бронзовых изделий. Из находок этого рода нам хочется прежде всего отметить полый внутри медальон небольших размеров (КП 542/176, рис. 40, 7), найденный в помещении № 10. Он состоит из двух припаянных тонких пластин около 0,8 мм толщиной. Нижняя пластина плоская, круглая с припаянным кусочком металла на краю, верхняя имеет небольшую выпуклость и

невысокий бортик по краям, прямоугольная прорезь в котором приходится точно над припайкой нижней половины. Над прорезью в 18 мм от бортика в выпуклой части имеется маленькое отверстие диаметром 1,5 мм, по-видимому, оно служило ушком для подвешивания медальона. Это устройство принимать за шарнирное соединение крышки не приходится, так как половинки медальона были припаяны друг к другу и не открывались. Диаметр медальона 3 см, общая высота 11 мм, высота бортиков верхней половины 4 мм.

Похожие на наш медальон бронзовые коробочки типа античных пиксид были найдены в кургане № 102 тяньшанского могильника Аламышик (VII—VIII вв.) (Бернштам, 1952а, стр. 84, рис. 47, 1) и в одном из поздних погребений могильника Кургак на Алае (IV—VIII вв.) (Бернштам, 1952а, стр. 202, рис. 85, 2). Но между этими пиксидами и нашим медальоном есть существенные различия. Прежде всего, наша находка почти в два раза уступает аламышикской и алайской находкам по размеру. Далее, тяньшанская и алайская пиксиды имеют крышку и своей формой и конструкцией очень близко напоминают современные бумажные коробки из-под пудры, а у нашей находки обе части спаяны и нет ушка для подвешивания. Совершенно ясно, что пиксиды из курганов служили как коробочки для специй или косметики, а наша находка — предметом украшения, медальоном. Несмотря на эти различия, близость формы и времени как будто дает основание считать несомненным принадлежность медальона к VII—VIII вв., т. е. ко второму или третьему строительному периоду Чильхуджры.

Как отмечалось выше, в помещении № 9 под раздавленным дном хума наряду с другими находками был обнаружен бронзовый колокольчик (КП 542/275, рис. 40, 4), имеющий форму половины шара. Расширенная нижняя часть его в поперечнике равна 22,5 мм. По краю имеется утолщение в виде ободка, по верху которого просматривается желобок. В верхней части колокольчика припаяно ушко с отверстием для подвешивания. Рядом с ушком на боку сферической части имеется отверстие 2,5 мм диаметром, возможно, для подвешивания язычка. Высота колокольчика вместе с ушком 19 мм, сферической части без ушка 14 мм, толщина стенок 1 мм, толщина ободка в нижней части 2 мм.

Очень близкие по форме, но слегка вытянутые бронзовые колокольчики найдены в погребальной яме № 6 комплекса Тепаи Пирмухаммад на юго-восточной окраине поселка Шахристан (Негматов и др., 1961, стр. 142, рис. 1, 1), в кочевнических погребениях II—III вв. н. э. на холмах окраины Душанбе (Литвинский, 1958, стр. 45) и в Тулхарском могильнике II—I вв. до н. э. (Мандельштам, 1961, стр. 55,

рис. 6). На некоторых из них сохранились остатки железной проволоки для подвешивания язычка.

Бронзовое шило (рис. 40, 9) было найдено в помещении № 11. Длина его 65 мм. С одного конца оно круглое в сечении и имеет в диаметре 3 мм. С другого конца заметно утончается и получает граненую форму, которая в сечении имеет 1,8 мм. Длина граненой части 13 мм. В конце последней части шило заметно заостряется.

Под первым полом Большого зала найдена бронзовая поделка почти правильной эллиптической формы (КП 542/178, рис. 40, 5). Один ее конец закруглен, другой прямолинеен. Толщина пластинки всего 1 мм. Она имеет пять отверстий — одно в центре прямолинейного конца и по два по краям ближе к прямолинейному концу. Длина пластины 25,5 мм, ширина 13—15 мм, диаметр отверстий 1—1,5 мм. По-видимому, эта пластина прикреплялась к концу ремня и служила его наконечником.

Два точно таких по размеру и по форме бронзовых наконечника ремней имеются в Мугской коллекции находок (Бентович, 1958, стр. 370, рис. 5, 1). Разница лишь в том, что каждый мугский наконечник состоит из двух соединенных между собой пластин, на поверхности которых выгравирован орнамент; по-видимому, ремень зажимался между этими пластинками, а наш наконечник пришивался к ремню.

В верхнем слое Большого зала было обнаружено полое бронзовое изделие (КП 542/181, рис. 41), напоминающее своей формой головку жезла. Оно состоит из двух припаянных частей — грушевидной верхней части и цилиндрической нижней. Высота грушевидной части 85 мм, максимальный диаметр 85 мм. Верх ее слабо закруглен, а в центре просверлено одно отверстие диаметром 7 мм. Высота нижней цилиндрической части 29 мм, диаметр 34 мм, в месте припайки он расширяется в виде слабо изогнутого бортика. Сбоку имеется отверстие диаметром 3 мм, по-видимому, для крепления изделия гвоздем к деревянной ручке. Толщина стенок изделия 1 мм. Общая высота изделия 11 см. Эта находка скорее всего служила головкой жезла.

В хуме, закопанном под полом Большого зала, вместе с остатками обуглившейся деревянной скульптуры был найден фрагмент бронзового изделия цилиндрической формы (рис. 40, 10). Длина изделия 12,7 мм, в поперечнике около 4 см. Внутри оно полое, но с одного конца выступает какая-то тоже бронзовая часть в виде змеиной головки. Кроме того, сквозь изделие проходит железный стержень длиной 143 мм, который выступает с одного конца на 4 см. Эта выступающая часть в сечении имеет прямоугольную форму; другой конец стержня, видный с противоположного конца

цилиндра, неопределенной примятой формы. Очевидно, цилиндр состоял из двух припаянных частей. На поверхности большей части наблюдался крупный елочный орнамент; на меньшей части орнамент неясный, здесь же просверлено два отверстия диаметром 3,5 мм, одно из них не сквозное. Назначение изделия не поддается определению. Возможно, оно служило ручкой какого-то предмета.

Пряслица. Всего в Чильхуджре найдено четыре пряслица. Они отличаются друг от друга как материалом, так и формами.

Первое из них (КП 542/170, рис. 42, 1), найденное в помещении № 18, сделано из полупрозрачного агат-халцедона, имеет сферическую форму. Размеры его небольшие — высота 2 см, диаметр 25 мм. В высоту имеет сквозное отверстие, диаметр которого сверху меньше 4 мм, а книзу несколько увеличивается (7 мм). Это пряслице как по форме и размеру, так и по материалу очень похоже на те, которые были найдены в Пенджикенте (Беленицкий, 1958, стр. 143, рис. 39, 1). Особенно оно сходно с агат-халцедоновым пряслицем, хранящимся в фондах Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР.

Второе пряслице (КП 542/179, рис. 42, 2), найденное в помещении № 7, почти такой же формы, с тем только отличием, что вверху оно более коническое и брюшко шире. В нижней же части вокруг отверстия имеется впадина, благодаря чёму посадка пряслица получает большую устойчивость. Высота пряслица 18 мм, ширина 27 мм, диаметр отверстия 5 мм, глубина впадины вокруг нижнего отверстия 5 мм.

Третье пряслице (рис. 42, 3) из помещения № 16а также сферической формы и имеет у нижнего отверстия впадину, но более приземистое, расширяющееся книзу, верхняя коническая часть обрезана. Высота его 17 мм, ширина 36 мм, диаметр отверстия 7 мм, глубина впадины вокруг нижнего отверстия 5 мм. Оба последних пряслица изготовлены из мягкого материала, представляющего собой нечто среднее между глиной и камнем.

Последнее, четвертое, пряслице (рис. 42, 4) весьма простой формы. Оно найдено у пола помещения № 20. Форма его цилиндрическая с прямыми стенками и сторонами, очень низкая (7 мм). В поперечнике имеет 3,3 мм. Отверстие, по-видимому, сверлилось с двух сторон, так как с обеих сторон оно широкое (8 мм), а к середине сужается, местами деформировано. Изготовлено из мелкозернистого галечника. Это пряслице своей формой напоминает керамические пряслица из Уртакургана (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 93, рис. 46, 1—3) и Калан Кахкаха II и III (Негма-

тов, Хмельницкий, 1966, стр. 189, 190, табл. XXV, рис. 1, 3, 4, 6), а также каменное цилиндрическое прядильце из Калаи Кахкака II (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 188, табл. XXV, рис. 7) и каменные дисковидные прядильца из Хаузтепа в верховьях Кашкадарья (Кабанов, 1955, стр. 93, рис. 14).

В числе каменных изделий миниатюрная сурьмяная палочка (КП 542/183, рис. 42, 5) из алевролита длиной 45 мм. С одной стороны она несколько расширена (12 мм), с другой плавно заострена до 2 мм. Толщина неравномерная — от 5 до 7 мм.

Такие каменные сурьмяные палочки были широко распространены в Средней Азии и за ее пределами. Они встречаются всюду — от могильных сооружений до крупных археологических памятников (см., например: Тереножкин, 1940б, стр. 30; Григорьев, 1948, рис. 32, 34, 58—60, 69 и др.; Бернштам, 1949, стр. 58; Воронец, 1951, стр. 67; Беленицкий, 1958, стр. 140, 142, рис. 39, 2; Давидович, Литвинский, 1955, стр. 66, 67, рис. 32, 33; Литвинский, 1959б, стр. 80, рис. 4, 12; Литвинский, 1959а, стр. 118, рис. 6, 1—4; Кибирев, 1959, стр. 13; Кожомбердыев, 1960, стр. 74, рис. 15, 7—8; Сорокин, 1961, стр. 148, 149, табл. Vн, IXз) и датируются от первых веков нашей эры и до этнографической современности (Ершов, 1952, стр. 27—32). Часто они имеют отверстия для подвешивания, иногда заострены с двух сторон, в большинстве случаев — с одной. Назначение их не вызывает никакого сомнения — они употреблялись для обведения глаз сурьмой или графитом.

Ткань. В пандусе Чильхуджры найдено несколько фрагментов шерстяной и хлопчатобумажной ткани. Важное значение имеет обнаруженный здесь бесформенный небольшой кусок шерстяной ткани (КП 542/196), который не только не сгнил, благодаря исключительно сухой почве завала, но и сохранил свой изначальный розовый цвет. Размер его всего $2,5 \times 3,5$ см. Здесь же найдена пряжа, очевидно, от той же ткани, с тем лишь отличием, что последний имеет цвет чуть потемнее. Длина нитки 14 см. Рядом обнаружена шерстяная пряжа бледно-желтого цвета, длина ее 17 см.

В этом же пандусе, но уже над слоем навоза найден кусок хлопчатобумажной ткани треугольной формы (КП 542/202) более тонкой и качественной работы, чем куски шерстяной ткани. Нитки ткани тонкие и прилегают друг к другу плотно. Длина этого куска 8 см, ширина 3,5 см.

Остатки шерстяных паласов найдены в виде комков. В комках, плотно перемешанных с навозом и саманом, различаются остатки, по крайней мере, двух паласов. Желтовато-серый палас был более плотным и был соткан из тонкой

пряжи диаметром 1—1,5 мм; бледно-розовый более грубой работы, соткан из пряжи, диаметр которой доходил до 3 мм (КП 542/203).

Сохранению кусков ткани мы, очевидно, обязаны исключительной сухости мелкой пыли, заполнявшей пандус. Находки остатков ткани в раннесредневековых и даже в памятниках постарше были известны и раньше. Например, в Мервской Эрккале отмечены находки остатков ткани из шерстяных, шелковых и растительных (хлопковых и из кенафа) волокон, а также пряжа из шерстяных нитей, окрашенных в серовато-желтый, светло-бурый, красный, розовый, синий цвета или имеющих естественный оттенок. Эти ткани точно датированы монетами II—III вв. (Усманова, 1963, стр. 68 и сл., рис. 34). В хорезмийском Барактаме I найден кусок шерстяного ворсового ковра, окрашенного растительными красками синего, красного, розового, золотистого цветов (Толстов, 1962, стр. 241). В Якка-Парсане найдено много фрагментов хлопчатобумажной ткани, паласов, мотки ниток, куски войлоков и др. (Неразик, 1963, стр. 14—16). Обрывки тканей были найдены также на Тешиккале (Толстов, 1948а, стр. 142). Из Балалыктеа происходят ткани трех типов: грубая шерстяная ткань в желтую и алую полосу, шерстяная желтого цвета с синим орнаментом и фрагмент шелковой ткани со следами синей или зеленой окраски (Альбаум, 1960, стр. 67, 101—103, рис. 83).

В непосредственной близости с Бунджаикатом при раскопках на горе Муг были найдены кусок ватного стеганого халата или кафана, разные шнурки, толстые нитки из хлопка, головные сетки и даже горсть хлопка-сырца (Якубовский, 1956, стр. 214).

Находки подобного рода на территории Согда (включая Уструшану) и Парфии подтверждают сведения письменных источников о том, что хлопок в Средней Азии был известен издавна и хлопковые ткани вывозились даже в другие соседние страны. Например, хлопчатобумажные ткани в Китай в сасанидскую эпоху ввозились из Парфии и Согдианы (Семенов Д., 1928, стр. 18, 19). Этими находками из Бунджаиката также подтверждается предположение ученых (Негматов, 1957, стр. 89), что на территории самой Уструшаны, точнее в ее северном присырдаринском рустаке Шавкат возделывался хлопок, так как климат именно этой части области наиболее подходит для этой культуры.

Помимо тканей, в пандусе Чильхуджры найдено четыре куска кошмы (КП 542/205). Самый крупный кусок продолговат (длина 23 см), с одного конца шире (85 мм), с другого несколько сужается (55 мм). Своей формой напоминает форму ступни правой ноги. До недавнего времени в Таджикис-

таке кошму использовали и как подкладку в обуви. Это уменьшало размер обуви, если был он велик. Найденный в Чильхуджре кусок кошмы, по всей вероятности, использовался как подкладка в обувь. Остальные три куска кошмы очень малы, неопределенной формы, края их ровно и аккуратно подрезаны. По-видимому, это отходы после вырезания более мелкого куска из большого.

Кроме всего этого, в пандусе найдены пучки грубой бараньей и тонкой верблюжьей шерсти, видимо, представляющие собой заготовку для пряжи.

Кожа. В том же пандусе, под слоем навоза, найдено несколько кусков кожи, мелких и крупных. Один из крупных кусков представляет собой часть носка обуви, по-видимому, ичигов. Он сохранился очень хорошо, длина его 9 см и в поперечнике до 6 см. Края загнуты вниз, отчего верхняя часть получила выпуклую форму. По краям сохранился ряд отверстий, а местами даже остатки грубой, но крепкой шерстяной нитки. Три других крупных куска сохранились сравнительно плохо, имеют неопределенную форму. Края подрезаны аккуратно и плавно закруглены, на них сохранились ряды отверстий, а на одном куске — остатки грубой многожильной нитки. Эти куски скорее всего относились к подошве обуви. Размеры их: 12×5, 11,5×5 и 7,5×4 см.

В 1956 г. остатки обгорелой кожаной обуви, представляющие собой носок ичигов, были найдены в замке на Калаи Кахкака II (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 189, рис. 37). На них сохранился ряд отверстий для пришивания головки к подошве.

Много кожаных изделий включает в себя Мугская коллекция находок (Бентович, 1958, стр. 362, рис. 1, 1, 3, 2, 6). Кожа использована в различных целях: для написания знаменитых согдийских и арабских документов, для обтяжки деревянного щита, деревянного ящичка, крышки плетеной корзины. Представлен целый кожаный сапог, повторяющий в точности форму современных «муков» (ичигов) и отдельные куски необработанной кожи. Для письма использовали белую кожу, для обуви — чёрную, для подошв — желтоватую сыромятную, для обтяжки предметов — разноцветную. Все это показывает, насколько хорошо местное население было знакомо с процессом и способами обработки кожи.

В Чильхуджре найдено еще два маленьких куска не совсем обычной кожи. Они до того тонки, что составляют в толщину менее 0,2 мм. Один из них (6,5×1,5 см) имеет один ряд отверстий близко к краю, а другой, напоминающий по своей форме треугольник, — ряд отверстий близко к одному краю, двойной ряд отверстий посередине, параллельно первому ряду, и еще один ряд отверстий по другому краю,

под углом к другим рядам. Между параллельными рядами наблюдаются складки, одна внутрь, другая наружу. В отверстиях сохранились остатки белой нити. Возможно, при помощи этого тройного складывания край кожаного изделия был утолщен втрой.

Остатки злаков и фруктов. Очевидно, в Уструшане раннего средневековья были очень распространены зерновые, садовые и бахчевые культуры. Об этом свидетельствуют находки остатков злаков и косточки разнообразных фруктов. В ряде помещений в большом количестве были обнаружены обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя, проса. В помещениях западной группы и центрального ядра в очень большом количестве встречалась шелуха проса. Остатки таких же злаков несколько раньше были отмечены (также в обуглившемся виде) в соседнем Уртакургане (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 27). Зёрана пшеницы, ячменя, проса и даже риса зафиксированы в другом уструшанском памятнике — Мунчактепе (Гайдукевич, 1947, стр. 107).

Известно, что полеводство наряду со скотоводством было главной отраслью сельского хозяйства области. Зерно возделывалось во всех горных рустаках, включая столичный. Пашни были настолько плодородны, что излишки зерна вывозились и в другие области, главным образом в Фергану и Ходжент (Негматов, 1957, стр. 89).

Пожалуй самой многочисленной была скорлупа грецких орехов (рис. 43, 1). Она в большом количестве встречалась и во всех периферийных помещениях, в парадусе и в купольном помещении второго этажа. Ею были заполнены некоторые гнезда от балок в помещениях южной и западной афинлад. Но особенно много ее было в помещениях № 18 и 19 центрального ядра.

Скорлупа орехов в большом количестве была найдена в синхронном Чильхуджре памятнике — замке Актепа близ Ташкента (Тереножкин, 1948, стр. 78); в Балалыкте (Альбаум, 1960, стр. 101), в замке на горе Муг (Бентович, 1958, стр. 370, рис. 4), на Калаи Муг в бассейне Магиандары (Ставиский, 1959, стр. 72).

В довольно большом количестве встречены в Чильхуджре косточки персиков, урюка, сливы, фисташек (рис. 43, 2, 3, 5, 6). Кроме того, найдена шелуха барбариса (рис. 43, 3). Барбарисовые деревья и в наши дни изобилуют в ущельях гор Туркестанского хребта, южнее Чильхуджры.

Кости. Находки такого рода весьма обильны. Это еще раз подтверждает вывод о том, что скотоводство и полеводство были главными отраслями сельского хозяйства Уструшаны (Негматов, 1957, стр. 89). Кости встречались во всех частях здания, но особенно много их было в помещении № 6 юж-

ной архитектуре под закладками и в гнездах от балок и в помещении № 20 центрального ядра, над и под слоем на-ваза. Встречались в основном кости мелкого домашнего скота, а кости крупного рогатого скота встречены довольно редко, что можно проследить по следующим данным:

Скот	Череп-на	Че- люст- и патки	Ло- патки	Рёбра	Поз- иционки	Бедреи. кости	Рога	Прочие кости
Крупный ро- гатый	1	2	1	38	11	8	1	3
Мелкий	19	42	33	485	253	154	1	97
Всего...	20	41	34	524	269	162	2	100

Судя по этим иенным другим уструшанских памятникам, местное население больше разводило мелкий скот, чем крупный.¹

Кроме всего этого, под полом помещения № 15 был обнаружен полный скелет собаки. Для определения породы панами были взяты три зуба — один клык и два резца. Оказалось, что эти зубы принадлежат взрослой домашней собаке средней величины породы *Canis domesticus*.

Почему же собака была погребена в помещении? Видимо, решение этого вопроса кроется в священности собак у зороастрейцев. В обязанности этих священных животных входило очищение костей умерших людей от мяса, после чего очищенные кости собирались в оссуарии и потреблялись (Иностранцев, 1909, стр. 114).

На Тали Барзу была найдена челюсть собаки на блюде (Альбаум, 1960, стр. 101). В усадьбе близ Кафыркалы под Самаркандом собачьи челюсти были найдены вместе с черепами людей и фрагментами оссуария (Шишкина, 1961, стр. 205). На Балалыктеpe на одной из суп было найдено 9 собачьих челюстей (Альбаум, 1960, стр. 101, рис. 82). На поселении Хон-Яйлов в Актангинском ущелье также был отмечен случай захоронения собаки под стеной помещения. На Токкале обнаружены не только изображения собак на оссуариях, но и захоронения на некрополе костей собак наряду с останками людей (Гудкова, 1964, стр. 109).

Среди других находок отметим две куриных лапы. Сохранились яичная скорлупа, фрагменты тыквенных сосудов.

¹ Преобладание мелкого рогатого скота в составе стада отмечено и в других раннесредневековых областях, например, в Мерве (см.: Губаев, 1967, стр. 15).

Все перечисленные находки дают нам представление о быте, хозяйстве и занятиях не только обитателей замка Чильхуджа, но и Уструшаны в целом. Главенствующими отраслями хозяйства их, конечно, были земледелие и скотоводство. Об этом свидетельствуют не только находки злаков и костей домашнего скота на Чильхудже, но и подобные находки из других памятников на территории и окрестностях древнего Бунджиката и вообще Уструшаны, а также многочисленные письменные источники. Уструшанцы выращивали пшеницу, ячмень, просо, горох, и другие культуры. В стадах преобладал мелкий рогатый скот. Не последнее место в хозяйстве занимало садоводство и бахчеводство, о которых свидетельствуют косточки различных фруктов. Поражает обилие скорлупы орехов. Кроме культурных, собирались также дикорастущие фрукты и ягоды, изобилующие в окрестных горах по сей день (фисташки, барбарис).

В области было налажено на высоком уровне керамическое производство. Керамическая посуда имела совершенную форму и отличную обработку. Обилие фрагментов хумов различных размеров, предназначенных для хранения сыпучих и жидких веществ, также свидетельствует о достатке их хозяев. Парадная посуда была изящна и тонкой работы.

В Уструшане высокого уровня развития достигли ремесла. О развитии металлургии в этой области свидетельствуют не только находки, но и письменные источники.

В раннесредневековой Уструшане жили искусные мастера по обработке дерева. Ассортимент деревянных изделий был весьма богат. Деревянных дел мастера производили не только предметы быта, но и предметы искусства.

Хорошо было налажено ткачество — производились не только грубые паласы, но и тонкие хлопчатобумажные ткани, а также шерстяная ткань. Уструшанцы были хорошо знакомы и с выделкой кожи, о чем свидетельствуют найденные куски не только черной, но и белой и цветной кожи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

При раскопках Чильхуджры было найдено три дощечки с согдийскими надписями. Два первых документа сохранились плохо — на них просматриваются лишь отдельные буквы (рис. 44, 1, 2). Третий документ (рис. 45) хорошей сохранности, и текст его сохранился полностью. Длина дощечки 21,5 см, ширина 3 см, толщина 0,6—0,7 см. Дощечка, по-видимому, арчовая, приготовленная специально для письма и обструганная по краям. На ней с двух сторон довольно красивым согдийским письмом черной тушью сделана надпись — с одной стороны три строчки, с другой — полторы.

Чильхуджринские документы прочитаны, расшифрованы и переведены В. А. Лившицем, которому мы выражаем свою глубокую признательность. В. А. Лившиц сделал заключение, что документ представляет собой расписку, составленную по определенной форме, характерной для Согда и Уструшаны VII—начала VIII в. В тексте указано лицо, от имени которого составлена расписка, имя второго лица, участвующего в сделке, а также имя писца. Обозначены месяц и день сделки, указано и название селения.

Полный перевод документа выглядит так: (1) «Попросил я, Чийус, на 31 день (начиная) от дня ват (22-й день согдийского месяца) месяца ваганич (8-й месяц согдийского года) (2) ослов. Фарнарч пригнал мне их из (селения) Атрспазмак, (3) (причем) среди них — ни одного плохого (в смысле «больного», «худого» или «негодного»)». На обратной стороне (1) «Написал Гушнаспич (2) по приказу Фарнарча». В конце текста стоит специальный знак, указывающий на окончание расписки. Аналогичный знак известен по мугско-му документу на дереве, также хозяйственному, опубликованному впервые А. А. Фрейманом (1959, стр. 120—134; 1962, стр. 76—82).

Как известно, на территории Уструшаны ни одного полностью сохранившегося согдийского документа до сих пор найдено не было. Можно отметить лишь, что в 1943—1944 гг. Фархадской археологической экспедицией была найдена надпись на четырех фрагментах венчика серебряного сосуда в Мунчактепа в культурном слое V—VI вв. (Гайдукевич, 1947, стр. 106). Наиболее пространная надпись на четвертом фрагменте. Выполнена она согдийским письмом арамейского происхождения, на согдийском языке (Лившиц и др., 1954, стр. 161—163). Интерпретация надписи — вычеканенные цифры: 6 динаров, 6 драхм и согдийское слово, означающее сосуд. Надписи на первых трех фрагментах интерпретации не поддаются.

Исследователи несколько отличают манеру письма из Мунчактепа от согдийской и сближают ее с манерой надписей на бухарских монетах, поэтому называют ее «бухарско-уструшанским вариантом» согдийского письма. Анализ этой надписи привел исследователей к заключению о прочном сохранении древних традиций. «Следует считать, что в Бухарском оазисе (возможно, и в Уструшане) существовал в V—VI вв. особый тип согдийской письменности, лучше сохранивший особенности письма на арамейской основе в его парфянском варианте, в то время как в Самаркандском Согде развитие письменности прошло другим путем» (Лившиц и др., 1954, стр. 163). По мнению В. А. Лившица, буквы нашей надписи несколько отличаются от письма Самаркандского Согда. Почерк очень близок почеркам хозяйственных документов с горы Муг.

Несколько слов о языке древних уструшанцев. Н. Н. Негматов (1957, стр. 63) приводит в своей книге интереснейший в отношении разбираемого вопроса отрывок из судебного процесса уструшанца Хайдара (ал-Афшина), подробно описанного ат-Табари. «Один из свидетелей обвинения, Марзубан, сын Туркаша, на суде спрашивает: «...Как пишут тебе люди твоей страны?» (Хайдар) ответил: «Подобно тому, как они обычно писали моему отцу и деду». (Марзубан) спросил: «А скажи?» (Хайдар) ответил: «Не скажу!» Тогда сказал Марзубан: «Не писали ли тебе они (жители Уструшаны. — Н. Н.) так-то и так-то по-уструшански?» Он ответил: «Да». (Марзубан) сказал: «Не означает ли их значение по-арабски «К богу богов от раба его такого-то сына такого-то?» (Хайдар) ответил: «Да».

Легко заметить, говорит В. А. Лившиц, что, именуя свой язык «уструшанским», Хайдар в этом рассказе приводит формулу обращения, характерную для Самаркандского Согда, где при адресовании обычно употребляли слово «ваг», первоначально значившее «бог», а позднее приобретшее значение

«господин» и ставшее самым обычным обращением к любому высокопоставленному лицу. Арабская администрация, как показывают документы с горы Муг, была хорошо осведомлена об этой формуле обращения, поскольку известно о согдийцах-писцах, работавших в канцеляриях арабского наместника в Мерве, и о существовавшей практике быстрого устного перевода с согдийского на арабский (и обратно) и практики писания согдийских писем, диктовавшихся по-арабски. Одно такое письмо сохранилось в архиве с горы Муг.

Поэтому обвинение Хайдара в том, что, обращаясь к нему, уструшанцы именовали его «богом» (тяжелейший грех с точки зрения догм ислама), было явной фальсификацией — судьи прекрасно знали о действительном значении слова «ваг» и его широком употреблении при вежливом обращении (Лившиц, 1962, стр. 81).

Основываясь на описании судебного процесса над Хайдаром, Н. Н. Негматов делает такой вывод: «Приведенный отрывок ат-Табари показывает, во-первых, существование отдельного уструшанского языка, во-вторых, близость этого языка с согдийским, ибо один из согдийских дехкан, обвинитель Марзубан, будучи сам согдийцем, понимал по-уструшански. Как известует из отрывка ат-Табари, он сначала привел формулу обращения к афшинам по-уструшански, а затем перевел ее на арабский язык: «К богу богов от раба его такого-то, сына такого-то», и, в-третьих, будучи близким к согдийскому языку, уструшанский язык в то же время отличался от первого, ибо Марзубан называет этот язык именно уструшанским, а не согдийским» (Негматов, 1957, стр. 63).

Иbn Хаукаль также сообщает о существовании уструшанского языка: «И самый большой город ее назывался на языке (диалекте) Уструшаны Бунджикас». (Цит. по: Негматов, 1957, стр. 63).

Документы из Чильхуджры очень важны и с точки зрения изучения уструшанской ономастики и религиозных представлений, отражающихся в именах собственных. Весьма важно, в частности, имя Гушнаспич, впервые засвидетельствованное в согдийском языке и указывающее на связи с сасанидским Ираном. По словам В. А. Лившица, это характерное зороастрийское имя, известное в форме Гуштасп по среднеперсидским (пехлевийским) памятникам. Оно также было отмечено в документах из мервского Акдепа в форме Гушнасп и Ишнагушнасп (*уšngwšnsp*) (Губаев, 1967, стр. 9).

В отношении такого имени интересно сообщение П. С. Скварского, который, говоря о постройке укрепленного пункта Вагат, пишет: «Последний, по преданию, построен и заселен потомками царя Каштасиба (может быть, это и

есть имя персидского царя Дария Гистаспа или Гуштаспа, а в арабском произношении Каштасиб).

Вагатцев и теперь обзывают именно «каштасибцами» (Скварский, 1896, стр. 44). Это тем более интересно, что такая форма этого имени сохранилась до сих пор в народных преданиях на территории собственно Уструшаны.

А. Ю. Якубовский отмечает: «Известно, что в долинах Зарафшана, Кашка-Дары и в Уструшане говорили до IX—X вв. на согдийском языке и его диалектах» (Якубовский, 1950, стр. 9). А. М. Мандельштам пишет по этому поводу: «Согдийцы составляли основную массу населения центральной части Среднеазиатского междуречья — долины Зарафшана, Кашкадаргинского оазиса и, по всей вероятности, также Осрушаны» (Мандельштам, 1954, стр. 59).

Для изучения языка и решения вопроса об этнической принадлежности древних уструшанцев исключительный интерес представляет язык я gnобцев, весьма близкий к согдийскому. Я gnобцы сохранились в долине р. Я gnоб, левого притока Зеравшана, «численностью свыше 3 тыс. чел., из которых около 2,5 тыс. говорят на родном языке, относящемся к восточноиранской группе». («Народы Средней Азии и Казахстана», 1962, стр. 530). Эта территория входила в раннем средневековье в состав Уструшаны (Негматов, 1953, стр. 239). А. А. Фрейман считает, что язык населения долины р. Я gnоб является одним из диалектов согдийского языка (Фрейман, 1952, стр. 184).

С. И. Климчицкий установил сферу распространения языка я gnобцев к концу 30-х годов в долине р. Я gnоб от селения Мархтумайн до селения Дех и Балянда включительно: «На северном склоне Туркестанского хребта отмечены я gnобские селения: Калача, Каджравут, Пушт, Ахта-Хона и Новобод. Жители этих селений называют себя уаупові. Я gnобцами же их считают и жители других кишлаков Дальянского сельсовета, а также сами я gnобцы долины р. Я gnоб, поддерживающие с этими селениями связь... Население отмеченных кишлаков уже утратило я gnобскую речь, заменив ее таджикской». (Климчицкий, 1940, стр. 137).

В языке я gnобцев обнаруживается большое родство с согдийским. Также в современном таджикском говоре жителей бывшего Матчинского района можно обнаружить много элементов согдийского языка. А. Л. Хромов, изучивший говоры вышеупомянутого района, пишет: «В лексике характерной чертой всех матчинских говоров является наличие относительно большого числа диалектных слов восточноиранского (преимущественно согдийского) происхождения» (Хромов, 1962, стр. 87).

Интересно также отметить выявление названия разрушенного селения *suýdú* — ныне летнего стойбища. «В этом названии, как и в названии селения *suýd* около Самарканда, сохранилось название древней Согдианы, что еще более выявляет исторические связи и отношение я gnобцев к согдийцам» (Климчицкий, 1940, стр. 138).

Как считает В. А. Лившиц, в языке разбираемого документа много общего с языком Самаркандского Согда с одной стороны и с я gnобским — с другой. Это, очевидно, может быть еще одним доказательством того тезиса, что в Уструшане существовал один из диалектов согдийского языка.

Чильхуджринский документ имеет также значительное историко-культурное значение. Эта находка позволяет, на наш взгляд, судить о широком распространении грамотности. Одно то, что для письма использовался такой дешевый материал, как дерево, может говорить в пользу этой мысли. Об этом свидетельствует также наличие развитой системы письма и его локальных особенностей для отдельных районов (Лившиц и др., 1954, стр. 163).

Суммируя все вышеизложенные факты, можно сделать следующие выводы:

Письмо и язык документа — согдийские. Документ в основном не отличается от согдийских хозяйственных документов Мугской коллекции, представляющих типы документов канцелярий Самаркандского Согда. Почерк очень близок к почеркам хозяйственных документов с горы Муг, лишь язык и стиль несколько отличаются от мугских текстов.

Очень любопытны собственные имена и название селения. Формула документа — расписка, также имеющая параллели в мугском собрании. Как обычно в расписках такого рода приводится имя писца (это писец-профессионал) и указание на то, по чьему приказу документ составлен.

Наконец, документы из Чильхуджры показывают, что в VII—VIII вв. в Уструшане был распространен один из согдийских диалектов, отличавшийся, вероятно, от согдийского диалекта Самарканда и нашедший свое продолжение в современном я gnобском языке. Однако, как говорит В. А. Лившиц, в письменности и делопроизводстве Уструшаны применялся тот же язык, что и в самом Согда, — согдийский письменный язык, основанный на самаркандском диалекте. Это полностью доказывается документами из Чильхуджры. В то же время эти документы свидетельствуют о некоторых местных особенностях канцелярского делопроизводства Уструшаны — тексты на дереве сходны по типу с расписками из мугского собрания и отличаются некоторыми деталями оформления юридического акта.

В надписи из Мунчактепа представлен другой вариант согдийского письма, сходный с письмом Бухары, где ранние (до VI—VII вв.) памятники писаны особой разновидностью согдийского письма, но где в VII — начале VIII в. в деловых документах (неопубликованные пока материалы Варахши) выступает письмо, сходное с самаркандским деловым курсивным письмом этого же времени.

Таким образом, находки согдийских документов из Чильхуджры полностью подтверждают ранее сделанные учеными выводы о том, что древнейшее население на территории Уструшаны состояло в основном из согдийских племен, родственных населению Зеравшанской долины. В результате слияния древнеуструшанских согдийских племен в I тысячелетии н. э. сложилось относительно единое уструшанское население; один из родовых или племенных говоров древнеуструшанских согдийских племен послужил основой уструшанского диалекта согдийского языка. Вместе с тем уструшанское население, несмотря на родство с согдийцами Зеравшана, несомненно, имело и некоторые различия в нравах, быту, культуре и языке (диалекте). (Негматов, 1956а, стр. 38).

Все согдийские письменные памятники, найденные в Чильхуджре, по археологическим и палеографическим данным могут быть датированы второй половиной VII или началом VIII в.

СТЕННАЯ РОСПИСЬ

На Чильхуджре были обнаружены следы стенной росписи. Они сохранились на западной стене Большого и на западной и северной стенах Малого залов. После вскрытия, к сожалению, оказалось, что на западных стенах обоих залов роспись уничтожена полностью: в Большом зале — пожаром, в Малом — сыростью. От росписи остались лишь пятна красок красного, белого и серого цветов. На северной же стене Малого зала состояние росписи немного лучше, но и здесь от нее сохранились лишь отдельные участки (рис. 46).

Прежде всего нужно отметить, что стена эта имеет шесть слоев глиняной обмазки: пять под росписью, а шестой поверх росписи. Первый слой довольно грубый, последующие обработаны тщательнее, а пятый слой, на который нанесена роспись, обработан особо гладко. Шестой слой обмазки поверх росписи, возможно, говорит о том, что роспись пришла в негодность еще при жизни замка и владетели его, вероятно, не имея возможности восстановить или подремонтировать роспись, сочли за лучшее закрыть ее слоем обмазки.

Возможен и другой вариант. Быть может, слой обмазки поверх росписи был нанесен после арабского нашествия, когда появился запрет на изображение живых существ как средство борьбы с идолопоклонством (Большаков, 1965, стр. 9).

Роспись нанесена на белый грунт. Центром композиции является сравнительно неплохо сохранившийся фрагмент, изображающий человеческое лицо. Овал лица несколько округлен, контур прорисован тонкой линией золотистой охры, наиболее четко подчеркивающей мягкий округлый подбородок. Большие миндалевидные полуприкрытые глаза выделяются на бледно-желтом фоне лица более светлым пятном. Прорисовка их выполнена тонкой киноварной линией. Тем же цветом подчеркивается линия губ, прорисовываются подвески на мочках ушей. Небольшие пятна киновари позволяют определить почти несохранившуюся линию носа. Штрих светлой охры, идущий от мочки уха с правой стороны лица, мягко переходит в линию шеи. Шея почти вплотную у подбородка прописана розоватыми тонами (белила, киноварь, охра золотистая). Тонкие линии киноварной прорисовки переплетаются в небольшие колечки и опускаются вниз веерообразным язычком. Заполнение этого язычка отличается богатой полихромией: это идущие одна возле другой линии киновари, охры золотистой, белил темно-оранжевого цвета и ультрамарина. Голова увенчана непонятной формы головным убором, опускающимся к переносице мягко очерченным треугольником. Контуры треугольника темно-оранжевого цвета.

О прочих анатомических частях вследствие плохой сохранности росписи судить чрезвычайно трудно, хотя наличие их несомненно. Последнее обосновывается тем, что цвет лица повторяется во многих близлежащих областях.

Несколько ниже и правее лица мы встречаем аналогичное цветовое пятно, мягко очерченное полуокружностью, с расположенным по его дуге киноварными кольцами. Несколько выше (4 см) его пересекает поясок, интенсивно высвеченный золотистой охрой, ограниченный с обеих сторон киноварным штрихом. Весь промежуток между лицом и этим пятном заполнен золотистой охрой.

Под изображением лица хаотически разбросаны фрагменты самых различных цветов: светло-оранжевый, охра золотистая и светло-желтая (белила с охрой золотистой). Многочисленные пересекающиеся киноварные линии столь фрагментарны, что не позволяют делать какие-либо выводы. Справа от центральной фигуры ничего не сохранилось.

Судя по очень низкому расположению лица, человек, изображенный здесь, не сидел и не стоял, а полулежал,

облокотясь на поднятую руку, которую изображает то самое цветовое пятно, аналогичное цвету лица, расположенное несколько ниже и правее него. А поясок, пересекающий это пятно, по-видимому, изображает браслет.

Левую часть сохранившихся фрагментов отделяет от центрального ядра поле вывалившейся штукатурки шириной в 25 см. В левой части росписи вверху, на уровне головного убора центральной фигуры, изображена большая скачущая лошадь серого цвета с крупными темно-синими яблоками. Спина лошади украшена богато орнаментированной попоной. О наличии орнамента можно судить по богатому цветовому решению этого фрагмента: здесь наблюдаются краски темно-оранжевая, охра золотистая, светло-оранжевая и светло-желтая. Но, к сожалению, прорисовка орнамента не сохранилась. Контур лошади прорисован той же киноварью. Движению лошади, направленному в центр композиции, противостоит тяжелый круп белой лошади. В этом фрагменте сохранилась изящно изогнутая шея и нижняя часть головы. Правее в светло-оранжевых штрихах угадываются форма седла и странной формы подсумок.

Ниже этого пояса — фрагмент, на котором изображены конечности какого-то парнокопытного животного. Контуры его прорисованы тем же киноварным штрихом. Конечности выделяются на светло-желтом фоне вследствие повышенной светлости того же тона.

Третий пояс отличается от первых двух интенсивным светло-оранжевым тоном. В киноварных контурах, отделяющих это цветовое пятно от верхнего пояса, угадываются контуры двух, выдвинутых одна из-за другой, лошадей. Левое дальнее изображение лошади отделено от ближнего светло-желтым пятном, обрисованным киноварным штрихом (возможно, седло). На спине ближнего к нам изображения угадывается нижняя часть фигуры всадника. Фрагмент этот двухцветный: верхняя часть светло-желтая, поверхность ее украшена красными горошками; нижняя — темно-синяя (ультрамарин).

Впереди и несколько ниже описанного изображения — медальон светло-желтого цвета, обведенный киноварью с контурным латинским крестом; фрагмент такого же медальона читается в самом низу центральной части росписи.

Нижняя часть росписи на высоту 38 см от суфы была занята большим орнаментальным фризом, членившимся на три пояса. На первый и последний пояса вместе приходится 6 см. Орнамент этих двух поясов представляет собой ритмично расставленные перлы. Их светло-желтое заполнение контрастирует с темно-синим фоном. Сохранность среднего фриза столь плоха, что можно отметить лишь наличие

волютообразных завитков, изображающих сильно стилизованный побег, и присутствие тех же основных цветов, которые характерны для верхней части росписи.

Общее колористическое решение росписи отличается повышенной теплотой, что сказывается в преобладании горячих тонов. Характерно, что синие тона наиболее широко встречаются в орнаментальном фризе. Контраст синего с темно-оранжевым делает этот фриз очень емким и сдержаным в своем цветовом решении и придает ему определенную тектоническую выразительность как поддерживающей части в общей композиции росписи.

К сожалению, очень плохая сохранность росписи не дает возможности говорить о ее сюжете в целом. Но тем не менее по сохранившимся фрагментам можно судить о долго вырабатывавшейся традиции и мастерстве художника. Он водил своей кистью уверенно, со знанием дела. Художник старается передать цвет предметов возможно ближе к естественной их расцветке. Это говорит о больших возможностях уструшанских художников и о их тонком чувстве цвета.

Очень часто картины на древних памятниках строятся вокруг центральной фигуры или предмета, который призван сюжетно определить всю композицию. Эта центральная фигура или предмет обычно дается в большем масштабе. Остальные, второстепенные, фигуры или предметы располагаются симметричными группами или рядами по сторонам. Картины с таким построением встречены в памятниках искусства «гандахарского» или «кушанского» круга, а также в религиозных и нерелигиозных сюжетах Центральной и Средней Азии, например в Пенджикенте, Варахше, Хорезме, Балалыкте и др.

Аналогичная композиция и в чильхуджринской росписи, где центральной фигурой является изображение человека, остальные сохранившиеся и несохранившиеся фигуры, данные в более мелком масштабе, — второстепенные. Но в то же время масштабы второстепенных фигур не одинаковы: остатки фигур двух верхних лошадей, желтой и серой с синим яблоками мастей, более крупные, нежели остатки фигуры парнокопытного и двух лошадей оранжевой масти вместе со всадником, расположенные несколько ниже.

Фигуры лошадей интересны еще тем, что они дают хотя и не прямой, но косвенный намек на истолкование сюжета росписи. Одним из излюбленных и распространенных в средневековом искусстве сюжетов является «тема победоносного всадника, воина или охотника, мчащегося на распластанном в позе «летящего галопа» коне» (Пугаченкова, 1965, стр. 7). Но о «победоносном всаднике», который должен

был сидеть на этом коне, мы не имеем возможности судить, так как от него никаких следов на росписи не сохранилось.

Наиболее распространенным является мотив «перлов» — ритмично повторяющихся рядов кружочков на каком-нибудь одноцветном фоне.

Мотив волютообразных завитков в бордюре росписи также весьма распространен и встречается в Средней Азии повсеместно — в Варахше, Пенджикенте, уструшанских памятниках и т. д. Наиболее близки к нашему бордюру полоса живописного орнамента на северном крыле входной галереи пенджикентского храма II (Воронина, 1959а, стр. 91, рис. 1, а) и рисунок фриза под сводом на восточной стене помещения 26 объекта VI (Воронина, 1959а, стр. 94, рис. 4, в). На панели айвана храма II прорисовка стилизованных побегов полностью совпадает с нашим бордюром. Точно повторяются расположенные местами полукруглые парные выросты наподобие почек. Кроме того, в обоих случаях почти полностью совпадают цвета примененных красок (Воронина, 1959а, табл. XXVI, в) — красной и желтой. Разница лишь в том, что у нас применяется не серый фон, а черный и кое-где использован ультрамарин.

Форма лица на нашей росписи отличается чистотой и реалистичностью исполнения и наиболее живо перекликается с пенджикентскими лицами. От формы лиц на росписях Балалыктепа она отличается тем, что балалыктеинские лица более округлены и, как нам кажется, более схематичны, особенно это чувствуется в передаче формы глаз. Пенджикентские лица отличаются от формы лица нашей росписи большей удлиненностью (мужские лица) и большей полнотой щек (женские лица). Нежность линий, передача всего характера лица, наличие атрибутов украшения говорят о том, что на нашей росписи изображено женское лицо.

Таким образом, все вышеперечисленные общие черты и отличия между нашим и другими среднеазиатскими памятниками изобразительного искусства эпохи становления феодализма, особенно ее близость к пенджикентским, еще раз подтверждают тот факт, что Уструшана играла далеко не последнюю роль в культурной жизни всей средневековой Средней Азии. Это подтверждается немалочисленными случаями находок остатков в последнее время первоклассной росписи на уструшанских памятниках.

РЕЗНОЕ ДЕРЕВО

Под полом Большого зала второго этажа Чильхуджры был обнаружен вкопанный хум крупных размеров. Его венчик располагался примерно на 20 см ниже уровня пола зала,

а сам он залегал в гравийной засыпке помещения № 19 центрального ядра первого этажа. На хуме видны следы воздействия сильного огня; сам хум деформирован, по-видимому, еще во время обжига. При очистке в нем были обнаружены куски обуглившегося дерева со следами резьбы. При детальном осмотре оказалось, что среди них имеются обломки двух скульптурных голов, а при камеральной обработке из других фрагментов более мелкого размера была частично собрана третья голова. Кроме того, имеется еще несколько мелких фрагментов со следами резьбы. При разборе закладки проема из Малого зала в Большой была обнаружена часть дверной коробки, которая имеет резьбу в виде ромбической насечки. Этот фрагмент не пострадал от огня, но зато, пролежав тысячу с лишним лет под землей, сгнил.¹ Все три головы вырезаны почти в натуральную величину, несколько отличаются между собой размерами.

Первая голова (рис. 47, 1, 2), сохранившаяся лучше других, имеет длину 18 см, сечение в верхней части (где изображены волосы) 12 см, на уровне бровей 10 и на уровне губ 8,5 см. Ниже, на уровне подбородка, обуглившиеся кусочки выпали. Высота изображения от затылка до кончика носа 9,7 см. Фрагмент изображает мужскую голову с довольно худощавым лицом. Очень хорошо, до мельчайших деталей, переданы миндалевидные глаза: различаются не только яблоки, но и ясно просматриваются зрачки. Прямой небольшой нос также вырезан искусно и сохранился неплохо, выпали лишь мелкие кусочки с его кончика и переносицы. Ниже просматриваются слегка поджатые губы, нижняя — слегка вытянута вперед. Нижняя часть — подбородок — утрачена. Выразительно переданы брови с сильно выступающими надбровными дугами: они расходятся от центра по сторонам, слегка поднятых вверх.

Лоб изображен не очень высоким, но и не слишком низким. На него небольшими прядями опускаются короткие волосы. Пряди эти в центре, прямо над носом, образуют своего рода легкий пробор и уложены в стороны. Выше пряди перехватывает фрагментарно сохранившаяся лента — по-видимому, часть диадемы, так как срез верхней части головы (макушка) возвышается над ней лишь на 2—2,5 см и там ничего изображено не было. Выступающие из-под ленты пряди волос в центре короче (2 см), а по бокам спускаются чуть ниже (до 3 см). Макушка головы имеет небольшой скос, ее правая от смотрящего сторона значительно выше, чем левая.

¹ Полевая обработка резного дерева из Чильхуджры произведена У. П. Пулатовым, Е. Д. Салтовской, камеральная обработка — Л. П. Новиковой, У. П. Пулатовым.

Весьма интересна тыльная сторона головы. Здесь по центру сверху вниз идет неширокий выступ. Книзу его высота постепенно уменьшается, и на уровне чуть ниже губ он сходит на нет. Боковые срезы полосы продолжаются не на всю высоту головы; примерно в 4 см от макушки они переходят в горизонтальные срезы, и вся выступающая часть принимает форму буквы Т (рис. 47, 3). В своей верхней части выступ имеет ширину 3,5 см, а внизу сужается до 2,3 см. Боковые срезы сделаны не прямо вертикально по отношению поверхности заднего фаса головы, а несколько западают внутрь. Таким образом, напрашивается вывод, что голова первоначально вырезалась и отделялась отдельно и только потом прикреплялась к какому-то предмету (возможно, к колонне) при помощи вышеописанного Т-образного выступа. Этот выступ вставлялся в предварительно приготовленный паз на том предмете, на который накладывалась голова, причем склоненные внутрь боковые срезы не давали голове возможности выпадать вперед, а горизонтальные срезы в верхней части создавали вертикальную опору и не давали голове войти в паз ниже положенного уровня.

Вторая голова (рис. 48, 1, 2) сохранилась намного хуже первой. Она несколько крупнее. Длина от макушки до подбородка 22,5 см, ширина на уровне волос 15 см, на уровне глаз 12 и на уровне губ 11 см; дальше идет скругление и переход к подбородку. При выемке из хума голова распалась на две неравные части. Линия раскола проходит правее носа, по правому глазу и правой щеке. Сперва была извлечена левая, более крупная часть, затем — правая. На левой утрачена часть подбородка. Лицо этой головы пострадало сильно — выпало много мелких деталей. Например, отсутствует нижняя часть носа, хотя ее границы угадываются без труда; выпали кусочки, изображающие глаза, но и их место можно установить; губы также сохранились фрагментарно — лучше выглядит нижняя губа, довольно пухлая и слегка вытянутая вперед, от верхней осталась лишь небольшая выпуклость. Брови хотя и переданы очень ощутимыми штрихами, но менее выразительны, чем у первой головы.

Отлично сохранились волосы, если не считать, что с левой стороны часть их утрачена. И здесь волосы изображены небольшими прядями, но слегка волнисты и значительно длиннее. Длина их в центральной части лба 2 см, на правом виске достигает 4 см. С центральной части они расходятся по сторонам, и на лбу создается своеобразный пробор в виде резкого правильного треугольника. В центре угол отклонения прядей составляет около 45° , но по мере отхода к боковой стороне постепенно уменьшается.

Пряди выступают из-под какого-то головного убора или короны. Сохранилась часть его в виде двойного ряда небольших прямоугольных выступов, имеющих форму усеченного конуса. Над этим рядом верхние слои угольков выпали и нет возможности ничего установить. Лишь на 2 см выше выступов заметно, что здесь был какой-то перехват то ли волос, то ли головного убора, то ли короны. Скорее всего, это была корона, так как головной убор едва ли имел бы такие двухрядные чешуйчатые выступы (по-видимому, металлические). Наличие ленты или диадемы также не похоже на истину, так как до макушки остается еще широкая полоса. Если от бровей до подбородка 12 см, то от бровей до макушки всего на 2 см меньше, т. е. 10 см. А корни волос (в самом углу пробора) начинаются в 5 см от бровей, что также говорит и о том, что лоб был довольно высокий.

Голова была довольно крупной, щеки полные. Задний фас головы от огня пострадал мало, вследствие чего довольно значительно поддался гниению и здесь образовалось большое углубление.

Третья голова самой худшей сохранности (рис. 49, 1, 2). Ее высота 21 см, ширина на уровне бровей 9,5 см, на уровне предполагаемых губ 8 см. Собрана из нескольких более мелких кусочков обуглившегося дерева. В результате выявлено лишь общее очертание головы. Отлично сохранилась лишь одна бровь, вырезанная так же выразительно, как и в первой голове. Остальные детали лица, к сожалению, утеряны. Если на двух первых головах верхний срез более или менее ровный, то на описываемой голове срез резко скошен вниз, что, по-видимому, дает какое-то основание говорить о наличии здесь некогда изображения диадемы или головного убора с высокой передней частью. Кое-какие остатки Т-образного выступа на заднем фасе, как у первой головы, наблюдаются и здесь.

Помимо описанных голов, найдено еще несколько фрагментов со следами резьбы.

1. Фрагмент размером 11×8 см при высоте 5 см. Форма отдаленно напоминает треугольник. На нем сохранилась резьба в виде чешуй (рис. 50).

2. Довольно крупный фрагмент размером 17×12,1 см при толщине 4 см. Верхний и нижний концы носят на себе следы облома, причем они обломаны не до горения, а после. Боковые поверхности несколько овальны. По всему видно, что этот фрагмент относится не к скульптуре, а скорее всего представляет собой часть массивной доски, примененной, может быть, в качестве орнаментального фриза. Резьба на нем сохранилась очень плохо. Большая часть верхнего слоя

фрагмента с резьбой утрачена, до нас дошла лишь часть бесформенных фигур резьбы.

3. Довольно-крупный фрагмент длиной 30 см, шириной 7—9,5 см и толщиной 9 см принадлежал дверной коробке в проеме из Малого в Большой зал. Очевидно, коробка относилась ко времени после пожара, так как первый, ранний, порог сгорел, может быть, вместе с коробкой, а дверная коробка, к которой относится описываемый фрагмент, была сооружена позже. Она подгнила, и до нас дошел лишь фрагмент от боковой вертикальной стойки коробки. Стойка почти наполовину была вделана в правую со стороны Малого зала щековую стенку проема. Резьба располагалась на стороне, обращенной к Малому залу, подчеркивая этим парадность входа в Большой зал. С левой стороны плахи расположена гладкая, без какой-либо резьбы вертикальная полоса шириной 2,5 см. Направо от нее сверху вниз — полоса шириной 4 см с резьбой в виде ромбической насечки. Эта часть несколько выдается по сравнению с уровнем полосы, лишенной орнамента. Между двумя полосами, отделяя их одну от другой, проходит линия в виде вертикального желобка, глубиной 0,5 см. Значительная часть ромбовидных чешуек утрачена в результате гниения. По-видимому, такая полоса насечек украшала некогда все не дошедшие до нас части дверной коробки, кроме порога. Об убранстве самой двери, к сожалению, судить мы не можем, хотя вполне вероятно, что и она была украшена резьбой, намного богаче, чем коробка.

4. Большое количество мелких бесформенных фрагментов обуглившегося дерева. Среди них встречаются фрагменты, носящие на себе явные следы резьбы. Например, на фрагменте размером 3×1,7 см сохранилось изображение очень реалистично переданного миндалевидного глаза. Даже переданы ресницы посредством небольших косых насечек по верхнему веку.

На других фрагментах встречаются мотивы нескольких параллельных линий, лента прямоугольных, рельефно выступающих в виде усеченного конуса чешуек и т. д. Но большинство из них не имеет формы и нет возможности выяснить, почему они принадлежат.

Находки обуглившегося резного дерева отмечались в археологии Средней Азии и раньше, и все они относятся к тому же времени, что и наша Чильхуджра, т. е. к VI—VIII вв.

Прежде всего отметим находки остатков резного дерева на территории собственно Уструшаны — в ее столице городе Бунджикате. В 1955 г. при раскопках замка на южной части развалин Бунджиката — Кахкаха II были обнаружены куски обуглившегося дерева с тонкой и искусной резьбой. На одном из фрагментов размером 70×20×12 см была изобра-

жена мужская фигура в рост. Судя по одежде с тонко переданными деталями, мы должны видеть в этой фигуре воина. К сожалению, голова и нижние конечности изображенного утрачены. Хотя фигура вырезана вдоль фрагмента, а не поперек, В. Л. Воронина установила, что фрагмент принадлежал фризу, а не колонне. (Воронина, 1964а, стр. 87, прим. 57). Боковые его поверхности украшены ромбической насечкой и пальметками.

Богатой резьбой украшены и архитектурные детали. В их орнаменте встречаются, в частности, изображения арочек, увитых виноградными лозами, геометрических фигур в виде крестиков, ромбовидных чешуй и т. д. На одной из плах, принадлежащей, по-видимому, подбалочному фризу, изображен мужской торс с отходящими в две стороны завитками — ногами (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 143 и сл., табл. IV, A). Тритон этот утратил голову и грудь. По своей трактовке фигура имеет весьма близкую аналогию, доходящую почти до тождества, в рельефной скульптурной панели айвана второго храма древнего Пенджикента (Беленицкий, 1954а, стр. 44, 45, рис. 9, 2; 1959, стр. 69, табл. XXXI).

Остатки резного дерева найдены также в замке Уртакурган. Здесь встречен лишь один тип художественной резьбы по дереву — архитектурный орнамент. Встречается сочетание характерных Пенджикенту и Шахристанскому замку Калаи Кахкха II пятилепестковых пальметт и ромбовидных «гирлянд», а также пятилепестковые розетки и круглые «перлы». Кроме того, Уртакурган дал и новый материал по древнему искусству Таджикистана. Речь идет об орнаментальном мотиве, образованном прямым стеблем, расположенным по оси балки, и отходящими от него в обе стороны побегами, плавно изогнутыми и заканчивающимися трилистниками. Такую трактовку трилистника — традиционного для среднеазиатского искусства мотива, по мнению исследователей, нужно считать уникальной, нигде больше пока не встреченной (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 44 и сл.).

Отметим находки такого типа на территории шахристана древнего Пенджикента. Здесь обнаружено большое количество обуглившегося дерева с великолепной резьбой, которой украшались детали плоского перекрытия, капители колонн, двери и т. д. Художественная обработка дерева представлена тремя видами: архитектурный орнамент, фигурная рельефная резьба и почти объемная скульптура.¹

На деталях архитектурных конструкций вырезаны геометрические и растительные мотивы в виде ромбических насеч-

¹ Подробно о резном дереве Пенджикента см.: Беленицкий, 1959, стр. 78 и сл., табл. XL, XLI, XLII; Воронина, 1959а, стр. 107 и сл., табл. XLIII, XLVII.

чек, пальметт, кругов, перлов, стилизованных листьев и побегов, особенно часто встречаются изображения виноградных лоз с плодами.

О фигурной рельефной резьбе можно судить хотя бы по одному фрагменту, где изображена сцена борьбы со львом или иным хищником.

Объемная деревянная скульптура представлена в основном пятью человеческими фигурами, выполненными около 3/4 натуральной величины. От одной из этих фигур сохранилась лишь верхняя часть до груди, у двух других отсутствуют ступни ног до щиколоток и некоторые детали обработанной поверхности. Тонко переданы одежда, шнурки с бубенцами на плечах и на груди. Фигуры были по пояс обнажены. Волосы, как и на чильхуджинских головах, были уложены крупными завитками. К сожалению, две человеческие фигуры, найденные в 1961 г. в помещении № 11 объекта VII, еще не опубликованы. В отчете А. М. Беленицкого за 1961 г. они просто названы в числе других находок, сообщается, что одна из фигур представляет собой воина, другая — женщину, что они сильно попорчены (Беленицкий, 1964, стр. 69, рис. 12).

Из резного дерева Чильхуджры один необгоревший фрагмент принадлежит дверной коробке. На нем орнамент в виде косых ромбовидных насечек — гирлянд. Точно такие же гирлянды, но только в сочетании с традиционными пальметтами и виноградными лозами были найдены в помещении № 47 объекта III древнего Пенджикента (Воронина, 1959а, стр. 123, 124, рис. 22, 24). Характерно, что в обоих случаях эти фрагменты принадлежат дверному косяку. Кроме этого фрагмента, в Пенджикенте обнаружено еще несколько архитектурных деталей точно с такими же гирляндами (Воронина, 1959а, рис. 15—19, табл. XLIV, XLV, XLVI, XLVII).

Гирлянды украшали боковые поверхности почти всех архитектурных деталей из замка Калаи Кахкха II в Шахристане и замка Уртакурган, а также глиняную лепнину на стенке-ширме при входе в помещение № 5 того же Уртакургана. Очевидно, гирлянды ромбических насечек были традиционными для искусства резьбы по дереву Северного Таджикистана, а может быть и для всей Средней Азии.

Трудно найти прямые аналогии чильхуджинским головам. На шахристанских рельефных изображениях, головы утрачены. Пенджикентская скульптура хотя и имеет с нашими находками много общего в пластическом решении исполнения, однако аналогией служить не может. Можно отметить в этом отношении две терракотовые головки из Афрасиаба и Самарканда (Пугаченкова, Ремпель, 1965, стр. 160, илл. 150, 153).

Терракотовая головка в венце из Афрасиаба представляя-
ет мужскую голову с бородой, исполненной в насечку, волосы
переданы волнистыми прядями, скрепленными диадемой
и убранными крупной пальметтой. Самаркандская головка
также мужская и изображена в венце. Лицо радостное, с
легкой улыбкой, хотя и немолодое, борода в насечку, брови
слегка вразлет, тонко переданы зрачки глаз. На голове диа-
дема, из-под которой выступают слегка волнистые пряди во-
лос, имеющие с центра лба наклон в две стороны. Над диа-
демой изображен венец с полумесяцем посредине и птичь-
ими крыльями по бокам. Обе головки датированы VI—VII вв.
С нашими находками их роднит одинаковая трактовка во-
лос (особенно на самаркандской головке), выразительность
бровей и глаз. Кроме того, высота верхней части над линией
волос на первых двух головах из Чильхуджры не исключает
того, что, возможно, и на них была изображена диадема
или венец.

Что из себя представляют чильхуджринские головки, каким
целям они служили — чисто декоративно-эстетическим
или, возможно, культовым? Не были ли они идолами и по-
служат ли еще одним подтверждением существования идоло-
лопоклонства на территории древней Уструшаны?

Если обратиться к письменным источникам, мы можем
найти много сведений об этой религии. Вообще вопросу о
домусульманских культурах в Средней Азии посвящено много
работ (см., например: Бартольд, 1963б, стр. 204—221; 1964,
стр. 471; Беленицкий, 1948; 1954б, стр. 25—82; Негматов,
1957, стр. 73—82; Ставиский и др., 1953, стр. 64—98; Ставиский,
1954), в которых показано место каждого из этих
культов в идеологической жизни народов Средней Азии. В ли-
тературе мы находим вполне определенное, не подлежащее
никакому сомнению доказательство существования огнепо-
лонства как одной из ведущих религий. Вспомним сведения
китайской хроники Вей-шу о культе духа Дэси во владении
Цао (Иштихан географических сочинений X в.) (Бичурин,
1950, стр. 275) или сообщение Ал-Хоразми о шаманистах —
служителях идолов (Беленицкий, 1954б, стр. 50). Немалочис-
ленны сведения о превращении храмов огня в храмы идо-
лов (Markwart, 1931, р. 8) и наоборот (Беленицкий, 1954б,
стр. 57, 58). Арабы при завоевании Средней Азии непосред-
ственно столкнулись с храмами интересующего нас культа
в Самарканде (Беленицкий, 1954б, стр. 56), Бухаре, Пай-
кенде (1939, стр. 53, 54), Тавависе («Annales...»,
1879—1901, т. 2, р. 1230) и др. Нелишне также вспомнить о

храме огня и продаже идолов на поляне, на месте мечети Мах в городе Бухаре (نرشخى 1939, стр. 20, 21).

После укрепления власти арабов в Средней Азии многие храмы идолов были превращены в мусульманские мечети (نرشخى 1939, стр. 27). Но тем не менее открытая продажа в Бухаре глиняных статуэток, первоначально служивших идолами, продолжалась вплоть до середины X в. (Бартольд, 1963в, стр. 122). Интересно сообщение о семистах замках купцов, так называемых замках мугов к северо-западу от цитадели Бухары, владелец каждого из которых на дверях своего замка сделал изображение своего идола (نرشخى 1939, стр. 48. О замках мугов см.: Бартольд, 1963б, стр. 214; 1964, стр. 472, 473).

Мы располагаем также многими сведениями о бытовании культа идолов непосредственно на территории Уструшаны. Ал-Белазури сообщает, что военачальник хорасанского наместника Кутайбы Джахм ибн-Захр при повторном завоевании области Буттам, которая входила в состав Уструшанского государства, среди прочей добычи вывез и несколько золотых идолов (Негматов, 1957, стр. 74). В связи с этим весьма интересен рассказ ягнобцев, который приводит Н. Г. Малицкий, о том, что в ущелье Фан-Дары, в Сардаване, некогда находился языческий храм (бутхона). «Над селением Такфон,— сообщает Н. Г. Малицкий,— в одной из крутых скал имеется недоступная пещера, на стенах которой, судя по рассказу ягнобцев, имеются какие-то изображения. И в старину в этой пещере якобы молились идолопоклонники (бутпараст)». Н. Г. Малицкий полагает, что этот храм идолопоклонников можно отнести к буддизму (Малицкий, 1924, стр. 172). Но мы не можем согласиться с таким предположением, так как против этого говорят факты.

Китайский путешественник Сюань Цзан, посетивший Среднюю Азию в 630 г., на всей территории долины Зеравшана, Каракадарынского оазиса и Уструшаны не нашел никаких признаков, намекающих на существование здесь буддизма. Другой путешественник из той же страны Хой Чao, предпринявший путешествие в 726 г., также не нашел следов буддизма на этой территории, кроме буддийского монастыря в Самарканде (Бернштам, 1952б, стр. 193).

Храмы идолов, кроме области Буттам, находились и в других местностях Уструшаны. В 737 г. наследник хуттальского престола Аха Джиш после поражения от хорасанского наместника Асада ибн-Абдаллаха ал-Курайши (735—738) со многими джеканами бежал в Фергану, но вскоре был вынужден уйти из Ферганы в Уструшану. Он привез с собой множество идолов и установил их в Уструшане (Негматов,

1957, стр. 73, 136). Этот факт еще раз подтверждает мнение о бытovanии культа идолов в Уструшане. Иначе едва ли Уструшана сыграла бы роль убежища чуждой для своего народа религии.

Для решения интересующего нас вопроса весьма показателен судебный процесс афшина Хайдара, подробно описанный Ат-Табари («Annales...», 1879—1901, т. 3, р. 1309 и сл.) и приведенный в книге Н. Н. Негматова (1957, стр. 140 и сл.). Афшин Хайдар хотя и принял внешне ислам, тайно почитал религию своих предков зороастризм, оставался необрязан и «не стеснялся наказывать заусердствовавшихся мусульман в их проявлениях религиозной нетерпимости против зороастрийцев» (Крымский, 1914, стр. 159). Он лелеял мечту о восстановлении религии своих предков (Негматов, 1957, стр. 73, 136).

И еще одно сообщение из того же процесса, имеющее для нас очень важное значение. После ареста афшина Хайдара были обысканы два его дворца в столице халифата Самире — один в предместье города ал-Матира и второй — в квартале Вазирийя. В обоих дворцах, кроме прочих вещей, были найдены деревянные идолы, украшенные драгоценными камнями и золотом. Кроме того, во дворце в Вазирийе среди книг афшина была обнаружена «самая священная книга магов, называемая Заравах». Хотя Хайдар и утверждал, что из этой книги он брал только относящееся к нравоучению, а вероучение отвергал, он это делал в целях своей защиты, и для нас важен тот факт, что он берег и ценил зороастрийскую религиозную книгу Заравах и в то же время поклонялся идолам.

В том, что в Согде, Уструшане и других прилегающих районах был распространен зороастризм, сомневаться не приходится. Многочисленные сведения древних авторов, топонимические названия как в древности, так и в настуяющее время подтверждают это.¹ Но «местный среднеазиатский зороастризм во многом отличается от канонизированного зороастризма Ирана» (Негматов, 1957, стр. 77) и эту среднеазиатскую его форму «условно можно назвать маздеизмом» (Мандельштам, 1954, стр. 97).

В свое время В. В. Бартольд, говоря о «замках мугов» в Бухаре и идолах на их дверях, сделал заключение, что идолы были и у мугов. «Остается поэтому спорным, — писал он, — действительно ли упоминаемые в Туркестане «дома идолов» ... принадлежали буддистам и вообще незороастрийцам». (Бартольд, 1963б, стр. 214). О том, что они действи-

¹ Большое количество топонимических названий с термином «муг» на территории Уструшаны приводит Н. Негматов (1957, стр. 76).

тельно не относятся к буддистам (особенно на территории Уструшаны), подтверждают сообщения Сюань Цзана и Хой Чao.

Ат-Табари и Наршахи, говоря о «домах огня» и «домах идолов», отличают эти понятия один от другого. «Муги» на своих дверях вырезали каждый своего идола; одни и те же люди сначала заходят в храм огня, поклоняются огню, затем, выходя из храма огня, покупают идолов и уносят их домой; и, наконец, афшин Уструшаны Хайдар почитает религию Зороастра, хранит у себя священную зороастрскую книгу Заравах и в то же время поклоняется идолам.

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что прав А. М. Мандельштам, который пишет, что одним из отличий среднеазиатской формы зороастризма от канонизированного зороастризма Ирана «являлось сочетание поклонения огню с поклонением идолам» (Мандельштам, 1954, стр. 97).

Таким образом, находки из Чильхуджры дали возможность еще раз вернуться к вопросу о религиозных верованиях народов Средней Азии и Уструшаны в частности и позволяют говорить хотя бы в порядке постановки вопроса, что, возможно, эти головы служили не чисто декоративно-эстетическим целям, а выполняли, по-видимому, и культовую функцию, т. е. служили идолами.

В пользу такой гипотезы, казалось бы, говорит и тот факт, что эти головы после того как обгорели были положены в хум и бережно закопаны. Едва ли прятали бы так тщательно произведение искусства, не имеющее культового назначения. С другой стороны, эти находки являются выдающимися произведениями искусства и еще раз доказывают правоту предположения советских ученых, подтверждаемого историческими сведениями (см.: Негматов, 1956а) о том, что среднеазиатская школа изобразительного и орнаментального искусства «базировалась не исключительно в Пенджикенте, но охватывала центры Уструшаны» (Воронина, 1959а, стр. 138).

ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ

Брактеат. Из предметов украшения прежде всего нужно отметить золотой брактеат (рис. 51), найденный в нижнем надпольном слое прохода из помещения № 2 к пандусу. На этой тонкой круглой пластинке диаметром 17 мм и весом 0,18 г, имитирующей монету, отштамповано одностороннее изображение человеческой головы и надпись. Лицо юношеское, несколько повернуто влево от смотрящего, имеет правильные, четко прорисованные очертания, глаза миндале-

видные, брови дугообразные, несколько приподнятые по краям, лоб широкий, нос прямой. На голове узкая диадема в виде ленты с зубчатыми выступами. Такими же выступами передана шея. По двум краям пластины (слева от шеи до уровня бровей и справа — у шеи ниже локонов) имеется надпись, пока не поддающаяся расшифровке.

Наш брактеат не первый среди подобных находок в Средней Азии. Первый брактеат был найден в 1899 г. в Самарканде; он представляет собой варварское подражание византийским монетам V в. н. э. Аркадия или Феодосия (Веселовский, 1907, стр. 0180). Второй электровый экземпляр был обнаружен в 1939 г. на городище Красная Речка вместе с тюркескими монетами VII—VIII вв. А. Н. Бернштам относит его к первым векам н. э. (1950, стр. 15, табл. L, рис. 3). Два других брактеата обнаружены в 1941 г. на городище Сукулук, снова в Киргизии, и определены как подражания византийским монетам VII в. н. э. (Бернштам, 1950, стр. 146). Еще два брактеата найдены в развалинах городища древнего Пенджикента. Один из них найден в 1950 г. в наусе № 23 некрополя (Якубовский, 1956, стр. 270, рис. на стр. 209; 1953, стр. 14; Ставиский и др., 1953, стр. 74, 84—85, рис. 9). Второй золотой брактеат (диаметр 24 мм) был обнаружен в 1952 г. в тайнике одного из помещений северной ограды второго храма пенджикентского шахристана. А. М. Беленицкий относит его к VI в. н. э. (Беленицкий, 1954а, стр. 46, рис. 11).¹

Специального исследования по брактеатам нет, хотя они уже рассматривались в связи со среднеазиатско-византийскими взаимоотношениями (Массон, 1951, стр. 91 и сл.) и в связи со среднеазиатской похоронной обрядностью (Беленицкий, 1957, стр. 3—9). Учитывая, что брактеаты имеют прямое отношение к монетам (в частности, из шести указанных экземпляров на четырех изображения, безусловно, повторяют вполне определенные монеты, а также, принимая во внимание совместные находки монет и брактеатов в захоронениях, А. М. Беленицкий предполагает, что брактеаты являлись заменой монет в погребальном обряде. Он же одновременно на основе ряда примеров доказывает существование обычая помещать монеты в могилу (иногда в рот покойнику) на территории от Северной Бактрии, через Согд, до Восточного Туркестана.

Несмотря на то, что брактеаты имели монетовидный характер, изготавливались из драгоценного металла, они пи-

¹ Наш брактеат является седьмым в Средней Азии. После него было найдено еще три брактеата — два в Пенджикенте и один в том же Шахристане при раскопках дворца уструшанских афшинов на Калаи Кахкхах I, но они еще не опубликованы.

когда не выполняли прямую функцию монет, т. е. не были рассчитаны на обращение. Допуская их домусульманское ритуальное использование, видимо, не следует сбрасывать со счета и очевидное, на наш взгляд, применение брактеатов в качестве украшений, предметов убранства. Ведь в первую очередь все же брактеаты — это первоклассные ювелирные изделия, явно рассчитанные на создание художественного эффекта. Именно в этом аспекте можно истолковать изготовление специальных жестяных брактеатов, имитирующих настоящие монетки, еще в недавнее время хивинскими узбеками и туркменами (Массон, 1928, стр. 280). В современном Иране украшения и знаки типа брактеатов имеют до сих пор широкое применение.¹ Наш брактеат обнаружен в комплексе, не связанном с местом захоронения. По-видимому, его следует отнести ко времени пенджикентских брактеатов, учитывая его длительное «хождение» по рукам, пока он окончательно не был утерян.

Бусы.² В Чильхуджре было обнаружено несколько бусинок, приготовленных из разного материала и несомненно представляющих в известной мере историко-культурную ценность. Среди них есть коралловые, сердоликовые, лазуритовые и одна стеклянная.

Одна из коралловых бусинок имеет цилиндрическую, по Г. Г. Леммлейну (1950, стр. 160, рис. 52, 1), форму, чуть приплюснута с боков, с незначительным расширением в одну сторону (рис. 52, 4). Цвет бусины бледно-розовый, доходящий местами почти до белого. Диаметр бусины 10—13 мм, длина 15 мм. Бусина просверлена в длину.

Другая бусина из коралла более густого цвета, но с незначительными изъянами в виде мутно-белых пятен, выполнена в виде гранатового плода (рис. 52, 3). Она делится на округлую часть (сам плод) и его зубчатое цветочное завершение. Лепестки цветка переданы небольшими симметричными вырезами. В этой части отверстие окаймлено кружочком в виде ободка. Диаметр круглой части 14 мм, длина всей бусины 19 мм. Бусина просверлена в длину. Хотя коралловые бусы находились повсеместно в раннесредневековых памятниках Средней Азии, но такая форма — в виде плода граната — встречена впервые.

Кроме коралловых бус найдено два куска необработанного коралла. Один из них (КП 542/174, рис. 52, 2), бледно-розовый, представляет собой веточку, конец которой разветвляется, но разветвления обломаны почти у самого корня.

¹ Устное сообщение старшего научного сотрудника Института истории им. А. Дениша АН Таджикской ССР А. Егани.

² Материал, из которого изготовлены бусы, любезно определен Э. В. Сайко.

Длина веточки 35 мм, в сечении 6 мм. Другой кусок, более яркого цвета (КП 542/173, рис. 52, 1), не имеет определенной формы. Здесь одна ветка разделяется на несколько ответвлений, большинство из которых обломаны совсем до корня или с некоторым остатком, а две через некоторое расстояние вновь соединяются. Пространство в месте расхождения имеет форму миндаля. Длина всего куска 57 мм, ширина 34 мм.

Интересной особенностью этого кораллового куска является то, что в середине остатка каждой обломанной ветви просверлено отверстие, но не сквозное. Одно из таких отверстий забито или залито каким-то металлом, судя по мягкости, свинцом. Эта коралловая ветка, очевидно, служила подвеской, так как в ее толстом конце просверлено сквозное отверстие, за которое ее можно было подвешивать. Такая необработанная коралловая ветка, используемая в качестве подвески, была найдена в погребальном здании Бабиш-мулла 2 в низовьях Сырдарьи (Толстов, 1962, стр. 165 и сл., рис. 94).

Найдки коралловых изделий и необработанных кусков коралла, по-видимому, свидетельствуют о торговых связях древних уструшанцев с дальними странами на берегах Индийского океана. Необработанные веточки коралла, возможно, говорят о том, что коралл привозился из дальних стран в виде сырья, и уже местные мастера обрабатывали его на свой вкус и лад по местным ювелирным традициям.

Сердоликовые бусы представлены двумя экземплярами. Один из них очень маленький, эллипсоидальной формы (Леммлейн, 1950, стр. 160, рис. 52, 4), слегка приплюснутый (рис. 52, 6). Диаметр его 5 мм, высота 4 мм. Другой более крупных размеров, шаровидной формы (Леммлейн, 1950, стр. 160, рис. 52, 3), в сечении и в высоту имеет по 8 мм (рис. 52, 5).

Бусы из ляпис-лазури представлены тремя экземплярами. Все они одинаковой уплощенной призматической формы (Леммлейн, 1950, стр. 160, рис. 53, 13) и отличаются лишь размерами. Самая крупная из них отшлифована, прямоугольна и продолговата. Ее длина 15 мм, ширина — 12 мм, толщина — 5 мм (рис. 52, 7). Вторая имеет в длину 12 мм, в ширину 10 мм и в толщину 5 мм (рис. 52, 8). Отличается от первой тем, что отверстие ее просверлено не в длину, а в ширину. Один из углов ее обломан. На обеих бусинах ребра плавно округлены. Последняя из этих трех бусинок (рис. 52, 9) самая маленькая: длина ее 7 мм, ширина 5 мм, толщина 4 мм. Как и вторая бусина, она просверлена не в длину, а в ширину. От первых двух отличается тем, что ребра у нее не округлены и выступают острыми углами. Две по-

следних бусины не отшлифованы. Отверстия в них, видимо, сверлились с двух сторон, так как заметно их сужение в средней части.

Стеклянная бусина (КП 542/172, рис. 52 12) найдена только в одном экземпляре. Она окрашена в не очень густой синий цвет и имеет неправильную шаровидную форму. Край отверстия с одной стороны заметно выступает. Бусина в сечении имеет 9 мм, в высоту — 8 мм.

На нашем памятнике найдено четыре камня-вставки в перстень из разного материала.

В помещении № 16а под вторым полом у порога был найден камень от перстня с надписью (рис. 52, 17). Камень имеет форму усеченной пирамиды с плавно отшлифованными гранями. Одна из длинных сторон его имеет небольшую вдавлину. Длина камня 12,5 мм, ширина 8 мм и высота 4 мм, вес 1,220 г. Нижняя его поверхность заметно вогнута, на ней в зеркальном отражении вырезано словосочетание «Ал-аллах», т. е. «Именем бога».¹

Камень относится к числу драгоценных и определен как рубиновая или благородная шпинель, больше известная на Востоке под названием «бадахшанский ла'л». Он имеет очень чистый густо-красный цвет и, по-видимому, является одним из лучших и самых дорогих видов этого камня.

Благородную шпинель называют бадахшанским ла'лом потому, что считают его происходящим из Бадахшана. Происхождение нашего ла'ла с надписью также следует отнести к Бадахшану, подтверждение тому торговые, культурные и всякие другие связи раннесредневековой Уструшаны с Бадахшаном.

Вставка из розового стекла (рис. 52, 13) имеет округлые очертания, слегка вытянута. Нижняя поверхность плоская, верхняя имеет небольшую выпуклость. Края в некоторых местах обломаны. Диаметр ее 10—12 мм, толщина 2 мм.

Еще одна вставка (рис. 52, 11) сделана из бирюзового цвета щелочного неочищенного стекла с примесью железа, имеет округлые очертания. Верхняя поверхность выпуклая, с боков выпуклой части — три симметричных вдавлины, они размещены так, что ребра между ними создают впечатление трехлопастного пропеллера. Диаметр вставки 12 мм, толщина 3 мм.

Последняя, четвертая вставка (рис. 52, 10), по-видимому, относилась не к перстню, а к какому-то маленькому медальону, так как ее диаметр (14 мм) довольно велик для перст-

¹ Приносим глубокую признательность А. М. Беленицкому, любезно расшифровавшему надпись.

ня; толщина ее 2 мм. Сделана она из бирюзового цвета щелочного неочищенного стекла с примесью железа.

Эти стеклянные вставки свидетельствуют о высоком и тонком мастерстве древних стекловаров, которые уже в ту пору умели придавать стеклу чистые цвета различного оттенка.

Под верхним полом Большого зала был найден серебряный перстень (рис. 52, 15), он немного смят, имеет сравнительно простую форму, очевидно, был приготовлен из цельного куска металла, согнут соответствующим образом и спаян. В момент нахождения спайка была разъединена. Перстень не был украшен никаким драгоценным камнем. Вместо камня имеется плавная выпуклость из самого металла. По бокам выпуклости нанесен орнамент, заключенный в зубчатую рамочку. Орнамент состоит из двух звездочек, разделенных линией. Такие же прямые линии имеются между звездочками и боковыми краями рамочки. Толщина в нижней части ближе к припайке составляет 1 мм, ширина 2 мм, но кверху ободок перстня все утолщается и расширяется, толщина в выпуклой части составляет 3 мм, а ширина 5 мм.

В том же зале был найден бронзовый перстень (рис. 52, 14) со стеклянной вставкой темно-зеленого цвета. Поверхность вставки стерта до шероховатости, что говорит о долгом употреблении перстня. Кольцо перстня изготовлено из бронзовой пластины шириной 5 мм и толщиной 1 мм. Пластина имела два параллельных неглубоких желобка вдоль. После скругления пластинки на место стыка двух ее концов была припаяна головка — оправа для вставки диаметром 12 мм. Оправа имеет понизу выступающий ободок, украшенный мелкой косой насечкой. Стеклянная вставка закреплена в оправе при помощи зажимов, устроенных в виде сплошных мелких и частых пилообразных зубчиков количеством 16 штук. Сам перстень несколько смят с боков, средний диаметр 2 см, что говорит о принадлежности его мужчине.

Бронзовая поделка в виде кольца с припаянным ушком (рис. 52, 16) имеет диаметр 24 мм, сделана из тонкой (менее 1 мм) и узкой (4 мм) лентообразной пластинки, согнута подобающим образом, два ее конца спаяны. В месте спайки концы еще более утончены и наложены друг на друга. Напротив места соединения припаяно ушко с отверстием. Ушко небольшое, выступает от поверхности поделки на 5 мм, сделано из пластинки той же толщины, что и все изделие. По-видимому, это изделие служило серьгой.

Известно, что в Уструшае в раннесредневековую эпоху было очень развито ювелирное дело (Негматов, 1957, стр. 91 и сл.; Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 182 и сл.). Золото, серебро, драгоценные и полудрагоценные камни, в том числе ляпис-лазурь, бирюза происходили из территории самой

области, с гор Ферганской долины (Негматов, 1957, стр. 94, 97). По вполне понятным причинам золотые и другие драгоценные изделия в Чильхуджре не сохранились. Но и оставшиеся ювелирные изделия, порой не очень высокого качества и ценности, свидетельствуют о достижениях уструщанцев в ювелирном деле и в некоторой степени дополняют сведения о развитом ювелирном искусстве местных мастеров в раннесредневековую эпоху.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Найдены музыкальных инструментов на раннесредневековых памятниках Средней Азии — большая редкость. Тем большее значение приобретают фрагменты двух музыкальных инструментов, найденных на Чильхуджре.

Не лишено определенного интереса полое деревянное изделие с отверстиями (рис. 53, 2), найденное в пандусе замка. Изделие сделано из камыша. Длина сохранившейся части 14,5 см. Сохранились два отверстия, видны следы еще четырех. Средний диаметр отверстий 0,5 см, диаметр самого изделия 1 см. По всей вероятности, перед нами музыкальный инструмент — скорее всего свирель (най) с отверстиями-клапанами. Известно, что най имеет 5—6 отверстий и изготавливается чаще всего из дерева или камыша. Камышовый най очень часто употребляется как сольный пастушеский инструмент. Помимо того, он используется и в составе ансамблей. Чильхуджринский най, по-видимому, также инструмент пастуха, но не взрослого, а подростка, так как клапаны расположены слишком близко один от другого (расстояние между ними около 1 см) и пальцы взрослого человека не помещаются на них. Очень близкую по форме, но более «молодую» аналогию нашему наю мы находим в миниатюрах рукописи «Хамсэ» Низами, отнесенных к 1539—1543 гг. (Казиев, 1964, стр. 79, табл. 3, рис. 1).

Исклучительный историко-культурный интерес представляет фрагмент музыкального инструмента (рис. 53, 1), найденный в центральном ядре основного здания замка, датируемом концом IV—VI в. Фрагмент сделан из крепкого дерева (по-видимому, орехового) в виде буквы П с одной длинной стороной, которая носит на себе следы облома. Очевидно, именно эта часть переходила в гриф инструмента. Сам фрагмент, тщательно отшлифованный, представляет собой головку грифа струнного инструмента. Верхний конец его плавно округлен. Ширина верхней части фрагмента 3,5 см, ширина и длина разветвленной части: обломанной 1,3 и 6,8 см, необломанной соответственно 1,7 и 3,8 см. Толщина фрагмента 1,7 см, общая длина 12,7 см. Все углы плавно округлены.

Судя по обломанным остаткам колков (диаметром 0,6 мм), инструмент имел 4 струны. Кроме того, на одном из его боков и на лицевой поверхности вырезаны два одинаковых по очертаниям знака (тамги) в виде перевернутой прописной буквы У, часто встречающихся на монетах как родовой (династийный) знак ихшидов Согда.

Фрагменты музыкальных инструментов, в частности струнных, отмечались в археологических публикациях и раньше. Например, в помещении № 12 Балалыктепа был найден колок и две конусообразные головки грифов. Но эти инструменты примитивнее нашего и имеют всего лишь по одной струне (Альбаум, 1960, стр. 99, 100, рис. 79 и 80).

Какой же музыкальный инструмент представляет собой фрагмент из Чильхуджры? Где до этого встречались четырехструнные инструменты? На фрагменте Айртамского фриза человеческая фигура посредине играет на четырехструнном музыкальном инструменте, который определен как лютня. Инструмент имеет деку приблизительно овальной формы с двумя перехватами. Музыкант играет при помощи плоского пlectора (Массон, 1933, стр. 13, рис. 1, 3). К сожалению, гриф инструмента не сохранился.

Среди многочисленных терракотов из Афрасиаба встречается большое количество изображений музыкантов, в том числе и лютнистов (Вяткин, 1928, стр. 18). Лютни имеют довольно крупные овальной формы коробки и короткие грифы. Количество струн колеблется от трех до пяти, но преобладают четырехструнные лютни. Лютни встречаются на терракотах кушанского времени (II в. до н. э. — IV в. н. э.) (Мешкерис, 1962, стр. 27, 28, 72, табл. IX, рис. 101—105) и эфталитско-туркской эпохи (V—VIII вв. н. э.) (Мешкерис, 1962, стр. 79, табл. XIV, рис. 75—77, 79).

Обратимся также к источникам, в которых описаны музыкальные инструменты. Наш фрагмент не может представлять собой головку грифа гиджака, так как еще в эпоху Низами (XII в.) каманча (гиджак) была примитивным однострунным инструментом и не имела широкого распространения (Касымов, 1949, стр. 51, 52). Лишь в XVI в. она стала четырехструнной (Казиев, 1964, стр. 79, табл. III, рис. 5).

Ал-Фараби описывает музыкальный инструмент под названием уд (руд — лютня), который имел четыре струны и был широко распространен и наиболее употребителен (D'Erlander, 1930, раздел «Лютня»). Общеизвестно и то, что великий Рудаки был непревзойденным мастером в игре на уде (руде). Название и описание уда встречается и позже; уд (al'úd) был широко распространен в странах Ближнего Востока; через Испанию и Сицилию он попал в средневековую Западную Европу. Так, в Испании он назывался

l'audio, в Италии — liuto, во Франции — luth (Sachs, 1913, s. 239).

Игра на уде производилась плектром. Позже, с усовершенствованием инструмента, количество струн на уде доходит до десяти, но во время описания его Ал-Фараби он имел всего четыре струны,¹ как и наш. В XVI в. количество его струн доходит до одиннадцати (Казиев, 1964, стр. 79, табл. III, рис. 3).² В эпоху известного музыковеда Дервиша Али (XVII в.) уд имел даже двенадцать настраиваемых попарно струн. Все они были щелковыми. Каждая из основных шести струн имела свое название (Семенов А., 1946, стр. 18).

Хотя количество струн и увеличивалось, но конструкция инструмента принципиально не менялась. Отсюда мы склонны предположить, что наша находка представляет собой головку грифа именно уда. Тем более, что Низами, сравнивая нежный и мягкий звук уда с журчанием воды, называет этот инструмент (что весьма любопытно) «согдийской птицей» (См.: Касымов, 1949, стр. 50). Это, вероятно, связано с местом возникновения уда. Очевидно, уд происходил из Средней Азии, точнее из Согда, а теперь распространение его и в Уструщане не вызывает сомнений.

Как уже говорилось, на грифе нашего музыкального инструмента изображены два одинаковых знака. Такой знак известен нам в различных вариантах по монетам VII—VIII вв., где он выступает как династийный знак ихтиидов Согда и правителей согдийских периферийных окрестов. Древнейшие из них — монеты с квадратным отверстием, чеканенные в подражание китайским. Эти монеты на лицевой стороне имеют текст из четырех иероглифов — «Кайюань тун бао», т. е. «расходная монета (периода) Кайюань», на обратной стороне — У-образный знак и одно согдийское слово «божественный» (эпитет китайского императора «небесный»). Знак этих монет отличается от нашего лишь тем, что у них оба конца в раздвоенной части имеют загиб наружу. Такие монеты датированы О. И. Смир-

¹ За чудодейственную силу уда восточные ученые уподобляли четыре его струны четырем элементам вселенной: самую верхнюю струну — огню (آتش), вторую — воде (آب), третью — воздуху (آباد) и самую нижнюю — земле (خالن), т. е. пропагандировалась мысль, что музыка в тесной связи с этими четырьмя основными элементами вселенной будто бы предохраняла от крайностей темпераментов (см.: Касымов, 1949, стр. 49).

² Здесь головка грифа уже не прямоугольная, а серповидная.

новой серединой VII в. н. э. (Смирнова, 1963, стр. 61, рис. 13, табл. IV, № 29, табл. XIX, № 29).¹

В Китае монеты с указанной надписью появляются с 621 г. с приходом к власти династии Тан, а двуязычные согдийско-китайские монеты в Средней Азии начали чеканиться не раньше этой даты и не позже конца VII в. (Смирнова, 1939а, стр. 99). Но знак на этих монетах был, по-видимому, местный, и подражание в чеканке монет не распространялось на них.

Если на монетах китайского типа с квадратным отверстием знаки отличаются от нашего загибом раздвоенной части, то на монетах местного типа без квадратного отверстия и иероглифов знаки копируют наш до тождественности. Например, на монете, чеканенной безымянной царицей в Пенджикенте (Панч) в конце VII в., не позже 708 г. (Смирнова, 1963, стр. 97—101, табл. XIII, № 455/120, табл. XIX, № 745), знак полностью, до мельчайших деталей, повторяет чильхуджиринские. Точно такой же знак изображен на монетах Матчура (Смирнова, 1952, стр. 35. О всех перечисленных монетах см. также: Смирнова, 1939б). Как известно, Матчур являлся вторым сыном Гурека и был назначен афшином Маймурга в 731 г. Следовательно, монеты с его именем могли быть чеканены не раньше этого года.

Кроме перечисленных монет, описанный знак встречается в различных вариантах, то близко, то отдаленно напоминающих наш, на монетах разных веков вплоть до арабоязычных монет Средней Азии. Например, на таблице, составленной О. И. Смирновой, бросается в глаза сходство нижних половин многих знаков с нашими (Смирнова, 1952, стр. 12, табл. 1—5, 7—9, 11—14). Но тем не менее ближайшими к нашему являются знаки на монетах не столичной чеканки, а провинциального литья (безымянной царицы Панча) или чеканки (монета Матчура). Знак на монетах маймургского афшина Матчура тождествен с нашим до мельчайших деталей. В связи с этим встает один вопрос, в свое время затронутый исследователями.

В 710 г. на место низвергнутого ихшида Согда Тархуна был поставлен Гурек, не принадлежавший к дому ихшидов. Касаясь вопроса о происхождении Гурека, В. Томашек считал, что он был членом афшинского дома Уструшаны, и даже определяет его как внука какого-то афшина (Tomaschek, 1877, стр. 78). Н. Н. Негматов, солидаризируясь с ним, считает, что «Гурек до своего избрания ихшидом был афшином Уструшаны» и, «став ихшидом Согда, он некоторое время, по всей вероятности, оставался и афшином

¹ В другом месте эти монеты она датирует первой половиной VII в. (см.: Смирнова, 1951, стр. 4—6).

«Уструшаны» (Негматов, 1957, стр. 134). У него было два сына — Тургар и Матчур. В 731 г. первому из них было предоставлено управление округом Иштыхан, второму — округом Маймург. В 738 г. после смерти Гурека Тургар становится наследником общесогдийского отцовского престола, а Матчур продолжает управлять Маймургом, выпуская свои монеты с изображением царя на лицевой стороне и со знаком и надписью «афшин Матчур» — на обратной. Любопытно, что знаки на его монетах точнейшим образом копируют знаки, обнаруженные на фрагменте музыкального инструмента из Чильхуджры. Встает вопрос, почему наш знак, датируемый V—VI вв., точно воспроизведен позже именно на монетах Матчура; сына Гурека? Не являлся ли этот знак символом афшинского дома Уструшаны? По-видимому, это можно предположить. Возможно, будучи ихшидом, Гурек чеканил свои монеты уже с общесогдийским, несколько иным знаком (в виде четырехзубца, два из зубцов которого смыкаются и создают форму треугольника между двумя крайними зубцами), а когда его сын стал правителем Маймурга, он принял для чекана монет старый родовой знак своих предков — афшинов Уструшаны. Таким образом, знак из Чильхуджры опять же находит связи с тем же Гуреком, а теперь и с его сыном. Он, видимо, еще раз указывает, впервых, на уструшанское происхождение Гурека, а во-вторых, на едва улавливаемые общие уструшано-согдийские династичные взаимоотношения.

Весьма примечательно также и то, что У-образный знак на монетах ихшидов и правителей округов появляется позже чильхуджринских знаков, а не наоборот, и именно в эпоху правления Гурека и его сыновей.

Очень веским аргументом в пользу нашего предположения об У-образном династичном знаке является находка нескольких монет с точно таким же знаком непосредственно в развалинах дворца уструшанских афшинов на городище Калаи Кахкха I. Этот знак встречен на монетах, чеканенных от имени доселе нам не знакомых афшинов Чирдмиша, Раханча и Сатачари. Знаки на этих монетах до мельчайших деталей повторяют наши. Руководитель раскопок дворца уструшанских афшинов Н. Н. Негматов и исследователь монет О. И. Смирнова датируют эти монеты VI — началом VII в. (Смирнова, 1971, стр. 62).

Таким образом, находки музыкальных инструментов в Чильхуджре имеют исключительно важное историко-культурное значение. А обнаружение У-образного знака позволяет еще раз вернуться к вопросу о согдийско-уструшанских династичных взаимоотношениях в раннем средневековье.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АРХИТЕКТУРА ЧИЛЬХУДЖРЫ

ЭЛЕМЕНТЫ АРХИТЕКТУРЫ ЗДАНИЯ ҚЕШҚА

Субструкция. Для выяснения структуры субструкции было заложено 6 шурfov почти на одной линии (рис. 54, 1, 2). Одновременно целью шурfovки было определение контуров естественного холма, на котором построен замок.

Два шурфа, заложенных в помещениях центрального ядра, четко определили структуру субструкции этой части здания.

Шурф № 3 заложен в помещении № 19. Напластование слоев сверху вниз: плотно утрамбованный слой чистого лесса (пол) — 5—6 см (мощность слоев дана в среднем); песчаная подсыпка — 10 см; гравийная утрамбованная подсыпка — 20 см; плотный слой глины с примесью гравия — 40 см; гравийная утрамбованная подсыпка — 20 см и дальше идет материковый гравий.

Шурф № 4 заложен в помещении № 20. Наслоения идут в таком порядке: слой чистого утрамбованного лесса (пол) — 5—6 см; песчаная подсыпка — 15 см; гравийная утрамбованная подсыпка — 22 см; плотный слой глины с примесью гравия — 48 см; гравийная утрамбованная подсыпка — 23—45 см и дальше — материковый гравий.

Шурфы помогли выявить, что на естественном холме сначала был выложен кожух стилобата, состоящий из рядов пахсовых блоков шириной и высотой около 1 м. Затем внутреннее пространство кожуха было заполнено слоями гравия, лесса и песка. Стены по всему периметру квадрата, из которого состоит центральное ядро здания, покоятся на стенках кожуха стилобата; они идут намного ниже уровня пола, в то время как промежуточные стены между помещениями стоят на 5—6 см ниже уровня пола на песчаной подсыпке. Стенки кожуха наклонно выступают внутрь. Наклон их небольшой.

Два других шурфа, заложенные в двух из внешних коридоров, показали совершенно иную картину и внешней струк-

туры стилобата центрального ядра и внутреннюю структуру периферийных помещений.

Шурф № 2 (в помещении № 4 северной анфилады), углубленный до 60 см, выявил совершенно однородный слой плотной и монолитной пахсовой забутовки. Наклонная поверхность стилобата центрального ядра продолжалась ниже уровня пола периферийных помещений. Она никогда была наружной поверхностью внешней стены центрального ядра. Позже, после возведения внешней системы коридоров, сначала была выложена внешняя стена периферийных помещений, а затем клинообразное пространство между этой стеной и наклонной поверхностью стилобата ядра забутовано пахсой, выровнено и эта поверхность превращена в пол внешних коридоров.

Шурф № 5 (в помещении № 7 южной анфилады) дал иную картину. Так как пол этой комнаты был устроен наклонно и фактически служил началом подъема к пандусу, сверху была расположена набивная поверхность пандуса толщиной 10 см; под ней залегала гравийная подсыпка мощностью 15 см; затем идет слой мощностью около 33 см, состоящий из лёсса с остатками органических веществ; ниже — материковый гравий. Таким образом, ясно, что контур естественного холма к югу был выше, а к северу много ниже.

Такая картина подтверждается двумя другими шурфами, заложенными снаружи основного здания, у его северного и южного фасадов.

Шурф № 1 фактически является зачисткой нижней части северной стены, вернее основания стилобата, и основания северо-западной угловой башни и охватывает довольно большое пространство. Стена северного фасада от действия осадков и ветров в течение многих веков смывалась и выдувалась, осыпавшийся с верхних частей стен лёсса залегал снизу и дошел до верха сохранившихся частей стены, и северный фасад, как и остальные, принял форму склона холма. Поверхность стены была покрыта чистым осадковым лёсском примерно до уровня на 75—80 см ниже поверхности пола помещений северной анфилады. Эта часть стены была сильно смыта и деформирована. Ниже до самого основания (около 2 м) нижняя часть стилобата была закрыта гравийной засыпкой и сохранила свою поверхность идеально гладкой. Засыпка поднималась на высоту 2 м, а ее противоположная стилобату сторона уходила вниз наклонно. Таким образом, она создавала у основания стилобата ступеньку шириной (в верхней части) около 3 м. Очевидно, засыпка относится ко времени жизни замка и наружная поверхность стилобата своей отличной сохранностью обязана именно

этой засыпке, которая предохраняла ее от действия осадковых вод.

Хотя стена фасада сильно разрушена, но по ее контуру совершенно ясно, что на уровне пола помещений северной анфилады стилобат примерно на 1,5 м выступает от стены и образует ступеньку. До этого уровня боковая поверхность стилобата идет с небольшим наклоном. Выше ступеньки стена поднимается с таким же наклоном и уже на уровне шелыги свода периферийных помещений выпрямляется по совершенной вертикали. Таким образом, легко восстанавливается контур не только стилобата, но и всей стены фасада.

Весьма интересно устройство угловой башни. Прежде всего, как сам стилобат, так и угловая башня покоятся на естественном гравийном материке. Но основание башни, расположенное на уровне основания стилобата, на линии его поверхности, чем дальше от этой линии, тем уходит ниже, что продиктовано рельефом естественного холма. Наблюдения показали, что для выкладки нижних рядов сырца, из которого сооружена нижняя часть башни, на гравии разровнена небольшая площадка. На этой площадке в форме трех четвертей круга выложено восемь рядов сырца вперевязку. Затем башня, немного утончаясь, образует над сырцом небольшую ступеньку шириной около 20 см. Выше ступеньки проложен слой пахсы в 25 см, над которым выложено еще 2 ряда сырца. Над ними идут два ряда пахсовых блоков общей высотой около 1,5 м. Над блоками проложено еще два ряда сырца, над которыми наблюдается та же ступенька, что и на стилобате. Выше башня выложена полностью из пахсовых блоков, и ее фактура в точности повторяет фактуру стены.

В шурфе № 6 (у южного фасада основного здания) выявлены следующие напластования: культурный слой, состоящий из органических остатков и редких фрагментов невыразительной толстостенной керамики — 45 см; зольник — 20 см; плотный завал строительного мусора — 45 см; гравийная подсыпка — 15 см; зольник — 20 см; дальше идет зеленого цвета материковый песок, постепенно переходящий в гравий. Четвертый слой сверху (гравийная подсыпка) уходит под стену. Это примерно на 1 м выше уровня пола помещения № 7 южной анфилады. Такая картина дает основание говорить, что часть наружной стены южной анфилады была приставлена позже, что подтверждается также попечерным швом в оконном проеме, идущим от помещения № 6 к югу через всю толщу стены.

Таким образом, субструкция Чильхуджры представляет собой довольно сложную картину. Устройство стилобата центрального ядра нашего замка роднит его со стилобатом

четырехколонного зала первого храма и со вторым храмом древнего Пенджикента: пространство внутри пахсового коттака заполнено гравием. А часть стилобата, наращенная при последующем, втором, строительном цикле состоит целиком из пахсовой набивки и находит себе аналогии в шахристанском замке Калаи Карака II, в донжоне замка Ак-тепа близ Ташкента, замке на городище Ак-Бешим и ряде хорезмийских раннесредневековых памятников.

Стены. Прежде чем вести речь о стенах, очевидно, следует несколько слов сказать об одном из основных строительных материалов — о сырцовом кирпиче. В раннем средневековье в нижнем течении Сырдарьи и Амударьи в строительстве применялся почти всегда квадратный кирпич (Воронина, 1952, стр. 89), а в центральных районах Средней Азии — почти исключительно прямоугольный с соотношением сторон преимущественно 1:2 (Якубовский, 1940а, 1940б). Иногда же, имея в виду ширину шва, допускалось некоторое отклонение от такого соотношения сторон. Так, в Мадме (бассейн верхнего Зеравшана) на крепостном сооружении Гардани Хисор помимо пахсы использован сырец размером $55 \times 25 \times 9$ см. В кухандизе древнего Пенджикента размер сырца колеблется: $42 \times 23,5 \times 9$ см, $43 \times 22,5 \times 9$ см, $43,5 \times 23 \times 9$ см и т. д. На Мунчактепе встречен сырец размером $48 \times 24 \times 8$ см. На территории Шахристана также многочисленные измерения в среднем дают размер $50 \times 25 \times 10$ см, т. е. то же самое соотношение сторон 1:2. Конечно, есть и отклонения, в некоторых случаях довольно большие. Например, на Уртакургане личными измерениями автора помимо размеров $48 \times 23 \times 9$ см, $50 \times 25 \times 10$ см, $51 \times 24 \times 9,5$ см и т. п. зафиксированы и довольно крупные — $56 \times 28 \times 12$ см. Сырец таких же размеров встречен на Тирмизактепе. На городищах Калаи Карака встречался сырец различных размеров: $40 \times 25 \times 8$ см, $45 \times 23-24 \times 9$, $49 \times 25 \times 11$, $50 \times 25 \times 7$, $51 \times 26 \times 9$ и даже $65 \times 25 \times 8$ см (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 25, 72). На Мунчактепе, кроме сырца вышеуказанного размера, есть сырец и поменьше ($5-6 \times 17 \times 32$ см) и покрупнее ($10-12 \times 35 \times 65$ см) (Гайдукевич, 1947), а в кувинском буддийском храме встречен сырец размером $36 \times 21-25 \times 8-10$ см (Булатова-Левина, 1961, стр. 242). Разница в размерах достигала временами $10-12$ см. Наиболее распространенным считается сырец длиной от 38 до 52 см, шириной от 18 до 30 см при толщине 8—10 см (Нильсен, 1966, стр. 212).

В Чильхуджре нами было измерено около ста штук сырца. Эти измерения в среднем дают размер $50 \times 25 \times 10$ см. Отклонения от этих цифр невелики — $\pm 1-2$ см.

Почти на всех экземплярах встречаются тамгообразные знаки (есть сырец и без знака). Всего нами зафиксировано девять видов знаков (рис. 55). Все они выполнены пальцами на сырой глине в момент формовки. Первый вид, встречающийся наиболее часто, представляет собой довольно крупный круг, смещенный в одну сторону по отношению ширины сырца, вследствие чего один край круга срезается краем сырца; второй вид тамги изображает замкнутый круг небольших размеров с незначительным смещением по отношению длины сырца; третий помещен в одном из углов сырца и представляет собой кривую линию, которая в сочетании с прямолинейными сторонами угла сырца рисует точно четверть окружности правильной формы; четвертый чем-то напоминает следы копыта мелкого парнокопытного животного, он выполнен при помощи вдавления двух пальцев, которые оставили довольно глубокий, но очень короткий след; пятый аналогичен в принципе с предыдущим, но отличается меньшей глубиной и большей длиной; шестой вид состоит из двух параллельных неглубоких линий около 25—30 см длиной, проведенных вдоль поверхности сырца; седьмой вид представляет собой два пересекающихся пучка линий, проведенных вдоль и поперек сырца, причем продольный пучок линий не совсем прямой по отношению к краю сырца, а с наклоном вправо и состоит из четырех линий; поперечный же пучок относительно прямой, лишь с легким изгибом и проведен тремя пальцами; два последних вида состоят из недлинных линий, проведенных одним пальцем. Первый из них проведен ближе к одной из поперечных сторон сырца и параллельно ей и занимает почти всю ширину сырца, второй же состоит из такой же одной линии, проведенной в одном из углов наискосок, и рисует в сочетании со сторонами сырца правильной формы прямоугольный треугольник.

Различные знаки такого рода встречались и встречаются в раннесредневековых памятниках Средней Азии. Наличие их на сырце и широкое распространение было отмечено рядом исследователей, например В. А. Ворониной (1953б, стр. 6).

Каково значение этих знаков и какую функцию они были призваны выполнять? По этому поводу также было высказано много предположений, но нам наиболее реальным кажется предположение, что знаки эти служили для учета партий произведенного кирпича. В. Л. Воронина об этих знаках пишет, что «такие метки на сырце весьма обычны для Хорезма», а в Согде и Осрушане «это явление менее распространено и тамги однообразнее» (Воронина, 1953б, стр. 6). Возможно, это объясняется малой изученностью па-

мятников раннесредневековой Уструшаны по сравнению с хорезмскими. Допустима также мысль о том, что знакам на сырце до сих пор уделялось мало внимания. Однако около-десятка видов тамги, выявленных на одной Чильхуджре, дают основания для изменения этой формулировки.¹

Все стены Чильхуджры, внешние и внутренние, сложены из пахсы и сырца — производных лёсса. Эти два строительных материала встречаются в различном сочетании: есть стены только из одних пахсовых блоков; есть ряды блоков, прослоенные одним, двумя, тремя и более рядами сырца; встречаются стены, сложенные только из сырца и, наконец, многие стены сложены в технике комбинированной кладки (рис. 56). Комбинированная кладка встречается в различных вариациях, как-то: кирпич «вразбежку», «ступенчатая» кладка, кладка, состоящая из рядов сырца и слоев глины толщиной в два кирпича («вразрядку»), «комбикладка тип 3».

Но по типам кладки не представляется возможным делить помещения Чильхуджры на какие-либо четкие группы, так как в каждой группе помимо одной конструкции будет встречаться и вторая и третья. Но все же по преобладанию черт какого-либо из типов попытаемся разделить все помещения на приблизительно одинаковые группы:

1. Стены, сложенные только из сырца.
2. Стены, в конструкции которых преобладает пахса.
3. Стены, сложенные в технике комбинированной кладки.

В первую группу входят исключительно те стены, которые были приставлены к первоначальным во времена ремонта или перестройки. В нижнем этаже отмечена всего одна стена такого типа — это западная стена углового помещения № 3. Северная стена этого помещения сложена в нижней своей части из двух рядов пахсовых блоков, прослоенных двумя рядами сырцовой кладки. Она криволинейно изгибаются от северо-восточного угла в юго-западную сторону и, также изгибаясь криволинейно, уходит под западную стену.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что западная стена была более поздней прикладкой. Конструкция стены представляет собой обычную регулярную кладку, где чередуются ряды сырца, уложенного ложком и тычком. Толщина стены, по-видимому, соответствует длине одного кирпича, возможно, за исключением северной стороны, где изгиб северной части ее по отношению к прикладке создает наименьший угол. Все кирпичи уложены вперевязку, при-

¹ Во время кратковременных раскопок на Уструшанском замке Ак-тепа близ Нау в 1965 г. также были обнаружены знаки четырех видов: три неглубоких длинных линии вдоль сырца, две длинных продольных линии, две коротких, но глубоких линии в центре сырца и небольшой круг в центре сырца. Знаки на сырце встречены и на Калан Каххаха II.

чем шов между двумя кирпичами одного ряда приходится на середину сырца верхнего или нижнего ряда. В целях сохранения перевязки иногда употреблялись половинки, особенно в рядах, уложенных ложком. Ширина горизонтальных швов колеблется от 1,0 до 1,5 см, десять рядов кладки в общей сложности дают 1,12—1,14 м. Ширина вертикальных швов близка к ширине горизонтальных. Отличаются они лишь тем, что не заполнены глиняным раствором.

В этой же комнате у восточной стены была отмечена сырцовая закладка, занимающая всю высоту и ширину стены и закрывающая собой арочный проем в соседнее помещение № 4. Толщина ее соответствует ширине одного кирпича. Сырец здесь уложен исключительно ложком, так как толщина стены не позволяла укладывать его тычком.

Южная стена помещения № 15 состоит из двух частей. Западная ее половина, создающая угол с распределительным предпандусным коридором, сложена из пахсы, а восточная — регулярной сырцовой кладкой. Эта стена также приложена к более ранней. Здесь, как и в западной стене помещения № 3, чередуются ряды сырца, уложенного ложком и тычком. По всей высоте (от уровня пробитого пола) сохранившейся части стены насчитывается около 15 рядов сырцовой кладки. Сырцевая стена, также приложенная позже к более ранней стене, отмечена и в помещении № 16а. Она закрывала собой южную пахсовую стену комнаты и покоялась на 30-сантиметровом слое (непосредственно под восточной частью этой прикладки найдены обломки, из которых собран огромных размеров глиняный котел). Толщина прикладки, как и закладки у восточной стены помещения № 3, соответствует ширине кирпича; сырец и здесь уложен только ложком.

Кроме вышеуказанных стен, сырцевая кладка встречается и на других участках здания, но сырец как строительный материал самостоятельной роли здесь не играет. Несмотря на наличие горизонтальных рядов сырцовой кладки, в этих стенах преобладает пахса. Сырец в основном употреблен в верхней части стен, чаще — выше пяты свода, реже — ниже пяты. Сырцом прослоены также ряды пахсовых блоков.

Эти стены с точки зрения техники кладки можно разбить на несколько подгрупп. В первую очередь, видимо, следует описать те стены, которые сложены только из пахсовых блоков и где начало свода опирается непосредственно на блоки. В число таковых следует включить южную и восточную стены помещения № 12, северную стену помещения № 14, западную и северную стены помещения № 15, первая из которых является продолжением западных стен помещений № 13

и 16а, а вторая — одновременно южной стеной помещения № 16а, восточную стену помещения № 13 и западную половину южной стены помещения № 15. Но необходимо оговориться, что эти стены можно назвать «полностью пахсовыми» лишь условно, так как выше двух рядов пахсы высота стен просто не сохранилась, а несохранившиеся части скорее всего были сложены из сырца. Восточная стена помещения № 12 сохранилась даже менее чем на высоту одного ряда пахсы. Восточная стена помещения № 13 также состоит из одного блока пахсы, но он (блок) настолько массивен, что начало свода покоятся непосредственно на нем. Все остальные перечисленные стены состоят из двух рядов пахсовых блоков без сырцовой прослойки. Лишь в основании западной и восточной стен помещений № 13 прослеживается один ряд проекладки, выступающий внутрь помещения в виде небольшой полочки. В северной части западной стены помещения № 15 на расстоянии около 1,5 м от угла блоки прослоены одним рядом сырца.

Во вторую подгруппу можно включить те стены, которые до пятых сводов сложены из пахсовых блоков, прослоенных одним, двумя и более рядами сырца, и основания сводов которых опираются на пахсу.¹ Южная стена помещения № 6, северная и южная стены помещения № 7 прослоены одним рядом сырца, на них опирается основание свода, насчитывающего по шесть рядов сырцовой кладки, зато в основании южной стены помещения № 7 прослеживается один ряд сырца, покоящийся на материковом гравийном основании. Пахсовые блоки северной стены помещения № 12 вообще не имеют прослойки, а над ними просматривается основание свода с выносом на 6,5 см, насчитывающее 9 рядов горизонтальной ложковой кладки. Восточная и западная стены помещений № 1 и 2, южные стены помещений № 4 и 5 сложены из двух рядов пахсовых блоков, прослоенных двумя-тремя рядами сырца, на пахсе же покоятся основания сводов, насчитывающие по 4 горизонтальных ряда сырцовой кладки. Все стены помещения № 17, кроме западной, также имеют в основе своей конструкции по два ряда блоков, прослоенных двумя рядами сырца. Дальше начинаются основания тромпов, а пространство между ними заполнено сырцовой кладкой. Во всех стенах сырец, прослаивающий пахсовые блоки, уложен или только тычком или только ложком, чаще всего тычком. Исключение составляет трехрядная прослойка восточной стены помещения № 2, где кирпичи нижнего и верхнего ряда уложены ложком, а среднего — тычком.

¹ В это число не входят поперечные стены внешних апфилад, делящие длинные коридоры на отсеки.

В третью подгруппу, видимо, следует включить те стены, в конструкции которых еще до выступа основания свода прослеживаются ряды сырцовой кладки. В это число входят все продольные несущие стены помещений № 11 и 12, северная стена помещения № 5, южная стена помещения № 3, западные стены помещений № 14 и 15. В некоторых из этих стен один ряд пахсовых блоков (внутренние стены помещений № 10, 11), а над ним по 7 рядов сырцовой кладки до основания свода. Основание же свода состоит из четырех рядов сырца. Внешние стены тех же помещений сложены из двух рядов пахсовых блоков без прослойки и над ними до выступа пяты свода уложено по 4 ряда сырца. И здесь основание свода насчитывает по 4 ряда сырцовой кладки. В помещении № 9 все стены сложены из трех рядов пахсовых блоков, размер которых несколько меньше, чем в других местах, и только под основанием тромпов прослеживается ряд сырцовой кладки, которая в северо-восточной части доведена до трех рядов. Выше идут уже тромпы, а закругленное пространство между ними заполнено горизонтальными рядами сырца. Северная стена помещения № 5 состоит из двух рядов пахсовых блоков без прослойки, выше уложены семь рядов сырца, которые размещаются здесь за счет большого сокращения высоты верхнего слоя пахсы. Но эта стена продолжается к западу и переходит в помещение № 4, где вышеуказанные семь рядов внезапно обрываются и верхний пахсовый слой приобретает нормальную высоту. Все семь рядов сырца уложены ложком. Южная стена помещения № 3 имеет некоторые конструктивные особенности. Прослойка между пахсовыми слоями насчитывает сразу пять рядов, за счет чего верхний слой пахсы приподнят намного выше. Восточная стена того же помещения отличается от других тем, что в ее основании лежит не пахса, а 9 рядов сырцовой кладки, после чего уложен один ряд блоков, на котором и поконится основание свода из пяти рядов сырца. Северная стена, состоящая из двух рядов пахсы, прослоенных двумя рядами сырца, выше насчитывает около 9 рядов сырца, уложенных тычком. Разнородность стен одного и того же помещения, очевидно, явилась следствием перестройки последнего из помещения с планом, похожим на четверть круга, и с купольным перекрытием, в помещение почти прямоугольное в плане и со сводчатым перекрытием. То, что сводчатое перекрытие в этом помещении является вторичным и что первоначально оно, как и помещение № 9, было перекрыто куполом, несомненно. Следовательно, оно должно рассматриваться как угловая башня, одна из двух, фланкирующих северный фасад здания.

В основании западной стены помещения № 17 один ряд пахсы, выше до основания тромпов — 11 рядов сырцовой кладки (в северной части 12), уложенных ложком. Промежуток стены от основания тромпов до слегка нависающего основания купола состоит из 17 рядов сырца, уложенного исключительно тычком, и плавно округляется кверху.

Как было уже отмечено, внешняя цепочка коридорообразных помещений первого этажа представляет собой длинные коридоры, разделенные на отсеки толстыми стенками-распорками. Такие стены-перегородки были отмечены в свое время в холме Актепа близ Ташкента (Тереножкин, 1948, стр. 81; Воронина, 1948, стр. 139). От наших они отличались тем, что сложены только из сырца на глиняном растворе и выполнены очень небрежно, а в Чильхуджре они возведены столь же основательно, как и другие стены здания. Кроме того, по перечные стенки Актепа поздние, а Чильхуджры — одновременные с продольными. В нижней части они имеют по одному блоку, примыкающему обязательно к внешней стене. Остальное пространство ближе к внутренней стене занимает проход, перекрытый аркой. Основание арки покоится на блоке пахсы. Свободное от арки пространство над пахсовым блоком заполнено регулярной сырцовой кладкой. Исключение в смысле расположения составляют перегородки южной анфилады.

По мнению А. И. Тереножкина (1948, стр. 81) и В. Л. Ворониной (1948, стр. 139), такие стенки способствовали большему упрочнению всей конструкции, а также служили препятствием для врагов и облегчали оборону замка.

Все пахсовые блоки имеют высоту и ширину от 0,7 до 1,1 м. В редких случаях (например, в северной стене помещения № 5) толщина слоя пахсы сведена до 0,4 м. Очевидно, слои пахсы укладывались сплошной лентой, а затем на внешней их поверхности подрезались швы с целью предупреждения беспорядочного растрескивания глины (Воронина, 1950, стр. 195; Нильсен, 1966, стр. 228). Это предположение как будто подтверждает тот факт, что почти во всех стенах швы надрезаны почти по отвесу. Исключение составляют лишь две стены: южная помещения № 3 и северная помещения № 12. В первой из них наклонные швы имеет верхний ряд пахсы из двух блоков, а во второй — оба ряда. Наклон швов составляет около 10°. Возможно, это объясняется тем, что обе эти стены выложены во время перестроек: первая — во время превращения купольного помещения в сводчатое и вторая, как показал зондаж, — во время пристройки южной анфилады. Допустимо, что строители, учитывая ответственность участков по углам зданий или внутренний распор сводчатых по-

мещений, решили сложить эти стены более прочно и выбрали менее скоростной метод строительства — отдельную формовку каждого блока. Такая формовка пахсовых блоков встречена в толстых стенах большого помещения замка на Каракултепе (верховья реки Ангрен) и в стенах Пенджикента значительно меньшей толщины (Воронина, 1950, стр. 195; Нильсен, 1966, стр. 229). Швы между блоками расположены вперевязку. Для этой цели иногда применены более узкие блоки (как и в сырцовой кладке, где местами употребляются обломки, составляющие половину обычного квадра). Вертикальные швы имеют неодинаковую ширину по всей высоте: по краям блоков она составляет 1—1,5 см, а в середине увеличивается и иногда доходит до 4—5 см. Межкирпичные же швы почти всегда одинаковые — 1—1,5 см, редко доходят до 2 см.

Все остальные стены здания Чильхуджры, включая стеки-перегородки между помещениями № 6, 7, 12 и южную стену помещения № 1, сложены в технике комбинированной кладки.

В здании замка Чильхуджра встречаются три варианта комбинированной кладки: в технике «кирпич вразбежку», в технике чередования рядов плотно уложенных тычковых кирпичей и слоев пахсы толщиной примерно в два кирпича, и комбинированная кладка, условно названная нами «комбикладка тип 3».

В технике «кирпич вразбежку» сложены стены-перегородки между помещениями № 6, 7 и 12 (первый этаж, южная анфилада), западная стена помещения № 16 (она же восточная стена помещений № 15, 16а, 16б), стена между помещениями № 16а и 16б толщиной в длину кирпича (второй этаж). Очень хорошо просматривается структура восточной стены помещения № 15. Здесь тычковые ряды сырца чередуются с ложковыми, сырец уложен с широкими горизонтальными и вертикальными швами, заполненными глиной. Ширина горизонтальных швов достигает толщины кирпича, а вертикальных несколько меньше ширины кирпича. Четко прослеживается около 12 рядов кладки. Каждые пять рядов в общей сложности имеют высоту 85—110 см.

Стены, сложенные в технике «кирпич вразбежку», отмечены В. А. Шишкиным во дворце бухар-худатов, а также в центре городища Варахша (Шишкин, 1963, стр. 60, 62, 66, 68, 74, 85, 95, рис. 19, 62).¹ Здесь, как и в Чильхуджре, чередуются ложковые и тычковые ряды сырца и горизонтальные швы достигают толщины кирпича; такая же техника

¹ У В. Л. Ворониной такой тип комбинированной кладки называется «в строчку».

кладки в различных вариантах наблюдается на Мунчактепе и в Пенджикенте (Воронина, 1953б, стр. 12).

В технике чередования слоев пахсы и рядов плотно уложенного тычкового сырца сложены южная торцовая стена помещения № 2 у проема, ведущего в пандус, северная стена помещения № 14 и коридора перед ним вместе с лопаткой, на которую опиралась арка проема, ведущего из этого коридора в помещение № 14. В последнем случае кладка сохранилась на всю высоту до основания свода. По всей высоте стены уложены девять рядов сырца, нижний из которых лежит в основании стены. Горизонтальные швы между кирпичами очень широкие и соответствуют толщине двух кирпичей каждый. Девять рядов кирпича и восемь слоев пахсы составляют около 2,5 м.

В южной же стене помещения № 2, где горизонтальные швы почти вдвое толще кирпича, широкие желтоватые проложки пахсы отличаются от сырца более темных зеленоватых оттенков. Создается впечатление, что разноцветность пахсы и сырца использована специально с декоративной целью, хотя слабая освещенность помещения как будто лишает такой эффект смысла.¹ Комбинированная кладка насчитывает здесь всего пять рядов и доходит до имposta арки проема.

Кладка такого же типа, но более поздняя, состоящая из сырца размером 42×10 см (нижний ряд) и 31×31×6 см (верхние ряды) и слоев пахсы разной толщины (от 17 до 28 см), обнаружена в цитадели Варахши (Воронина, 1953б, стр. 86).

В стенах помещений центрального ядра Чильхуджры мы встречаем совершенно новый, до сих пор нигде не встреченный тип комбинированной кладки. В этих помещениях собственно прекрасно ужились все три строительных приема: в основании стены уложены пахсовые блоки высотой 0,75 м от уровня пола, выше, до первого выступа основания свода, стены сложены в технике комбинированной кладки и уже от первого выступа основания до начала самого свода стены выведены горизонтальными рядами сырца, уложенного исключительно тычком. Комбинированная кладка здесь некоторыми чертами напоминает так называемую «шахматную», но в то же время существенно отличается от нее. При «шахматной» кладке хотя горизонтальные слои пахсы в два и больше раза превышали толщину кирпича, но вертикальные швы были намного меньше ширины кирпича или редко достигали этой ширины. В стенах же Чильхуджры горизон-

¹ Комбинированная «шахматная» кладка, где на фоне серой пахсы выделяется желтый сырец, отмечена в стенах внутренних помещений замка на Мунчактепе (см.: Гайдукевич, 1947, стр. 104—105).

тальные разрывы между сырцом превышают толщину кирпича, а вертикальные — ширину кирпича.

Комбинированную кладку, как справедливо отмечено В. Л. Ворониной (1953б, стр. 12) и В. А. Нильсеном (1966, стр. 231), можно рассматривать как прогресс в строительной технике, при которой сохранялась прочность стены, достигалась экономия кирпича и красивая фактура стены.

Здесь стены действительно отличаются исключительной монолитностью. Хотя слои пахсы и не надрезаны швами, значительных трещин на глине мы не обнаруживаем.

Как мы увидели, в строительстве стен центрального ядра Чильхуджры были соединены все три метода кладки: пахса, комбинированная (здесь в варианте «комбикладки тип 3») и сырцовая кладка. Точно такой же случай мы наблюдаем в оборонительной стене Джанбаскала. Во втором ярусе Актепа близ Ташкента чередуются комбинированная кладка и пахса. Все три типа кладки наблюдаются в жилых постройках древнего Пенджикента (Воронина, 1953б, стр. 6).

В Чильхуджре во всех несущих стенах помещений первого этажа, чуть выше уровня выступа (при двойном выступе — выше уровня первого) обнаружены гнезда от деревянных балок. Эти балки служили, очевидно, основанием помоста для бескружального возведения сводов. Такие гнезда от балок обнаружены не впервые, они встречаются почти во всех сводчатых помещениях (в основном нижних этажей) памятников раннего средневековья. Они обнаружены, например, в Актепа близ Ташкента (Воронина, 1948, стр. 142), в Варахше (Шишкин, 1963, стр. 53, 54, 57, 92), в раннесредневековой сельской усадьбе под Самаркандом (Шишкина, 1961, стр. 204), в Пенджикенте (Воронина, 1953а, стр. 120), в жилом доме к востоку от мервской Гяуркалы (Пугачenkova, 1958а, стр. 207), в Мунчактепе (Гайдукевич, 1947, стр. 103—105) и т. д. После возведения свода балки вынимались, а гнезда в некоторых случаях забивались глиной и оштукатуривались (например, во многих помещениях Варахши) (Шишкин, 1956, стр. 24; Нильсен, 1956, стр. 88) или, в подавляющем большинстве случаев, оставлялись незаполненными. Но и незаполненные гнезда нисколько не портили вид стен, а наоборот, как считает В. Л. Воронина, придавали облику помещения определенную выразительность (Воронина, 1953б, стр. 18).

В некоторых помещениях на стенах сохранилась глиняная обмазка. Но в большинстве случаев эта грубая обмазка без какой-либо примеси, видимо, сделана для маскировки широких швов между кирпичами. Такая обмазка сохранилась в помещениях № 1, 2, 6, 20 и в пандусе. На ней со-

хранились следы пальцев мастеров, составляющие в некоторых случаях затейливые узоры.¹ А в предпандусной площадке арка, ведущая в помещение № 2, и ее архивольт обмазаны и очень тщательно затерты глиной с примесью самана. Кроме того, обмазка видна в некоторых вертикальных швах между разновременными стенами.

Дверные и световые проемы и продухи. В Чильхуджре, где сохранилось свыше 15 арочных проемов, техника кладки перемычек исключительно клинчатая. Среди сохранившихся арочных проемов выделяются несколько типов, различных по своей форме. Подавляющее большинство арок имеет эллиптическую, приближающуюся к полуциркульной, форму. Реже встречаются арки трехцентровые и параболические. Встречена лишь одна арка очень низкой стрелы подъема, весьма близко напоминающая лучковую. Одна арка светового проема похожа на стрельчатую.

Арки с эллиптической и параболической кривой имеют не очень большую стрелу подъема. Клинчатая кладка их в подавляющем большинстве случаев опирается на паховые блоки стен (рис. 57 и 58). Основание арок, как правило, не отмечено выступом, что характерно для сводов нижнего этажа. Даже в одном случае (проход из помещения № 2 в пандус, рис. 58, А), когда одна из сторон арки является продолжением стены помещения, где пята свода отмечена выступом в 6,5 см, в стороне арки этот выступ ликвидирован и стена утолщается за его счет. Этот проем имеет столь значительную глубину, что фактически превращается в коридор, выводящий на предпандусную площадку. Он при своей сравнительно большой высоте имеет небольшой пролет — 0,95 м. На Актера близ Ташкента все проемы имеют такую же большую глубину, что позволяет рассматривать их перекрытия не как арки, а как своды.

Та же арка прохода из помещения № 2 со стороны пандуса оформлена архивольтом, слегка утопленным в стену, тщательно затертым и оконтуренным узким выступающим поясом кирпичной толщины. Кирпичи пояса положены ложком и выпущены наружу короткой стороной. Пояс украшает также наклонные пяты арки, придавая архивольту своеобразную форму. Архивольт арки врезается снизу в свод, перекрывающий пандусную площадку, образуя слабовыраженную распалубку.

Арки, оформленные аналогичным архивольтом, обнаружены в коридоре кешка пенджикентского городища (Воро-

¹ Следы пальцев на обмазке, состоящие из пересекающихся под прямым углом полос и рельефных арочек, находящих друг на друга, были зафиксированы в замке Калаи Кахкаха II, а также в главном зале объекта VII в Пенджикенте.

нина, 1950, стр. 197) и в зале во втором этаже замка Ак-тепа (Воронина, 1948, стр. 153; 1953б, стр. 23). Здесь также архивольт слегка утоплен в стену.

Архивольтами такого рода, по-видимому, были оформлены еще две арки — арка проема из помещения № 12 в помещение № 7 (рис. 59) и арка проема из помещения № 20 в помещение № 19. В первом случае арка имеет не совсем правильную, асимметричную форму и довольно высокую стрелу подъема. От архивольта, несколько заглубленного в стену, сохранилась гладко обмазанная часть и тщательно затертая наклонная полочка у имposta арки, несколько выступающая из стены. Во втором случае проем довольно низок и арка его при пролете 1,05 м также имеет невысокую стрелу подъема. От архивольта здесь осталось хорошо различимое углубление в стене и с трудом различимые кирпичи, положенные плашмя тычком и окаймляющие архивольт сверху. По-видимому, построение этого архивольта и архивольта проема в пандусе было аналогично.

Весьма интересна по своему строению арка над проемом, ведущим из помещения № 6 южной анфилады в помещение № 20 центрального ядра. Кладка арки клинчатая, толщина ее полтора кирпича. Ширина пролета 1,10 м, высота проема 1,85 м. Проход, несомненно, пробит в пахсовой стене и наверху захватывает два ряда сырцовой кладки. Хотя глубина его довольно большая, но о своде здесь речи быть не может, так как не было возможности пробитый в стене проход оформлять сводом. Проход был оформлен аркой лишь со стороны помещения № 6. Эта арка имеет невысокую стрелу подъема и в отличие от других арок эллиптического и близкого к полуциркульному очертаний близко напоминает по форме лучковую. Арка вершиной достает начало наклонных отрезков свода. Именно этим, по-видимому, и ограничена стрела ее подъема и придана форма лучковой ее кривой, тем более, что проход, несомненно, был оформлен аркой тогда, когда уже был выложен свод помещения № 6. Кладка основания свода нарушена в местах, смыкающихся с аркой; одним из важных фактов в пользу этого довода служит то обстоятельство, что в помещении № 6 сохранилось всего три гнезда от балок, служивших основанием временного деревянного настила для возведения свода. Два из них расчищены в противоположной арке стене, одно — в той же стене, где расположена арка, т. е. в северной. Одно из гнезд (восточное) в южной стене расположено напротив восточной половины арки, но в клинчатой кладке последней нет никаких следов гнезда. На наш взгляд, до возведения свода на месте арки было гнездо от балки, а при возведе-

нии арки стена и часть свода вокруг нее были переложены, при этом пропало одно гнездо.

В качестве аналогий описываемой арке можно привести большую нишу в помещении № 1 первого храма городища древнего Пенджикента, которая перекрыта аркой, также близко напоминающей своей кривой лучковую (Беленицкий, 1950б, стр. 101, табл. 46/1, табл. 49/3).

В юго-западном углу помещения № 9 с купольным перекрытием роль тромпа выполняет параболический арочный проем, сложенный в характерной технике клинчатой кладки (рис. 60 и 61). В нижних частях кладки арки периферийные швы невелики, так как наклон кирпичей незначителен, однако с высотой они увеличиваются и на месте смыкания арки между замковыми кирпичами шов настолько велик, что заполнен специально обтесанным в виде клина сырцом. Ширина и глубина арки в один кирпич.

Арочный световой проем в помещении № 1 (рис. 62) расположен в восточной стене комнаты. Основание его совпадает с основанием наклонных отрезков свода помещения. Таким образом, этот проем прорезан целиком в сводчатой оболочке, которая в этом месте теряет свою регулярность: наклонные отрезки здесь опираются на кирпичи арочной перемычки и поэтому чем ближе к вершине арки, тем они короче. Фасадная поверхность арочной перемычки не вертикальна, а изогнута в соответствии с изгибом свода. Форма арки очень близко напоминает стрельчатую. Стрельчатость нашей арки можно рассматривать как результат противоречия слишком узкого пролета (всего 0,57 м) крупному формату сырца, из которого она сложена (50×25×10 см).

Над прямоугольным проемом, связывающим помещения № 18 и 19, сохранились арковые балки перемычки. Повидимому, не арочная, а балочная перемычка и прямоугольность проема объясняется в данном случае тем, что стена над проемом поддерживает полусводы двух помещений (№ 18 и 19). Пролеты сводов этих помещений уменьшены при помощи двойных выступов основания сводов, каждый из которых составляет 6,5 см. Значит, стена над проемом с каждой стороны утолщается за счет выступов по 13 см, что в итоге дает утолщение на 26 см. Рассматриваемый проем при своей небольшой высоте (1,52 м) почти достигает основание свода — между балками перекрытия проема и первым выступом основания свода проложен всего один ряд сырца. Если бы проем был перекрыт арочной перемычкой, периферийная кривая арки почти достигала бы начала наклонных отрезков свода, врезаясь в его основание. И в результате прямо на арку опирались бы наклонные отрезки сразу двух сводов, и периферийная кривая арки с обеих сто-

рон вдавалась бы в стену на 13 см, а не на 5 как архивольт арки в пандусе. Наконец, выносить кирпичи, лежащие над аркой, сразу на 13 см с целью выравнивания поверхности стены выше арки с двойным выступом было бы опасно, поэтому строители предпочли балочную перемычку арочной.

В этом проеме была установлена дверь, от которой сохранились сгнившие арочные стойки деревянной коробки, прикрепленные к стенкам проема глиной и обломками сырца. Остатки дверной коробки найдены и во втором этаже в проеме из помещения № 14 в Большой зал. Эта нижняя часть боковой стойки имеет ромбовидную резьбу, о которой речь пойдет ниже. В отличие, например, от актепинских проемов¹ в Чильхуджре дерево применялось во многих проемах, выполняя роль порогов.

Два проема, ведущие из Большого зала в помещения № 14 и 16а, имели двойные пороги; один из порогов сгорел, другой истлел. В некоторых других проемах следы порогов остались в виде пороговых нишек, уходящих под стены.

В раннем средневековье в крупных архитектурных сооружениях Средней Азии оконные проемы в полном смысле слова отсутствовали: крупные проемы в наружных стенах ослабили бы крепостные функции этих сооружений (Нильсен, 1966, стр. 23). Поэтому свет в помещения замков и других укрепленных зданий, в том числе и нашей Чильхуджры, проникал через небольшие, чаще щелевидные отверстия в стенах или сводах.

Световые проемы и проходы Чильхуджры (рис. 63) можно разделить на шесть типов.

В помещениях № 18 и 19 центрального ядра расчищены световые проемы щелевидной формы. Они по размерам невелики, расположены на высоте 2,05 м от пола. Их нижняя поверхность поднимается изнутри наружу, и сами они изнутри значительно выше и шире, чем снаружи. Внутренний контур таких проемов, имеющих форму сравнительно узкой щелевидной бойницы, несколько сужается кверху. Это как бы балалыктепинские бойницы, вывернутые наизнанку (Альбаум, 1960, стр. 50, 51, 65, 83, рис. 31, 44, 45). То, что эти проемы служили для поступления света в помещения, а не выполняли функции бойниц, не вызывает никакого сомнения, так как в последнем случае они были бы направлены сверху вниз и расширялись бы наружу. Да и расположение их на высоте 2,05 м от пола говорит не в пользу бойниц.² Форма этих проемов совершенно логичная: она способствует боль-

¹ В Актепе ни в одном проеме не применено дерево. См.: Воронина, 1948, стр. 137.

² На Балалыктепе нижний край бойниц находится на высоте 1,15 м от пола.

шему рассеянию световых лучей и лучшему освещению помещений.

Прямыми аналогиями таким щелевидным световым проемам могут служить проемы в помещениях цитадели Варахши (Шишкян, 1963, стр. 92), в сырцовом доме к западу от Султанкалы в Мерве (Пугаченкова, 1958а, стр. 209), в замке Джумалактепа (Нильсен, 1966, стр. 150, рис. 55) и др. Точно по такому принципу устроены оконные проемы в нижнем этаже Барак-тама I, хотя они и отличаются от чильхуджринских некоторыми деталями формы (Неразик, Лапиоров-Скобло, 1959, стр. 84—86).

В помещении № 20 расчищен световой проем прямоугольной формы размером 95×42 см. Глубина проема доходит до 1,28 м и упирается в дополнительный кожух стены.

В периферийной системе коридоров, примерно в середине каждого помещения, полностью сохранившего свое сводчатое перекрытие, во внешних оболочках сводов расчищены прямоугольные световые проемы небольших размеров. Ширина и высота их не достигает длины одного кирпича (22×30 см). Такие проемы перекрыты обычно одним кирпичом, положенным ложком, и слегка направлены вверх, что характерно для таких световых проемов малых размеров. Малые размеры совершенно не влияют на прочность конструкции сводов. Совершенно аналогичные световые проемы отмечены на Балалыктепа. Но там они расположены не в сводчатой оболочке, а в стене на высоте 3,5 м от пола (Альбаум, 1960, стр. 50, рис. 31). Возможно, у нас они одновременно играли роль вентиляционного продуха.

Пандусный колодец освещался небольшими окошками, два из которых сохранились выше выхода на второй этаж (рис. 64). Они представляют собой трапециевидные, суживающиеся кверху, амбразуры размером 21—37×49 см изнутри и 28×41 см снаружи, прорезанные в верхней части пахской стены и захватывающие нижние части свода. Часть проема, прорезанная в своде, выложена горизонтальными рядами сырца. Нижняя часть светового проема поднимается наклонно в наружную сторону.

Другой световой проем трапециевидной формы, но более крупных размеров расчищен на втором этаже, в середине противоположной входу стены помещения № 17. Проем также суживается вглубину и имеет наклонный, поднимающийся кверху и наружу подоконник. На глубине 1,10 м от стены подоконник образует ступеньку высотой 30 см. Верхняя часть проема не сохранилась, но это не мешает определению его трапециевидной формы.

В помещении № 9 с купольным перекрытием роль тромпа играет параболический арочный проем, арка которого

была описана выше. Какую функцию этот проем выполнял помимо роли тромпа? Нижняя поверхность проема уступчично идет вверх, однако до конца он не расчищен, так как заполнение его сравнительно неплотное, в силу чего не исключена возможность обвала; проем расположен на большой высоте от пола, к нему можно подняться только по лестнице. Это обстоятельство увеличивает опасность в случае обвала. Судя по тому, что нижняя поверхность проема имеет наклон внутрь, как в других световых проемах, можно предположить, что он выходил на второй этаж и через него поступал свет в угловое купольное помещение, лишенное других источников света. Но, возможно, проем одновременно играл какую-то роль и в циркуляции воздуха.

В южном конце восточной стены помещения № 1, как уже говорилось, имеется небольшой арочный световой проем, который соединял это помещение с нераскопанным помещением № 21 центрального ядра. Описание арки его было дано выше. За этой арочной перемычкой видна другая, более высокая, с наклонной, круто поднимающейся к западу шелыгой свода, которая продолжается на длину двух кирпичей, т. е., учитывая швы между кирпичами, немногим более одного метра. Остальная часть светового проема в направлении помещения № 21 явно пробита в стене последнего, составляющей полусвод.

Проемы в периферийных помещениях № 4 и 10 со стороны соседних помещений заложены стенкой в ширину кирпича. Возможно, эта стенка и не является закладкой, а проемы продолжались дальше кверху и выходили на второй этаж. Один из них (в помещении № 4) на глубине 78 см от поверхности стены имеет ступеньку высотой в толщину кирпича, затем поворачивает в сторону внутренней стены, т. е. в сторону помещения № 21 центрального ядра. С целью соблюдения техники безопасности поворот проема до конца не расчищен.

Какую функцию выполняли эти проемы?

В архитектуре Средней Азии встречаются световые колодцы и отверстия, выходящие из помещений первого этажа в помещения второго, например в хорезмийских Топраккала и Кызылкала (Воронина, 1950, стр. 191). Правда, они были пробиты где-то непосредственно в своде, а в Чильхуджре проемы расположены в стенах с большим углублением в них и к тому же имеют поворот в сторону и, как можно предполагать, вверх. Повороты поглощали значительную часть света.

Однако, на наш взгляд, функции этих проемов не ограничивались лишь освещением помещений. Они, видимо, имели и вентиляционное назначение. Их расположение в верхней

части стен способствовало, по-видимому, лучшей циркуляции воздуха.

В раннесредневековых археологических памятниках пока нет аналогий таким проемам. Мы не сравниваем чильхуджринские проемы-продухи с вентиляционными отверстиями в сельской усадьбе под Самаркандом (вблизи Кафыркалы), так как кафыркалинские продухи были связаны с системой отопления здания, а наши не имеют никакого отношения к отоплению.

Вообще проблема освещения раннесредневековых замков до сих пор еще изучена недостаточно. Многообразие форм световых проемов на Чильхуджре позволяет еще ближе подойти к этому вопросу. При сооружении каждого светового проема Чильхуджры строителями замка учтены особенности помещения. В помещениях центрального ядра устроены щелевидные проемы, направленные сверху вниз и расширяющиеся внутрь. С наружной стороны, которая была первоначально одним из фасадов, они представляют узкую щель, еле приметную для глаза.

В периферийных коридорообразных помещениях световые проемы также небольшие и направлены сверху вниз. Но особого расширения внутрь, как в проемах центрального ядра, в них не чувствуется. Так как такой вид проемов давал меньше света, в некоторых из помещений (во всяком случае, в двух) были устроены коленчатые проемы, выходящие на второй этаж и пропускающие в помещения дополнительный свет.

Световой проем из помещения № 1 в помещение № 21 имеет достаточно большие размеры. Он выходит из помещения в помещение, а не наружу и никакой опасности в военное время не представляет.

Арочный световой проем в угловом помещении № 9, который одновременно выполнял роль тромпа, также имеет довольно большие размеры, тоже выходит на второй этаж и не представляет никакой опасности.

Световой проем в помещении № 6 южной анфилады хотя и выходил во двор, но имел небольшие размеры, так как был устроен на уровне первого этажа не очень высоко от уровня двора, который значительно выше пола помещения № 6. Зато проем помещения № 17, также выходящий во двор, был намного больше размерами, ибо находился на достаточной высоте от уровня двора и не представлял особой опасности даже в случае занятия двора неприятелем.

Для освещения пандуса было совершенно достаточно и того света, который поступал через небольшие трапециевидные проемы, расположенные примерно через каждые полвигтка. Все световые проемы без исключения были направлены

сверху вниз внутрь помещения, а расширение внутрь имели не все.

Конечно, освещение помещений не ограничивалось только световыми проемами. Какое-то количество света поступало и через дверные проемы. Возможно, над дверями, вставленными в арочных проемах, устанавливались деревянные решетки — панджара, фрагмент которых, кстати, найден в Чильхуджре, и через них в помещения проникал свет.

Таким образом, вопрос освещения в Чильхуджре, принимая во внимание условия раннего средневековья, был решен достаточно рационально и вполне логично.

Своды, тромбы, купола. Сводчатое перекрытие имели все помещения первого этажа (за исключением угловых башен № 9 и 3) и два распределительных коридора второго этажа, сообщающиеся с пандусом. Своды Чильхуджры коробовые, исключительно эллиптические. В их конструкции основную роль играют поперечные наклонные отрезки.

Кладка сводов наклонными отрезками широко применялась не только в сырцовых архитектурных памятниках раннего средневековья, но и в постройках из жженого кирпича более позднего времени, например в работе Даля Хатын, в мазаре Ша-Абду-Малик (Шишкин, 1940б, стр. 57) и др. Зодчие древней и средневековой Средней Азии «в совершенстве разработали методы возведения больших сводчатых перекрытий без применения капитальных кружал и опалубки, а также антисейсмические сводчатые конструкции. Своды выкладывались исключительно из местных строительных материалов» (Засыпкин, 1961, стр. 139).

Выше уже отмечалось, что в Хорезме для возведения арок и сводов применялся специально сформованный трапециевидный и очень редко обычный кирпич, а в центральных областях Средней Азии в кладку сводов и арок шел тот же прямоугольный стеновой сырец. Лишь в редких случаях для заполнения широких периферийных швов употреблялись специально сформованные сырцовые клинья или трапециoidalный сырец, примером чего могут служить некоторые своды в древнем Пенджикенте (Воронина, 1953а, стр. 221).

Помещения центрального ядра Чильхуджры своей шириной превосходят узкие коридоры системы периферийных помещений и тем более узенькие коридоры второго этажа. Именно этим и продиктовано то, что в помещениях центрального ядра основания сводов имеют двойные выступы, внешние коридоры — по одному, а коридоры второго этажа вовсе не имеют их.

Такие выступы оснований сводов служат для сокращения пролета и упрочения сводов. Выступы пят встречаются

почти во всех сводчатых помещениях раннесредневековых памятников Средней Азии. Пяты сводов в древнем Пенджикенте выступают из плоскости стены на 4—5 см (например, в здании № 1 шахристана) (Воронина, 1950, стр. 198). В сводах большого пролета (например, в здании № 3) характерен двойной выступ (Воронина, 1953б, стр. 17). Двойной выступ обнаружен также в замке Актепа, где каждый из выступов вынесен на 5—6 см (Воронина, 1948, стр. 150). Если в помещениях центрального ядра каждый выступ имеет вынос на 6,5 см, то четыре таких выступа — по два с каждой стороны — составляют 26 см и в результате в пролете скрадывается четверть метра.

Это скрадывание увеличивается и за счет постепенного напуска горизонтальных рядов сырца, уложенного до начала наклонных отрезков. Число горизонтальных рядов основания свода бывает разное. Например, в Актепа, близ Ташкента, прослеживается всего один такой ряд, а в одном из помещений здания III древнего Пенджикента число их достигает 15. В центральном коридоре здания караульно-казарменного типа на городище Калаи Кахкха I, в отличие от других помещений, у основания свода проложен всего один ряд сырца (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 38). И в сводчатых помещениях Чильхуджры основания сводов насчитывают 4—6 рядов горизонтальной кладки, а в одном случае (в помещении № 12) над пахсовыми блоками прослеживаются девять горизонтальных рядов сырцовой кладки. Следовательно, основание свода этого помещения состояло из большего числа горизонтальных рядов, чем своды других помещений, и, может быть, даже превышало сохранившиеся девять рядов.

Угол отрезков свода с вертикалью составляет $25-30^\circ$. В большинстве случаев первые отрезки, опирающиеся на щипцовую стену, имеют небольшой наклон, который постепенно все увеличивается. Это особенно хорошо видно в помещении № 3, где начальные отрезки, направленные на юг, имеют совсем незначительный угол наклона, который к северу все увеличивается и достигает почти 40° .

Своды, сложенные в технике поперечных наклонных отрезков, — обычное явление в доарабской архитектуре Средней Азии. В то время как в помещениях центрального ядра и в коридорах второго этажа пяты свода расположены строго на одном уровне, в периферийных комнатах-коридорах они находятся на разных уровнях. Хотя разница в их уровнях невелика (15—10 см), но асимметрия кривой сводов довольно явная. Эти своды имеют ощущимый наклон внутрь и создают впечатление контрфорсов.

Различие пят особенно видно в арках' внешних помещений (кроме южной анфилады). Здесь, как правило, внутренняя сторона арки опирается на наклонный выступ пахсово-го стилобата центрального ядра и во всех случаях без исключения уровень внутренней стороны имposta расположен выше внешней. Такая же картина была отмечена в арке главного входа замка Калаи Каахаха II (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 54).

Такой прием для памятников раннесредневековой Средней Азии не нов. Обычно, когда помещение или цепочка помещений ограничивает внешнюю сторону здания, пяты сводов располагаются на разных уровнях, чаще внутренняя выше внешней. В таких случаях своды получают вид «ползучих» и по принципу контрфорса смягчают распор внутренних сводчатых перекрытий здания. Эта особенность отмечена В. Л. Ворониной уже на Актепа, затем такие своды отмечены в древних памятниках Хорезма (Аязкала № 1), Согда (Пенджикент), Уструшаны (Мунчактепа, Калаи Каахаха I) (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 38). В таких случаях ясно наблюдается асимметричность кривой сводов. Своеобразный «ползучий» свод обнаружен в лестничной клетке Малой Кыз-Калы, где каждый последующий ряд отрезков свода постепенно отступает от предыдущего (Пильявский, 1947, рис. 13).

При выкладке сводов наклонными отрезками с увеличением угла между отрезками и стеной смягчается их давление на несущие стены. Эта особенность весьма ярко выражена в пандусе Чильхуджры. Здесь наклон отрезков свода отвечает наклону пола пандуса. Так как крутизна подъема пандуса увеличивается с высотой, соответственно увеличивается и угол наклона отрезков свода.

Пазухи сводов обычно заполняются сырцом или комьями сухой глины на глиняном растворе. Именно так заполнены пазухи свода в пандусе — сверху они были залиты глиной, которая служила полом второго этажа. В центральном ядре заполнение пазух сводов было выполнено иначе. Здесь стена до начала наклонных отрезков имеет толщину в два кирпича. Выше стена продолжается уже толщиной в один кирпич до вершины сводов и делит таким образом их пазухи на две симметричные части, которые были заполнены гравием.

В некоторых памятниках между двумя сводами выложен небольших размеров разгрузочный свод, на который приходится часть давления, что гарантирует прочность сводов. Такой разгрузочный свод в Средней Азии отмечен впервые на Аджинатепа (Литвинский, Зеймаль, 1964, стр. 84, 86). В Чильхуджре же в результате отсутствия такой разгрузоч-

ной арки полусводы имели меньшую прочность. Как отмечалось выше, своды помещений центрального ядра были пробиты в древности, а сами помещения заполнены гравием. Полусводы нависали над помещением, и после выемки заполнения один из них (в помещении № 19) рухнул.

Отметим еще одну любопытную деталь сводчатых перекрытий помещений Чильхуджры. Из трех параллельных помещений центрального ядра в восточном наклонные отрезки направлены с севера на юг, в среднем помещении — с юга на север, и в западном — опять с севера на юг. И в периферийной системе помещений своды устроены по такому же принципу. Здесь ни в одном месте наклонные отрезки двух соседних помещений не направлены в одну и ту же сторону. Например, в восточной анфиладе своды двух помещений опираются на стенку, разделяющую их, и направлены друг против друга. В северной анфиладе отрезки сводов двух помещений имеют встречный наклон. В западной анфиладе отрезки сводов не опираются на разделяющую помещения щипцовую стену: в северном помещении они направлены на север, в южном — на юг. В угловом же помещении, где сводчатое перекрытие является результатом перестройки, отрезки направлены на юг, навстречу наклону отрезков соседнего помещения № 1.

Южная анфилада состоит из трех помещений. Сохранились своды двух первых с запада помещений. В своде первого помещения (№ 6) наклонные отрезки опираются на западную, примыкающую к пандусному колодцу стену. В следующем помещении отрезки направлены в другую, восточную, сторону. Отрезки несохранившегося свода восточного помещения, надо думать, были направлены навстречу наклону свода предыдущего помещения.

Таким образом, направлением поперечных отрезков сводов в разные стороны смягчалось действие их на какую-либо из стен, служащих опорой для них.

Проем из помещения № 2 на предпандусную площадку слишком глубок, чтобы говорить о нем только как об арочной перемычке. Но так как он описан нами выше, здесь лишь упомянем, что в данном случае мы имеем свод, выполненный в технике клинчатой кладки, а не поперечных отрезков.

Таким образом, в Чильхуджре мы встречаем своды двух видов: 1) сложенные наклонными поперечными отрезками (рис. 74; все помещения первого этажа и коридоры второго этажа, кроме купольных, и пандус); 2) сложенные в технике клинчатой кладки (перекрытие проема из помещения № 2 в пандус).

Кроме того, свод над проемом из помещения № 2, встречаясь со сводом пандуса, образует легкую распалубку. Этот прием довольно редкий. Впервые он был зафиксирован в Варахше, где в большое сводчатое помещение выходят три небольшие коридора и пересекаются сводчатые оболочки (Нильсен, 1966, стр. 253; Шишгин, 1963, стр. 92).

Такой прием отмечен и в Барак-таме на пересечении свода одного из помещений нижнего этажа с перекрытием прохода в него (Неразик, Лапиоров-Скобло, 1959, стр. 88) и на Кой-Крылган-кале в месте пересечения проходов со сводами помещений I и V, где разница в высоте составляет в среднем 0,4—0,5 м («Кой-Крылган-кала», 1967, стр. 290).

Считалось, что техника кладки сводов отрезками совершенно исключает возможность распалубки и в помещениях с таким перекрытием дверные проемы обязательно расположены в торцовых стенах (Пугаченкова, 1950, стр. 22). Но вышеперечисленные случаи показывают, что такое утверждение не имеет основания.

В Чильхуджре зафиксировано три помещения с купольными конструкциями: угловые помещения № 3 и 9 башенного типа на первом этаже и небольшое трапециевидное в плане помещение № 17 во втором. Купольное помещение № 9 первого этажа в плане имеет форму несколько меньше четверти окружности. Переход от стен к куполу осуществлен при помощи тромпов, из которых полностью сохранились юго-восточный, юго-западный и частично северо-западный. Оболочка купола почти полностью разрушена; сохранился лишь небольшой фрагмент барабана над южной и западной стенами, нижний ряд кладки которого нависает над поясом тромпов в виде полочки на 6,5 см. Помещение № 3 имело точно такой план и аналогичную купольную конструкцию, но позже было перестроено и перекрыто сводом. Купольное помещение № 17 второго этажа сохранилось намного лучше. Здесь из четырех тромпов дошли до нас в очень хорошей сохранности три. Оболочка купола сохранилась почти до замка и была пробита лишь двумя расположенным рядом могильными ямами, одна из которых уничтожила юго-восточный тромп. В обоих случаях для возведения тромпов и куполов был применен все тот же прямоугольный стеновой кирпич среднего размера $50 \times 25 \times 10$ см. Кладка и там и здесь производилась кольцевыми рядами с радиальным (к центру кривизны) наклоном рядов.

В купольных помещениях № 17 и 9 все тромпы за исключением одного (юго-западного в помещении № 9) имеют конструкцию в виде «перспективных» арочек, вписанных друг в друга, сложенных из сырца по дуге плашмя тычком (рис. 22 и 65). Арочки тромпов имеют небольшую стрелу

подъема, почти полуциркульную кривую. Тромпы обмазаны глиной, и этим подчеркнута ступенчатость внутренней поверхности. Обмазка лучше всего сохранилась на северо-западном тромпе помещения № 17. В помещении № 9 обмазка тромпа выпала, благодаря чему стало ясно видно, что некоторые широкие швы между кирпичами заполнены керамическими черепками от толстостенных сосудов. Использование обломков толстостенных хумов в швах наиболее ответственных отлогих частей свода, по мнению Г. А. Пугаченковой для большей прочности, отмечено в Чильбурдже (Пугаченкова, 1958б, стр. 222).

Перспективный тромп такой конструкции на территории Шахристана был обнаружен в повороте подвального коридора Тирмизактепа. Здесь он состоит из двух арок, а угловая часть заполнена горизонтальной кладкой, состоящей из трех кирпичей. Тромп имеет трапециевидную форму и врезан в основание свода (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 121). Тирмизактепинский тромп конструкцией и формой очень близок тромпу на другом уструшанском памятнике — Мунчактепе; он также зафиксирован в углу при повороте коридора и имел то же самое назначение (Гайдукевич, 1947, стр. 103, рис. 52). Тирмизактепинский и мунчактепинский тромпы намного проще чильхуджринских.

Перспективные арочные тромпы были широко распространены в ряде раннесредневековых построек Хорезма (замки № 8, 36, Якка-Парсан, культовые сооружения, известные под названиями «дом» № 50 и «дом» № 115) (Толстов, 1948а, табл. 49; Неразик, 1963, стр. 6; Неразик, 1966, стр. 53, 85—90, рис. 29, 44, 45) и Ферганы (Воронина, 1953б, стр. 21, 22, 24), в Согда (Пенджикент и Афрасиаб) (Воронина, 1964а, стр. 72, 73, рис. 15; Шишкин, 1940а, стр. 66, рис. 3) и в Южном Туркменистане (Большая и Малая Кызкала) (Пугаченкова, 1958а, стр. 137—140; Пугаченкова, 1958б, стр. 231, 232, рис. 18—20), в Южном Таджикистане (Аджинатепа) (Литвинский, Зеймаль, 1964, стр. 84), а также в ряде построек IX—X вв.—Харамкешке, Акуйликошуке, Кызыби и др. (Пугаченкова, 1958б, стр. 232, рис. 19). Но между тромпами IX—X вв. и нашими имеется небольшое отличие: кривые первых имеют легкую заостренность в замке каждой арочки, а наш тромп имеет четкие и правильные кривые без какой-либо заостренности. Перспективные тромпы Чильхуджры выглядят несколько арханчно, так как стрельчатые (даже с едва заметной стрельчатостью) тромпы являли собой прогрессивное явление в архитектуре и их стрелки «играли роль шарнира, что имело особо важное значение в сейсмически опасных районах» (Пугаченкова, 1958б, стр. 227). В силу своей прогрессивности стрельчатая кон-

струкция, особенно арок и сводов, полностью заменяет собой в последующие века другие формы.

Весьма интересное устройство имеет юго-западный тромп в помещении № 9. Здесь собственно функцию тромпа выполняет арочный проем (рис. 60 и 61), призванный, по-видимому, выполнять и роль источника света и вентиляционного продуха. Технику кладки и построение арки этого проема-тромпа мы изложили выше. Замок арки располагается несколько выше верхней точки юго-восточного и северо-западного тромпов, что, очевидно, продиктовано конструкцией тромпа. Над аркой тромпа до пятнышка купола проложен всего один ряд сырцовой кладки, в то время как над другими тромпами лежат по три ряда кладки. Но это конструктивное различие тромпов нисколько не сказывается на симметрии купола, что ясно наблюдается в сохранившейся части барабана.

Конструкция тромпа в виде арочного проема пока не встречает аналогий в архитектуре Средней Азии рассматриваемого периода и, по-видимому, является уникальной. Первую до сих пор известную попытку использовать тромп как источник света мы встречаем в одном памятнике более позднего времени в Южном Туркменистане. Речь идет о доме в Кишмане, датируемом IX—X вв. Здесь сохранился тромп с двумя уступами. Его угловая часть возведена в виде сомкнутого свода и прорезана двумя узкими щелевидными оконными проемами (Пугаченкова, 1958б, стр. 232, рис. 22). Но это далеко не такой смелый как в Чильхуджре прием.

Более совершенную форму такой конструкции мы видим в мавзолее Саманидов. Здесь арка тромпа разделена на две части полуаркой, призванной гарантировать ее прочность. Она переброшена от угла помещения к замку арки. С двух сторон полуарки прорезано по одному световому проему, довольно маленьких размеров (Засыпкин, 1948, стр. 32, рис. 18). А в чильхуджринском тромпе арка изнутри совершенно пуста и лишена дополнительных элементов. Это еще раз подчеркивает высокое мастерство зодчих Уструшаны, смелость их приемов и вносит значительные корректиры в датировку первых опытов использования тромпов как источников света.

Тромпы — неотъемлемая часть купольных перекрытий. В архитектуре Средней Азии VI—VIII вв. встречено небольшое количество сохранившихся купольных перекрытий. Описание некоторых из них даны в капитальном труде В. А. Нильсена (1966, стр. 256 и сл.). Такие сооружения обнаружены на Афрасиабе (Шишкин, 1940а, стр. 65—70), на Актепе, близ Ташкента (Воронина, 1953б, стр. 21), в древнем Пенджикенте (Воронина, 1964а, стр. 72, 73), на городи-

ще Акбешим (Кызласов, 1959, стр. 170, 171; Хмельницкий, 1959, стр. 258), на кабадианском Мунчактепе (Мандельштам, Певзнер, 1958, стр. 312), на Аджинатепе (Литвинский, Зеймаль, 1964, стр. 84) Южного Таджикистана, в мервской Малой Кызкале (Пугаченкова, 1958а, стр. 138) и в трех памятниках Беркуткалинского оазиса — в замке № 36 (Толстов, 1948а, стр. 146, 147, 149), в так называемых «домах» № 50 и 115 (Неразик, 1966, стр. 85—91). Все эти купола перекрывают квадратные в плане помещения (здесь речь не идет о помещениях круглой формы, как в угловых помещениях Актепе). В отличие от них наши купола перекрывают помещения, имеющие в плане форму четверти круга и трапецию. По-видимому, из-за трапециевидного плана помещения № 17 (рис. 10) сводчатая оболочка перекрытия между тромпами слегка приплюснута и купол в целом принял неправильную форму. Видимо, перекрыть помещение такого плана было делом довольно нелегким и требовало от мастера определенных навыков и умения.

Исключительно трудную задачу взял на себя мастер, перекрывая куполом угловое помещение № 9. Ему нужно было четверть круга превратить в полный круг. Зодчий выполнил с честью эту задачу при помощи трех тромпов, к тому же различных конструкций. К сожалению, о правильности формы этого купола мы не можем судить, так как сохранилась слишком ничтожная часть купольной оболочки.

Несколько слов о входах купольных помещений Чильхуджры. В раннем средневековье входы во всякие помещения были расположены заподлицо какой-нибудь из стен. Вход по оси помещения составляет редкое исключение. Такое расположение входа мы встречаем в основном в помещениях торжественно-парадного или культового назначения, например, в парадных четырехколонных залах Пенджикента, во всех муг-хона, курумах, наусах и т. д. Большинство перечисленных купольных помещений также имеют вход по оси. Исключение составляют купольные помещения на Афрасиабе (два проема из трех расположены почти по осям комнаты), купольная пристройка беркуткалинского замка № 36, «дом» № 115 из той же группы Беркуткалинского оазиса и купольное помещение в Малой Кызкале (один из двух проемов в углу).

Расположение проемов по центру обеспечивало прочность всего купольного сооружения, при угловом же расположении арка проема попала бы под один из тромпов и поставила бы под сомнение его прочность.

В купольных помещениях Чильхуджры проемы расположены заподлицо с одной из стен. Правда, в помещении № 9 тромпы находятся намного выше арки дверного проема, но

это не влияет на прочность всего перекрытия. В помещении № 17 северо-западный тромп одним крылом опирается прямо на арку дверного проема. Мастер смело выбрал такой прием и не ошибся, свидетельство тому — невредимость арки проема и всего купольного сооружения, дошедшего до нас через тысячу с лишним лет.

Что можно сказать о назначении купольных помещений Чильхуджры? Помещение № 9, несомненно, выполняло функцию углового башенного объема, хотя при его планировке купольное перекрытие было самым неудобным. Наличие купола над этим помещением можно считать исключительным, уникальным решением.

Помещение № 17 прежде всего отличается своими малыми размерами. В отличие от других помещений, его стены были тщательно обмазаны мелко отмученной глиной и гладко затерты. В стенах имеются нишки, видимо, для светильников, от которых осталась копоть в нишках и вокруг них. Почти вся площадь помещения, кроме небольшого пространства у входа, занята кирпичной возвышенностью в виде сухи. Помещение расположено, как-то изолированно, сообщается лишь с коридором, ведущим в Малый зал. В этом коридоре не обнаружено никаких световых проемов, и, как можно предполагать, из коридора в купольное помещение свет почти не проникал. Изолированность помещения еще резче подчеркивает его дверной проем, самый низкий во всем здании (рис. 66). Без дверей через арку проема входить приходится сгибаясь. А если учесть, что дверь здесь была очень низкой (о чем можно судить по следам верхней горизонтальной балки дверной коробки), то тогда уже входить в него приходилось основательно сгибаясь. Возможно, и это было сделано для большей изоляции помещения. Не исключено, что угловое расположение входа было вызвано теми же соображениями: чтобы в поле зрения открывшего дверь не сразу попадался человек, сидящий на сухообразной возвышенности слева от входа, или само это место.

Почти все исследователи, говоря о функциях купольных помещений раннесредневекового периода, считают, что все они в той или иной мере связаны с культом. Например, культовое назначение самых древнейших купольных сооружений — муххона, курумов, а позднее и наусов не вызывает никакого сомнения (Нильсен, 1966, стр. 256, 257). С. П. Толстов доказал культовое назначение купольного помещения в замке № 36, а Е. Е. Неразик — купольных «домов» № 50 и 115. Бессспорно и культовое назначение купольной комнаты в акбешимском храме. В. Л. Воронина также видит в купольном помещении Актепа (не в круглых угловых башнях, а в квадратном) комнату культового назначения. Не исключ-

чено, что и другие купольные помещения, назначение которых не определено точно, были призваны выполнять ритуально-культовые функции.

Купольные перекрытия встречаются чаще всего там, где в них нет никакой необходимости, порой даже там, где возвведение купола менее выгодно в конструктивном значении. Видимо, и само название купола и его форма, ассоциирующаяся в сознании людей той эпохи с небесным сводом, имели символическое значение. «Очевидно, это символическое значение купола сохранилось и столетия спустя, при новой идеологии общества, связанной с исламом. Это подтверждается наличием в наиболее ранних постройках послеарабского времени купольных конструкций, в первую очередь для перекрытия погребальных сооружений — мазаров» (Нильсен, 1966, стр. 260), которые получили дальнейшее развитие, совершенствование и широкое распространение в последующие столетия.

Исходя из всего изложенного, мы склонны видеть в купольном помещении № 17 комнату культового назначения — домашнюю «молельню», «часовню» или «святилище», где проводились обряды какой-то местной религии, скорее всего варианта зороастрской веры. Копоть на стенах и про-каленность стен может свидетельствовать о том, что здесь горел вечный, священный огонь. (Прокаленность стен и копоть на них никак нельзя считать следами пожара, так как в этом помещении его не было). Несколько смущает отсутствие алтаря или площадки для вечного огня, но вполне можно допустить, что она просто не сохранилась и не дошла до нас.

Наличие домашних святилищ не редкость в архитектуре раннесредневековой Средней Азии. Например, в крупных зданиях древнего Пенджикента выявлено около десятка молелен-капелл (Воронина, 1964а, стр. 67—72, рис. 11—14). Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что купольное помещение № 17 на Чильхуджре имело ритуально-культурное назначение.

Пандус. Пандус Чильхуджры представляет собой сводчатый бесступенчатый подъем, спирально вьющийся вокруг круглого центрального столба. Столб состоит из пахсового внутреннего стержня, утолщенного винтообразной накладкой толщиной в один ряд пахсы, на верхний срез которого опирается винтообразно поднимающийся свод, сложенный из наклонных отрезков (рис. 20). Крутизна подъема пандуса увеличивается с высотой: в нижних частях он относительно пологий, в верхних — более крутой (рис. 67). Сечение центрального столба в верхних частях несколько меньше, чем внизу (рис. 68). Стены пандуса сложены из блоков пах-

сы, которые поднимаются уступами в соответствии с подъемом уровня. Стены переходят в свод без нависания, столь типичного для всех помещений первого этажа: В нижних и верхних участках пандуса (кроме среднего), стена составляет два ряда пахсы, между которыми проложено два ряда сырца. Небольшой участок стены несколько ниже выхода на второй этаж имеет в основании сырцовую кладку (максимальное количество рядов доходит до семи). Перепад основания свода имеет скачкообразный характер, так как блоки пахсы уложены почти горизонтально. При выходе на второй этаж стены пандуса образуют единственный прямой угол, которому отвечает и угол на столбе.

Как отмечалось выше, свет в пандус попадал через небольшие трапециевидные световые проемы, два из которых сохранились выше выхода на второй этаж.

У выхода на второй этаж наклонные отрезки свода пандуса выпрямляются перпендикулярно входу и переходят в клинчатую кладку арочной дверной перемычки — прием до сих пор нигде не отмеченный и, по-видимому, уникальный.

Шахта пандуса не совсем вертикальна, а имеет некоторый наклон к центру здания. Этот наклон, видимо, сделан специально для большей устойчивости пандусной башни.

Пандус Чильхуджры, связывающий между собой два этажа и кровлю здания, — не единственный на территории Шахристана. Во втором раннесредневековом слое холма Уртакурган, расположеннем в непосредственной близости от Чильхуджры, были обнаружены остатки пандусного сооружения, выводящего на крышу (Негматов, Салтовская, 1962, стр. 86, рис. 11). Аналогичные уртакурганским остатки пандуса были отмечены в Тирмизактепе (помещение № 8) (Негматов, Зеймаль, 1961, стр. 72).

Пандус лучшей сохранности был обнаружен в Шахристанском замке Қалай Қахқаха II. Здесь полностью сохранилась ходовая часть всех шести колен, выводящих с нижнего яруса на средний и верхний, и сводчатое перекрытие двух нижних колен (Негматов, 1959в, стр. 122, 123; Негматов, Зеймаль, 1959, стр. 214, 215, рис. 4).

Все перечисленные выше пандусы отличаются от нашего прежде всего тем, что вьются они вокруг прямоугольного, а не круглого центрального столба. Кроме того, пята свода в замке Қалай Қахқаха II отмечена выносом одного ряда сырца в виде полочки, в то время как в Чильхуджре стены пандуса переходят в свод плавно, без выступов.

Пандусы в большом количестве отмечены в шахристане древнего Пенджикента, например, на объектах III, VI, VII, IX, XII, XVII и т. д. Иногда на одном объекте встречается сразу несколько пандусов. На объекте III, например, их бы-

ло четыре (Беленицкий, 1958, стр. 114, 120, 123; 1962, стр. 96, 97, 100, рис. 12; 1964, стр. 55, 62; Воронина, 1953а, стр. 106, 108, 112; 1958, стр. 200—202). Все они опять-таки имеют прямоугольный в плане центральный столб, часто квадратный, и соответствующую общую конфигурацию.

Пандусы обнаружены в домах № 1, 3, 4, 5, 9 пригорода древнего Пенджикента (Большаков, Негматов, 1968, стр. 160, 166, 171, 175, 183; Воронина, 1958, стр. 203, 205—208), с тем только отличием, что они не квадратные в плане, как в шахристане древнего Пенджикента, а несколько вытянутых очертаний. Такое же вытянутое очертание имеют их центральные прямоугольные столбы.

Довольно сложный, близкий по типу к пенджикентским, коридорно-пандусный подъем был зафиксирован в крепости Калаи Боло (Давидович, Литвинский, 1955, стр. 89 и сл.). Внутри крепостной стены второго периода имелся коридорно-пандусный подъем к парапету стены, а в одном из южных помещений начинался лестничный подъем к парапету (Давидович, Литвинский, 1955, стр. 85). Пандус, выводящий на верхнюю площадку, имел прямоугольную форму и занимал довольно много места. Внутристенный же подъем не занимал полезной площади крепости, хотя для его укрепления с внутренней стороны стены была приставлена дополнительная прикладка.

Почему чильхуджринский пандус имеет в плане именно круглую форму, а не прямоугольную, которая обычна для всех известных до сих пор в Средней Азии пандусов? Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем наши шахристанские пандусы.

В Шахристане, до раскопок в Чильхуджре, были обнаружены три пандуса. Тирмизактепинский пандус сохранился плохо, фактически до нас дошло лишь одно его нижнее колено. Это коридор шириной в 1 м с наклонным полом. Пандус выводил на крышу здания (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 26). Судя по наклону (около 40°) и длине первого колена (5,5 м) и учитывая предполагаемую высоту всего здания, пандус имел не больше четырех колен и все они имели прочное глинистое основание (возможно, кроме четвертого).

Остатки уртакурганского пандуса, расположенного в юго-восточном углу здания, также представляют собой коридор шириной в 70 см с наклонным полом (более 30°) (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 27, 28). Здесь также сохранилось всего одно колено, но между ним и соседним помещением № 8 довольно обширное пространство, забутованное прочной битой глиной. По площади забутовки можно предположить, что центральный столб был

слегка вытянутой прямоугольной формы. Пандус, по-видимому, имел не более четырех и не менее трех колен и выводил на кровлю здания. И здесь все колена располагались на пахсовой основе.

Более сложную конструкцию и лучшую сохранность имеет пандус замка Калаи Қахқаха II. Он состоит из шести колен. Три первых колена выводят с нижнего яруса на средний, следующие три — со среднего на верхний (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 63—65). Первые четыре колена расположены на плотной и прочной пахсовой забутовке и только ходовые части двух верхних колен проходят по верху свода двух нижних.

Пандусы на Тирмизактепе и Уртакургане из помещения выводили на крышу, а в замке Калаи Қахқаха II пандус связывал три яруса. Все три пандуса имели, по сравнению с чильхуджринским, меньшую высоту. То же самое можно сказать о всех пенджикентских пандусах, которые связывали или только одноэтажный дом с крышей, или первый этаж со вторым в двухэтажном здании. Чильхуджринский же пандус с первого этажа выводил на второй, а затем, продолжаясь дальше, выходил на крышу. Если бы вместо круглого в плане пандуса здесь построили прямоугольный, то до крыши потребовалось бы одиннадцать колен, так как при современном решении до выхода на крышу было два и три четверти витка (из них сохранилось около двух с половиной витков). При прямоугольном устройстве пандуса появилось бы десять внешних углов — по одному при повороте каждого колена. Потребовалось бы по одному дополнительному вспомогательному устройству в каждом углу (вроде тромпа и т. д.). Очевидно, при такой большой высоте и большом количестве углов и поворотов прочность всей пандусной башни попала бы под сомнение. Кроме того, вся пандусная башня имеет наклон к зданию, а при прямоугольном решении это, возможно, было бы неудобно и рискованно.

По-видимому, мастера выбрали круглую планировку еще и потому, что при такой конструкции легче было выкладывать винтообразный свод по способу веерообразной кладки, избегая всяких ослабляющих конструкцию углов. К прочности конструкции пандуса стремились главным образом из-за большой высоты. Ведь фактически лишь один виток имел прочное пахсовое основание, а ходовые части остальных витков покоялись на сводах нижних витков.

Видимо, круглый план пандуса не только был выгоднее, в смысле конструктивных удобств при большой высоте, но и гарантировал большую прочность. Кроме того, не последнюю роль играла экономия стройматериала.

Что касается прочности чильхуджринского пандуса, то он дошел до нас в целости и сохранности во всех деталях почти на всю свою высоту, кроме менее одной трети верхнего витка самого пандуса и сводчатого перекрытия около одного витка, выветренных и смытых осадковыми водами. По нему в течение пяти лет раскопочных работ ходили рабочие и сотрудники и до сих пор ходит нескончаемый поток экскурсантов.

Прочность круглого решения подтвердила и в дальнейшем, в более поздних сначала сырцовых, а затем и сложенных из жженого кирпича винтообразных лестницах минаретов. В таких высоких минаретах, как бухарский Манори Калон, Вабкентский, Ургенчский и др., лестницы устроены винтообразно и в плане имеют круглую, слегка сужающуюся кверху форму. Кстати, и пандусная шахта Чильхуджры также сужается кверху. Такое конструктивное решение выдержало на протяжении длительного времени испытание и вошло широко распространенным элементом в конструкцию многих вертикальных сооружений — минаретов, винтообразных внутрипортальных лестниц и т. д.

В круглом решении пандуса, видимо, не последнюю роль сыграла конфигурация угла всего здания, где стоял пандус. Речь идет об угловой башне, которая поднималась до уровня полоз второго этажа.

Таким образом, конструкция и форма пандуса Чильхуджры была самым удобным, прочным, рациональным и прогрессивным решением и является пока единственным, уникальным в своем роде среди прочих пандусов, известных в раннесредневековых архитектурных памятниках Средней Азии.

Обходная галерея. Как отмечалось выше, в западной стене предпандусного коридора на втором этаже имеется проход, ведущий на галерею, которая тянулась вдоль западного фасада здания на уровне второго этажа (рис. 69). Основанием галерей служат своды и внешние стены наружных помещений первого этажа. Галерея окружена массивным сырцовым парапетом. Она, значительно сужаясь, продолжается и вокруг пандусной башни (рис. 70). Здесь она сохранилась в виде узкого обходного коридора на длину около 9 м, после чего парапет внезапно обрывается, прорезанный, видимо, проемом, другая сторона которого не сохранилась.

Говоря об этом проеме, можно вспомнить о тех деревянных выносных балкончиках, которые изображены на замке Аникковского блюда (Нильсен, 1966, стр. 196) и на замке из стенной живописи помещения № 13 объекта VI древнего Пенджикента (Беленицкий, 1959, табл. XIII, XV). В обоих памятниках — торевтики и живописи — балкончики находят-

ся по углам замков, и в Чильхуджре описываемый проем обнаружен в углу здания. Это дает нам основание предположить, что и здесь некогда существовал деревянный выносной балкончик.

Надо полагать, галерея, продолжаясь, огибала весь второй этаж по периметру внешних стен и смыкалась. Накладка плана второго этажа на план первого вполне допускает и даже подтверждает такое предположение.

Среди археологических памятников пока нет прямых аналогий нашей галереи. Единственной аналогией может служить открытая галерея на изображении замка на Аниковском блюде, окруженная парапетом, увенчанным трехступенчатыми зубцами — кунгра (речь идет не о карликовой галерее с аркадой, которой увенчан второй этаж, а об открытой галерее на уровне верха первого этажа). Такой же парапет изображен вокруг кровли второго этажа.

Внешняя открытая галерея замка, изображенного на Аниковском блюде, очень близка галерее Чильхуджры. Она явно призвана выполнять фортификационные функции. На галерее стоят защитники замка. Но почему же в стенах самого замка нет ни бойниц, ни других фортификационных элементов?

Мы знаем, что в древних городах, крепостях, замках с дворами бойницы делали в теле стены, если толщина стен это позволяла. А если толщина стен была значительной и бойницы делать в них не было возможности, то у внешнего края верхнего обреза стены устраивались брустверы со щелями, зубцами или просто парапетом, за которым располагались защитники в военное время. Видимо, права Г. А. Пугаченкова, которая реконструирует с такими парапетами и зубцами городские стены Нисы, Мерва и других античных памятников Южного Туркменистана (Пугаченкова, 1958а, глава вторая).

На раннесредневековых памятниках парапеты не сохранились из-за недолговечности стройматериала. Но они, несомненно, были. Парапеты на городских, крепостных стенах, вокруг внешних краев башен и т. д. сохранились во множестве городов и крепостей позднего средневековья (см., например, Марафиев, 1967). Изображение таких банкетов можно во множестве встретить в средневековых книжных миниатюрах (см., например, «Миниатюры рукописи «Бабур-намэ», 1960, репродукции 2, 5, 35, 67).

Но все вышесказанное касается городов, крепостей и замков с дворами. А как же защищались замки башенного типа без окружавших их со всех сторон дворов? В таких случаях фортификационные функции должны были возлагаться на сами замки. Они обеспечивались башнями, открытыми галереями с парапетами и зубцами и, если позволяла

толщина стен, — бойницами. Иногда даже и в тех случаях, когда замки были окружены достаточно защищенными дворами, они укреплялись по верхнему внешнему краю брустверами.

Ряд памятников, стоявших в открытом месте без окружающих дворов типа мервских Большой и Малой Нагимкалы, Большой и Малой Кызкалы, замка, изображенного на Аниковском блюде, должны были иметь достаточные для защиты элементы фортификации и они их имеют. Наша Чильхуджра хотя и имеет двор, но окружена им не со всех сторон, да и двор недостаточно укреплен, хотя не лишен некоторых элементов фортификации (коленчатый пандусный подъем во двор, предвратная башня и т. д.). Поэтому сам замок должен был быть сильно укреплен. Так как толщина стен замка (она достигала 4, а местами 5—6 м) не позволяла устраивать в них бойницы, оставался один способ его укрепления — обходная галерея с парапетом. Кстати, замок, изображенный на Аниковском блюде, также не имеет бойниц, и мы защитников видим только на открытых галереях за парапетами. Устройство внешних обходных галерей было, видимо, традиционной формой архитектуры, не исключавшей древние средства защиты.

Говоря о галерее и ее устройстве, невольно вспоминаешь о большом количестве камней, которыми были заполнены помещения № 6 и 7. Зачем они были нужны? Для поднятия пола до определенного уровня? Но это можно было сделать при помощи лёсса или гравия. Не для военных ли целей нужны были эти камни весом от 3 до 8—10 кг и не из описываемой ли галереи кидались они по врагу? Такое предположение кажется нам правдоподобным. Конечно, было бы удобнее держать эти камни на втором этаже, ближе к галерее, но такое большое количество камней давило бы своим огромным весом на сводчатые перекрытия помещений первого этажа и могло продавить их.

Мы не знаем, имелись ли над парапетом зубцы вроде, скажем, кунгра. Возможно, они имелись и выложены были из пахсы. Но утверждать это категорически рискованно. От перекрытия над галереей никаких следов обнаружено не было. Но перекрытие несомненно было, ибо строители и зодчие, так тщательно продумавшие архитектуру замка, не могли допустить, чтобы камни, стрелы, горящие и кипящие жидкости, адресованные врагу, попадали в защитников, находящихся на галереях уровня второго этажа. Разрушительное действие осадковых вод на сырцовые здания также вынуждало строителей перекрывать галерею кровлей, хотя бы легкого типа.

На галерею выводил бесформенный проем из предпан-

дусного коридора, но он был пробит позже. Так где же был первоначальный выход из помещения второго этажа на галерею? При описании группы комнат к западу от Большого зала было сказано, что из помещения № 16а в сторону помещения № 16б имелся проем и что он был найден заложенным. Возможно, выход на галерею осуществлялся из этого проема через помещение № 16б. Какая-то причина, возможно, разрушение помещения № 16б, заставила обитателей заложить этот проем и выход на галерею пробить через предпандусный коридор. Наконец, можно сделать предположение, что такая галерея с парапетом имела место и над вторым этажом (как на замке, изображенном на Аниковском блюде). Это позволило бы защитникам замка удвоить линию и силу защиты.

На правильность наших выводов мы отнюдь не претендуем, так как понимание всего устройства и функций такой галереи в VI—VIII вв. затруднено тем, что среди памятников этого или близкого к этому времени нет никаких аналогий, сохранившихся если не полностью, то хотя бы частично. Единственной близкой аналогией остается памятник, изображенный на Аниковском блюде.

О НАЗНАЧЕНИИ ДВОРОВЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Что можно сказать о назначении дворовых построек? Устройство помещения № 22 говорит само за себя. Обнаружение трех тануров и двух очагов полностью оправдывает название «кухня», данное нами этому помещению. К такому названию можно добавить еще слово «пекарня» и называть эту комнату «кухней-пекарней». Очаг, обнаруженный рядом с южным тануром, своим устройством в некоторой степени напоминает очаг в замке на Калаи Қахқаха II (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 68, рис. 38); отличие в том, что қахқахинский очаг частично вдается в стену, а наш, наоборот, выступает.

Тануры такой конструкции, как в дворовых помещениях Чильхуджры, уже не редкость в археологии Средней Азии. Они встречались как в самом Шахристане, так и в археологических памятниках сопредельных районов. Так, танур, сделанный из хума с пробитым дном и перевернутого вниз венчиком, был найден в соседнем Уртакургане (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 15, 16). Он примыкал к северному концу южной суфы центрального коридора второго слоя. Максимальный внутренний диаметр хума, как и в некоторых наших, достигал 64 см при высоте 69 см. Хум снаружи был обложен сырцом и обмазан толстым слоем глины.

Пекарня с четырьмя танурами была вскрыта в замке Актепа близ Ташкента (Тереножкин, 1948, стр. 55, рис. 4). другая пекарня из двух тануров обнаружена в помещении № 5 кухандиза древнего Пенджикента (Тереножкин, 1950а, стр. 85, 93). Все они однотипны. Пенджикентские тануры отличаются только наличием спереди внизу отверстий-поддувал. Танур из перевернутого хума обнаружен в хозяйственном помещении поселения Калан Муг в бассейне Магиан-Дары (Ставиский, 1959, стр. 74). Иного характера тануры Аджинатепа. Они сделаны в виде специально выделанного сосуда без дна с равномерно расширяющимися книзу стенками, закраиной-венчиком сверху и отверстиями книзу для тяги. Сосуды эти обмазаны снаружи глиной и галькой и облицованы кирпичами (Литвинский, Зеймаль, 1964, стр. 81), чем близко напоминают один из вариантов позднейших таджикских тануров.

Помещение № 26, в котором находятся танур и очаг, видимо, было вспомогательным.

Остальные помещения, кроме башни, были жилыми. Башня же охраняла подступы ко входу во двор и вообще ко всему комплексу с легко доступной юго-восточной стороны замка.

Помещение № 23 своей планировкой близко напоминает четырехколонные залы Пенджикента, Калаи Каахаха II и Уртакургана. Отличие в том, что здесь не выделена какая-либо из суп, не подчеркнуто ее главенствующее положение, не было колонн (во всяком случае не обнаружены их следы) и вход в него расположен не заподлицо какой-нибудь стене, в углу, а в центре северной стены.

Перекрытие всех дворовых помещений, несомненно, было плоским деревянным: об этом говорят как конфигурация и размеры помещений, так и остатки сгоревших деревянных конструкций в виде угольков, золы в завале и следов огня на полу и на стенах.

Теперь остается решить вопрос о главном входе в основное здание. Как было отмечено, из основного здания наружу был проем только в восточной стене помещения № 12 первого этажа. Других проемов или их следов нигде обнаружено не было. Выход наружу не мог располагаться на втором этаже, так как уровень второго этажа намного выше уровня двора. Никаких пандусных подъемов со двора ко второму этажу также обнаружено не было.

Итак, остается только проем в помещении № 12. Но уровень полов первого этажа значительно ниже уровня двора. Если предположить, что основное здание сообщалось с двором через проем помещения № 12 и северо-восточный угол двора, где сохранившаяся часть стены двора не доходит до

основного здания, то большая разница в уровнях и близость расстояния заставила бы устроить пандусный подъем слишком крутым. Так что этот вариант отпадает.

Как было отмечено при описании всего холма, по восточному склону шла тропинка прямо к тому месту, куда сейчас выходит проем из помещения № 12. Тропинка шла по довольно заметной площадке, которая, как выяснилось после раскопок, проходила мимо входного сооружения двора. Разница в ее уровнях невелика: она имеет едва заметный наклон в сторону основного здания, т. е. к северу.

Вполне возможно, что замок сообщался с внешним миром без посредства двора. Площадка (по-видимому, специально разровненная), ведущая с юга ко всему комплексу, у ворот двора разветвлялась: одна ее ветка, повернув налево, вела во двор, а другая, продолжаясь прямо, — к кешку. Ведь хозяину кешка или его высокопоставленным гостям обязательно было попадать во двор, прежде чем попасть в парадное здание. Двор, видимо, имел в основном хозяйственное назначение. Но такое устройство входа в основное здание было выгодно не только в смысле парадности, а и в фортификационном значении.

Хотя нет никаких следов хода со двора в кешк, нужно полагать, что он где-то был. Не исключено, что такой ход был с крыши восточной группы помещений двора на галерею на уровне второго этажа. Может быть, такой переход осуществлялся с помощью какого-нибудь вспомогательного сооружения, например перекидного моста, который мог быть легким деревянным и перебрасывался со стороны кешка на сторону двора. Такое устройство имело бы фортификационное значение, обеспечивая защитников замка большой подвижностью в военное время.

Таким образом, самым правильным решением вопроса об устройстве входа в кешк нам кажется самостоятельное его расположение, подход к нему мимо двора, а не через него.

Здесь же нам хотелось бы изложить свои суждения о предположительной численности защитников замка.

Так сколько же воинов могло одновременно принять участие в защите замка? Это не трудно подсчитать. Предположим, что воины становились за парапетами галерей второго этажа и крыши второго этажа по одному через каждый метр. Длина западной и восточной галерей над первым этажом (С—Ю) по 22,5 м, а северной и южной — по 20 м. Следовательно, круговая длина всей галереи по периметру внешних стен первого этажа 85 м. Если за счет расширения галерей над башнями добавить еще хотя бы 5 человек, то это будет значить, что только на галереях второго этажа могли разместиться одновременно 90 человек.

Второй этаж, также представлявший собой в плане слегка вытянутый прямоугольник, имел в длину 21 м (С—Ю), а в ширину 17 м (З—В). Отбрасываем по одному метру с каждой стороны на парапет и получаем длину и ширину соответственно 19 и 15 м. Умножив на два каждую цифру и сложив результаты, получаем сумму 68 м, т. е. внутренний периметр парапета над крышей составлял 68 м; округляя цифру, можем предположить, что на крыше второго этажа могли разместиться 70 человек.

Для доставки камней из помещения первого этажа на галерею второго этажа и крышу, безусловно, требовалось около 15—20 человек. Итак, сложив все цифры, приходим к выводу, что в защите одного основного здания замка могли принять участие около 170—180 человек.

Это еще не все. Немалое число воинов могло еще располагаться за парапетами стен и крыш дворовых построек. Прямоугольный двор имел в длину не менее 20 м (по сохранившимся частям). С трех сторон двора (кроме северной, примыкающей к основному зданию) его могли бы защищать 60 человек. Еще хотя бы по 5 человек могли разместиться в двух угловых выносных башнях. Значит во всем дворе могли бы вести огонь по врагу не менее 70 человек. Количество же всех защитников замка, включая основное здание и двор, по самым грубым расчетам могло достигнуть около 250. Если учесть еще большую подвижность их по предполагаемому нами перекидному мосту, то такое количество людей представляло собой довольно грозную силу для неприятеля.

В случае занятия врагом двор мог быть обстрелян с галереи и с крыши основного здания. При занятии же обоих этажей кешка защитники могли продержаться какое-то время на крыше, закрыв выход из пандуса.

Не случайно также расположение замка у источников.

Хотя эти суждения и априорны, но нам они кажутся достаточно обоснованными и правильными.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ ЗАМКА

Кешк Чильхуджры пережил несколько строительных периодов. Исследования выявляют по меньшей мере три наиболее крупных этапа в жизни здания, каждый из которых связан со значительным изменением его облика. К первому, самому раннему, периоду должно быть отнесено центральное ядро, ко второму — западная, северная и восточная анфилады периферийной системы помещений и, паконец, к третьему — южная анфилада и весь второй этаж.

Центральное ядро состоит из четырех помещений. Все они составляют одно целое и вместе в плане имеют форму правильного квадрата. В одновременности всех четырех помещений нет никакого сомнения — стены их сложены в одинаковой технике «комбинированной кладки тип № 3», имеют одинаковое устройство и располагаются на одной платформе. Упомянутая техника не встречается в других частях здания. Кроме того, все четыре помещения демонстрируют единство планировочного замысла.

Главный вход в это первичное здание был расположен в западном конце поперечного коридора заподлицо с северной его стеной и был перекрыт арочной перемычкой, сложенной в технике клинчатой кладки. Этот проем впоследствии был закрыт сырцовым столбом, выложенным для прикрытия обрушившейся части свода помещения № 20. Открытой осталась левая изнутри щековая стена и часть кривой свода.

Из поперечного коридорообразного помещения были прорезаны проемы в помещения № 19 и 21. Вход в помещение № 21 был расположен заподлицо с западной его стеной, рядом с главным входом. Он также был закрыт упомянутым столбом.

Ко второму строительному периоду относятся западная, северная и восточная анфилады системы периферийных помещений. Они расположены ниже центрального ядра и отличаются более узкими пропорциями и большей стрелой подъема сводов. Прежде чем пристроить эти внешние помещения, наружные стены центрального ядра укрепили дополнительным кожухом толщиной почти 1 м.

Взаимосвязь первоначальной стены центрального ядра, дополнительного кожуха и основания сводов внешних коридоров очень ясно наблюдается в световом проеме, пробитом после первой пристройки из помещения № 18 центрального ядра в помещение № 5 внешней системы коридоров. В немного наклонном шве между первоначальной стеной и дополнительным кожухом хорошо сохранилась глиняная с примесью мелкого самана обмазка. Такие же швы и тоже с обмазкой ясно наблюдаются в маленьком помещении № 19а, условно названном «тайником», и в световом проеме из помещения № 21 в помещение № 1. «Тайник», по всей вероятности, имеет отношение ко времени первой пристройки. Но и до нее на этом месте, с наружной стороны первоначальной стены, было какое-то сооружение в виде ниши. Это можно объяснить тем, что боковые стенки «тайника» сохранили гладкую поверхность своей регулярной, вполне правильной сырцовой кладки. Если бы при первой пристройке в целях размещения этого «тайника» срубили часть стены, она деформировалась бы и потеряла свою гладкую поверх-

ность. Сводик, перекрывающий «тайник», несомненно, относится ко времени пристройки.

О разновременности центрального ядра и цепочки внешних коридоров свидетельствует и световой арочный проем из помещения № 21 в помещение № 1. Ясно, видно, что проем пробит в первоначальной стене, а гладкая регулярная кладка дополнительного кожуха и правильная компоновка арки в сводчатой оболочке помещения № 1 говорят об идентичности их с проемом. Этот световой проем также свидетельствует и о том, что после пристройки внешних коридоров с трех сторон помещения центрального ядра еще функционировали, иначе не было бы смысла пробивать световой проем в заброшенное и неиспользуемое помещение.

Таким образом, во втором строительном периоде существовали центральное ядро и система периферийных коридоров, окаймляющих центральное ядро с трех сторон в форме буквы П. Такая планировка здания не случайна, она является собой выработанный образец раннефеодального местного кешка. Здания с подобной планировкой уже встречались исследователям раннесредневековой архитектуры Средней Азии (см., например, Шишкина, 1961, стр. 192—222; Кабанов, 1958, стр. 144—151).

Южная анфилада, дошедшая до нас, относится к третьему строительному периоду. Но ни в коем случае нельзя допустить, что до третьего строительного периода, т. е. до возведения современной южной анфилады и второго этажа, эта сторона здания была открыта и в здание вели сразу три проема. Открытие трех проемов невыгодно, во-первых, с точки зрения военной, а во-вторых, в смысле обогревания помещений в зимнее время. Поэтому, надо полагать, одновременно с западной, северной и восточной анфиладами по их принципу и планировке были пристроены коридообразные помещения и с южной стороны. Возможно, в то время такие же угловые башенного типа помещения, как комнаты № 3 и 9, располагались в юго-западном и юго-восточном углах.

Когда здание второго периода оказалось тесным для его владельцев и они решили построить второй этаж, для расположения такого крупного зала и группы мелких помещений площади над вторым этажом оказалось мало и пришлось расширить ее, перестроив заново южную анфиладу и придав ее помещениям более расширенную конфигурацию. Но главной причиной перестройки южной анфилады, видимо, послужила необходимость возведения пандуса, связывающего оба этажа и крышу.

К третьему строительному периоду относятся дошедшая до нас южная анфилада периферийной системы помещений

и весь второй этаж. Разновременность южной анфилады и других групп периферийных помещений прежде всего, возможно, подчеркивается отличием пропорций помещений южной группы: они несколько шире и короче. Эта группа отличается от других анфилад своими высокими и широкими проемами и тем, что здесь расположено три помещения, а не два. Линия наклонного выступа отчетливо наблюдается между двумя арками прохода из помещения № 12 в помещение № 11, и клинчатая перемычка более высокого и широкого внутреннего арочного проема опирается на восточную сторону кожуха ядра с таким же выступом. Далее, в пробитом в пахсовой толще проходе из помещения № 6 в помещение № 20 центрального ядра также отчетливо виден уровень наклонной поверхности основания кожуха в виде наклонного шва. Уровень наклонного выступа в этом проходе, в зондаже в северной стене помещения № 12 и между арками прохода в помещение № 11 совершенно точно совпадает. Таким образом, в отличие от трех других сторон прикладка здесь более массивная. В результате стена между центральным ядром и южной анфиладой получилась намного толще, чем стены между ядром и тремя остальными анфиладами.

О синхронности южной анфилады и второго этажа, очевидно, говорит размещение пандуса в западном конце южной группы. Пандусный колодец и южная анфилада составляют одно конструктивное и планировочное целое, и совершенно недопустима мысль об их разновременности. Пандус также не обнаруживает никаких признаков разновременности со вторым этажом.

Можно было бы усомниться в одновременности пандуса и второго этажа и предположить, что пандус существовал до возведения второго этажа и связывал первый этаж с крышей. А во время возведения второго этажа пандус был наращен и доведен до уровня крыши второго этажа. Но тщательное изучение пандуса не дало никакого основания для таких предположений. Никаких следов наращивания пандуса обнаружено не было, и он без какого-либо изменения форм продолжается выше второго этажа.

Естественно может возникнуть вопрос: почему первая площадка пандуса, т. е. начало первого нижнего его витка, сообщающегося с помещениями № 2 и 6, расположена намного выше уровня полов южной и западной анфилад и почему полы этих помещений наклонно поднимаются к площадке пандуса? Очевидно, строители замка были знатоками своего дела. Они подняли основание пандуса высоко при помощи гравийной засыпки, чтобы уменьшить высоту пандусной башни. Затем точно рассчитали, на какую высоту

нужно поднять начало первого витка, чтобы конец этого же витка точно достиг уровня второго этажа. Малейшая ошибка могла бы нарушить весь замысел: конец первого витка мог подняться выше или оказаться ниже нужного уровня.

Разновременность центрального ядра первого этажа и второго подчеркивается тем, что последний построен над засыпанными помещениями с пробитыми сводами. Судя по помещениям № 18 и 19, расположенным под Большим залом, можно допустить мысль о том, что засыпка их могла иметь место уже после постройки второго этажа. Ничего подобного нельзя сказать о помещении № 21. Западная стена Большого зала поставлена как раз над помещением уже с пробитым сводом и засыпанным.

Во время пристройки южной анфилады сводчатая конструкция перекрытия этих помещений лимитировала их ширину, к тому же эта часть была весьма ответственной, так как служила основанием для стен второго этажа. В результате расширение первого этажа оказалось недостаточным по площади для размещения всех помещений второго этажа вместе с южной стороной открытой обходной галереи, план которых был намечен раньше: не хватило площади именно для галереи. Строители вышли из положения, значительно утолщив стену южного фасада при помощи массивной пахсовой прикладки толщиной 2,60 м. Границы между первичной стеной и прикладной очень ясно наблюдаются в виде по-перечного шва в световом проеме, выходящем из помещения № 6 во двор. Именно эта прикладка и послужила основанием для южной обходной галереи.

В третьем строительном периоде из помещений центрального ядра осталось функционировать лишь одно попечечное, и то, видимо, ненадолго. Возможно, из-за обветшалости стоя в помещении № 6 (где ясно видны трещины и сейчас) эта комната была сужена до 0,5 м при помощи закладок с двух сторон; одна из этих закладок и закрыла собой проем, ведущий в центральное ядро здания. С этого времени последнее помещение этой группы, обозначенное нами под № 20, было заброшено и замуровано навсегда.

Что касается двора, то он, по всей вероятности, относится к третьему строительному периоду или даже составляет четвертую стадию расширения полезной площади всего замка. Идентичность дворовых построек помещениям третьего строительного периода и тем более второго и первого периодов очень ясно наблюдается в шурфе № 6 во дворе у южного фасада основного здания и зондажа в помещении № 6 южной анфилады. Под полом помещений южной анфилады не обнаружены культурные слои, а упомянутая мощная прикладка, послужившая основанием южной галереи,

покоится на гравийной подсыпке и уходит весьма неглубоко от уровня двора. И здесь никаких культурных напластований отмечено не было.

Итак, в кешке Чильхуджры ясно наблюдается три строительных периода. К первому из них относится центральное ядро здания, ко второму — западная, северная и восточная анфилады и, наконец, к третьему — южная анфилада нижнего этажа и весь второй этаж вместе с пандусом.

Архитектура Чильхуджры имеет много общего с некоторыми памятниками позднеантичного периода, с многими памятниками раннего средневековья и с рядом памятников развитого средневековья, но вместе с тем существенно отличается от них.

Якуби сообщает, что в небольшой области Уструшана было 400 замков (Бартольд, 1963а, стр. 225). Очевидно, Чильхуджра один из них.

По-видимому, центральное ядро Чильхуджры первоначально было построено как сторожевой пункт с типичной коридорно-гребенчатой планировкой.

В. Л. Воронина в свое время отмечала, что в средневековой фортификации крепостные сооружения возводились на излучине или слиянии рек, на обрывистом плато и т. д. (Воронина, 1964б, стр. 142). Сторожевые и караульные пункты также, видимо, сооружались на подобных удобных в фортификационном отношении местах. Чильхуджра расположена именно на слиянии Кулькутана и Шахристанская, на обрывистом с трех сторон естественном холме.

Принцип гребенчато-коридорной планировки, вернее узкие вытянутые параллельные помещения, связанные единым поперечным коридором, считался типичным для памятников раннего средневековья Средней Азии. Но А. М. Мандельштам, изучая материалы раскопок на городище Беграм, опубликованные сравнительно недавно (Наскіп и др., 1959), пришел к выводу, что «такой принцип планировки, по-видимому, вырабатывается уже в позднекушанско времена» (Мандельштам, 1966, стр. 175).

За пределами городища Беграм раскопан первый этаж замка, второй этаж не сохранился. Здание представляет собой прямоугольник с массивными круглыми угловыми башнями. Как и в центральном ядре Чильхуджры, здание состоит из четырех коридорообразных помещений, три из которых параллельны друг другу, а четвертое перпендикулярно им. Через поперечный коридор осуществлялась связь между тремя другими помещениями. Здание датировано позднекушанскими монетами III—IV вв. н. э.

Здания с коридорно-гребенчатой планировкой встречены в самом Шахристане (Тирмизактепа, Калаи Кахкха I), на

территории Уструшаны в целом (Мунчактепа) и за ее пределами, в разных областях Средней Азии.

Тирмизактепа (VII—VIII вв.) — сторожевое сооружение, которое было призвано охранять подступы к столице Уструшаны с западной стороны. Квадратное здание (16×16 м) разделено на две части центральным коридором — «вестибюлем», с двух сторон которого находятся 8 коридорообразных узких помещений. С северной стороны расположено длинное, на всю ширину здания, сводчатое помещение-храмилище (Негматов, Пулатов и Хмельницкий, 1973, стр. 108). Памятник построен на высоком (20 м) глинисто-галечинково-сланцевом языке предгорной гряды, резко выдающемся в сторону долины Шахристанская и этим создающем выгоднейшее стратегическое положение сторожевому сооружению.

Типичную коридорно-гребенчатую планировку в полном смысле слова имеет юго-западное здание караульно-казарменного типа на Калан Кахкака I. Здание прорезано осевым 16-метровым коридором на две части и по обеим его сторонам расположены небольшие узкие темные помещения без каких-либо жилищно-бытовых условий. Здание лишено фортификационных элементов, так как защищалось сильно укрепленными крепостными стенами (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 23 и сл.).

Другой уструшанский замок-цитадель Мунчактепа (Гайдукевич, 1947)¹ хотя в основе имеет коридорно-гребенчатую планировку, но в решении своем наиболее подходит в качестве аналогии ко второму строительному периоду Чильхуджры. На Мунчактепа ядро здания окружено обходными коридорами, но коридоры не разделены отсеками на отдельные помещения, и здание не имеет угловых башен, а изнутри — угловых помещений башенного типа.

За пределами Уструшаны в большом количестве можно найти аналогии (в той или иной мере) ко всем строительным периодам Чильхуджры. Приведем по одному — два примера с различных районов Средней Азии. Рассмотрим сначала аналогии к двум первым строительным периодам нашего памятника, когда здание было одноэтажным.

Хорошо выраженную коридорно-гребенчатую планировку имеет «замок» на горе Муг близ Хайрабада. Хотя мы этот памятник называем в числе находящихся за пределами Уструшаны, территория Фальгара, где находится гора Муг, временами включалась в состав Уструшаны (X в.). Это зда-

¹ Приходится сожалеть, что три выдающихся памятника раннесредневековой Средней Азии — Тали Барзу, Актепа и Мунчактепа, которые являются ключом к пониманию многих вопросов истории материальной культуры этой эпохи края, не изданы надлежащим образом.

ние состоит из пяти параллельных коридорообразных помещений и связывающей их арочной анфилады с северной стороны.

Близок к этому кругу памятников жилой дом в Сарыге, раскопанный А. Н. Бернштамом (Бернштам, 1941, стр. 55 и сл., табл. 27). Это довольно укрепленный дом с центральным коридором, связывающим расположенные по обе его стороны сводчатые помещения. Дом построен согдийскими переселенцами в V—VII в. С одной стороны к дому примыкает небольшой двор.

Коридорно-гребенчатую планировку имеет застройка верхней площадки замка Қалаи Боло в Исфаре (Давидович, Литвинский, 1955). Здесь также с двух сторон расположены узкие сводчатые помещения, связанные между собой центральным осевым коридором. Но этот памятник скорей имеет характер крепости, нежели замка. Застройка занимает не всю верхнюю площадь, а оставляет незастроенные площадки-дворики. Замок занимает очень выгодное стратегическое положение на большом мысе, вдающемься в реку.

Генетически связаны первый этаж Чильхуджры и небольшой замок VIII—IX вв. Бад-Асия недалеко от Пайкенда (Шишкина, 1963, стр. 87—109). Но связь эту можно проследить лишь в смысле планировки. В замке Бад-Асия были объединены функции жилищно-хозяйственно-парадного здания, в то время как такие функции в Чильхуджре поделены между помещениями основного здания и застройки двора. Замок Бад-Асия лишен всяких фортификационных элементов.

Планировка первого этажа Чильхуджры весьма близка планировке второго строительного периода Тохаристанского замка Балалыктепа (Альбаум, 1960). Здесь вокруг помещений на месте открытого внутреннего дворика первого строительного периода расположены комнаты коридорного типа, играющие роль обходных коридоров в Чильхуджре. Северная и южная анфилады Балалыктепа насчитывают по три помещения, как в южной анфиладе Чильхуджры; они также имеют несколько большую ширину и сложную конфигурацию, чем в двух других анфиладах. Западная и восточная анфилады включают в себя, как и в трех анфиладах Чильхуджры, по два помещения. Но здесь отсутствуют угловые помещения башенного типа. Стены внешних помещений Балалыктепа прорезаны бойницами, от одной до четырех в каждом помещении. Кроме того, здесь сначала были построены внешние анфилады и в центре оставался внутренний дворик, который был застроен только спустя некоторое время. В Чильхуджре же, наоборот, сначала было построено ядро, потом внешние анфилады.

Много общего с точки зрения отдельных деталей и конструкций с нашим замком имеют раннесредневековые мервские памятники — Большие и Малые Нагимкалы и Кызкалы (Пугаченкова, 1958а, стр. 132 и сл.). Все четыре памятника двухэтажные, состоят из различных по конфигурации и назначению помещений более широких, чем в Чильхуджре, чаще квадратные или прямоугольные, а не коридорообразные, но в большинстве своем перекрыты сводами. Все помещения в этих зданиях группировались вокруг центрального крупного квадратного зала, перекрытого, видимо, куполом. Первые этажи как бы играют роль платформы, стены снаружи сильно скошены. Выше стены всех этих памятников гофрированы, что, между прочим, весьма характерно для раннесредневековых памятников этого и некоторых других районов.

В некоторых из них встречаются те же перспективные тромпы (Малая Кызкала), но с легким заострением в замке, комбинированная кладка, где чередуются ряды сырца со слоями пахсы в толщину почти двух кирпичей (Большая Нагимкала), щелевидные световые проемы и т. д. Но вместе с тем есть большие различия этих памятников с нашим. Они, несмотря на то что стоят отдельно и не окружены дворами, совершенно лишены характера крепостей — не имеют ни бойниц, ни башен и т. д. Кроме того, вместо пандуса для связи этажей здесь применена лестница (если не считать пандусного подъема Большой Нагимкалы, выводящего с улицы прямо на второй этаж).

Появление такого памятника, как Чильхуджра, является плодом широкого использования древних строительных традиций в связи с новыми социально-экономическими отношениями, приобретения ими новых форм. Вместе с тем Чильхуджра является как бы предвестником более поздних памятников, где внешний облик ранних укрепленных замков сочетается с иным внутренним планировочным решением.

Спустя некоторое время после строительства Чильхуджры, в IX в. появился другой памятник — Кырк-кыз близ Термеза, где еще яснее виден синтез всего строительного опыта прошлых веков, как бы подведены итоги прошлого; вместе с тем этот памятник «отражает подготовленность перехода к строительству из обожженного кирпича, который внедряется в этот период» (Прибыткова, 1961, стр. 180). Это огромное по размерам здание очень сложное и продуманное в смысле планировки.

Все здание двумя перпендикулярными осевыми коридорами разделено на четыре части, каждая из которых, особенно северо-западная и северо-восточная, во многом напоминают планировку первого этажа Чильхуджры. Перекры-

тие помещений северной половины Кырк-кыза очень близко сводам Чильхуджры, хотя кривые их уже стрельчатые, а в перекрытиях помещений южной половины, где очень рационально использованы подпружные арки и полусводы, мы видим еще один шаг вперед в развитии строительной техники по сравнению с Чильхуджрой. Применение подпружных арок, по справедливому мнению А. М. Прибытковой (1961, стр. 177), было продиктовано стремлением как можно лучше обеспечить помещения светом, чтобы световые проемы не ослабили несущие стены и давление от перекрытий передавалось бы через поперечные арки на нижние части стен. В щипцовых стенах устроены по три световых проема, а в торцовых — ниши. Их перекрытия разнообразны и красивы.

На Кырк-кызе, на пересечении сводов, мы видим более выраженные и смелые, чем в Чильхуджре, распалубки, предвосхищающие некоторые сооружения XI в., например, караван-сарай Дааяхатын (Прибыткова, 1961, стр. 180). В этом памятнике впервые частично использован жженый кирпич в некоторых конструкциях здания.

Торцовые части двух помещений в юго-западном углу Кырк-кыза перекрыты полукуполами. Переход от стен к «основанию полукупола осуществлен при помощи полуводоемигранников, в угловых гранях которых через углы перекинуты арки» (Прибыткова, 1961, стр. 178). Эти арки во внутренней части прорезаны узкими щелями и, по существу, являются тромпами, использованными в качестве источника света, как и тромп в юго-западном углу помещения № 9 Чильхуджры. Но арка-тромп на нашем памятнике нам кажется более совершенной и смелой.

При сравнении техники кладки стен Чильхуджры и Кырк-кыза бросается в глаза богатство приемов в нашем памятнике. В Кырк-кызе все стены сложены из сырца одним методом.

Неясен вопрос о назначении Кырк-кыза. Но, вероятно, права А. М. Прибыткова, которая предполагает общественное назначение памятника (Прибыткова, 1961, стр. 169, 170). В таком случае остается непонятным, для чего служили глухие башни по всем углам сооружения, так роднящие этот памятник с нашей Чильхуджрой.

Таким образом, Чильхуджра в смысле архитектуры имеет более или менее выраженные связи как со своими предшественниками, так и с памятниками последующих веков.

СТРАТИГРАФИЯ И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Для уточнения датировки строительных периодов, а также этапов жизни замка большую помощь оказывает изучение стратиграфии заполнения помещений. А заполнения от-

дельных групп помещений имеют разный характер (рис. 71, 1, 2).

Прежде всего нужно отметить, что разделение помещений на отдельные группы обусловлено как характером завала, так и закладкой проемов между этими группами. Заложенными были найдены проемы между помещениями № 4 и 5, 4 и 3, 7 и 12, 6 и 20, 20 и 19, 14 и 16, 16а и 16б.

Теперь разберемся в стратиграфии завалов.

Заполнение помещений № 18 и 19 совершенно одинаковое: от пола до уровня лахсовых блоков комнаты были заполнены аккуратно уложенным вперевязку сырцом на глиняном растворе. Выше, до самого верха пробитых сводов, помещения были засыпаны гравием, но и в гравии с промежутками 40—45 см прослеживались горизонтальные ряды сырца.

Завал помещения № 20 имеет совершенно иной характер. Эта комната была заполнена исключительно кусками битого сырца и пылью. Лишь у самого пола лежал слой навоза с примесью самана толщиной около 20 см.

В помещении № 6 масса сырцовой кладки, которой почти доверху была заполнена комната с двух сторон, уложена на сплошной слой навоза, лежащий в свою очередь на мощном слое крупной гальки.

Помещение № 7 было заполнено на высоту 220—250 см, а пространство выше оставалось пустым. Верхние слои заполнения состояли из пыли и осадковых наслоений чистого лёсса. Ниже прослеживался толстый слой навоза, а под ним — тот же крупный галечник.

Заполнение помещения № 12 состояло из очень плотных слоев наносного лёсса и обломков сырца.

Помещение № 11 было заполнено обломками сырца от рухнувшего свода и очень плотными наслоениями осадкового лёсса.

Аналогично было заполнение и в помещении № 10, но оно достигало примерно две трети всей высоты комнаты, а пространство выше оставалось пустым.

Завал помещения № 9 в верхних частях состоит из мягких наносных слоев чистого лёсса, которые с глубиной становятся плотнее. Уже близко к полу встречаются бесформенные обломки сырца, очевидно, от разрушившегося купола.

Заполнение помещения № 5 с северной стороны и сверху довольно рыхлое, с южной стороны весьма плотное. По-видимому, куски сырца от рухнувшего свода были сосредоточены именно с этой стороны и спрессованы дождевыми водами.

Помещение № 4 лишь на 150 см было заполнено натечной массой, которая к востоку все более понижалась и доходила до 90 см. В этой массе встречаются редкие куски сырца и

пахсы, выпавшие из стен. На уровне около 50 см от пола — резкая прослойка плотного навоза, поникающаяся к южной стороне. У самого пола — прослойка мелких веточек.

Помещение № 3 было заполнено осадковым лёсом, кусками сырца. Над полом — 30-сантиметровый слой навоза с мелкими веточками.

Заполнение помещения № 1 не достигало шелыги сохранившейся части свода примерно на 150 см. Самые верхние слои его состояли из мельчайшей сухой пыли. Ниже шел толстый слой натечного лёсса желто-серого цвета. На высоте 160 см от пола — сплошной плотный слой навоза, ниже идет опять тот же желто-серый лёсс с обломками сырца. Над полом — очень плотный слой ремонтной(?) обмазки толщиной 8—10 см. На высоте около 50 см от уровня пола прослеживаются остатки сгнившего дерева неопределенной формы. На разной глубине и в разных местах осталось несколько зольных пятен.

Завал помещения № 2 такой же, как и в помещении № 1. Разница лишь в том, что здесь отсутствуют обломки сырца.

Пандус почти на всю свою высоту был завален сырцом, целим и в обломках, и мелкой сухой пылью. Над полом пандуса располагался слой плотного навоза, толщина которого местами доходила до 10 см.

Все помещение № 15 и предпандусный коридор, примыкающий к нему, были завалены кусками сырца и натечными слоями. Под ними — слой навоза.

Помещение № 17 было заполнено сравнительно малочисленными обломками сырца и сухой пылью, которая сыпалась при легком прикосновении лопаты. А над самым полом продолжался все тот же слой навоза мощностью около 8—10 см.

Завал помещения № 14 и коридора перед ним совершенно одинаков. Верхние слои его весьма рыхлые, часто потревоженные могильными ямами. Нижние слои, уже нетронутые, плотнее. В них преобладают обломки сырца от рухнувших сводов и арок. У самого пола тот же плотный слой навоза около 8 см толщиной.

Завал Большого зала местами был рыхлым, местами же очень плотным. Могильные ямы повредили верхние слои завала и в некоторых местах задели стены. Рыхлым является в основном завал в центре и частично в северной части зала. Сырец встречается преимущественно по краям зала, вдоль стен. Пространство между обломками сырца было заполнено прослойками темного цвета с обильными остатками органических веществ.

В Большом зале выделяются два пола. Расстояние между их поверхностями 12—15 см. Над обеими полами в большом количестве встречаются остатки обуглившегося дерева,

зола, а на отдельных комьях над вторым полом — фрагменты штукатурки со следами росписи, очевидно, выпавшие из стен. В зале отсутствует слой навоза, столь характерный для предыдущих помещений.

Заполнение помещений № 16а и 16б почти одинаковое, рыхлое. Разница лишь в том, что в помещении № 16а обломки сырца встречаются чаще. В обеих комнатах можно наблюдать следы огня. В помещении № 16а у входа прослеживаются два пола и два порога, причем нижний пол и порог, расположенный ближе к внешнему краю проема, обгорели, а второй порог и верхний пол не несут на себе следов огня. Здесь, как и в Большом зале, отсутствует слой навоза.

Таким образом, заполнения отдельных групп помещений отличаются друг от друга, и их изучение поможет разобраться в этапах жизни замка и их датировке.

Как было отмечено, на полу двух помещений центрального ядра (№ 18 и 19) были найдены фрагменты наиболее ранней керамики, датируемой нами концом IV—VI вв. Эта керамика датирует постройку первоначального здания.

Временем пристройки восточной, северной и западной анфилад, по-видимому, является конец VI—начало VII в. Южная анфилада и второй этаж были пристроены не позже VII — начала VIII в. Датирующим материалом этой пристройки могут явиться согдийские документы, найденные под слоем навоза в помещении № 13 (документ № 1) и под верхним полом Большого зала (документы № 2 и 3), которые, судя по палеографии, по словам В. А. Лившица, были написаны не позднее первой половины VIII в. Следовательно, они попали на второй этаж в начале VIII в., а помещения второго этажа были воздвигнуты несколько раньше.

Время пристройки второго этажа совпало со временем прекращения жизни в трех комнатах центрального ядра первого этажа (№ 18, 19, 21), так как западная стена Большого зала не могла появиться прежде, чем свод помещения № 21 был пробит, а само помещение было засыпано.

Большой зал до окончательной гибели претерпел два больших пожара. Во время первого пожара сгорела деревянная скульптура, вся деревянная конструкция перекрытия и, возможно, роспись. Но вскоре зал был отремонтирован, перекрытие восстановлено. После этого Большой зал и помещение № 16а продолжали существовать довольно долго. Но в начале IX в. Большой зал в результате нового пожара был разрушен окончательно и больше не восстанавливался. Владетели, видимо, уже не имели возможности отремонтировать такое крупное здание. Большой зал и помещение № 16а были полностью изолированы; были заложены проемы в них как со стороны Малого зала, так и со стороны помещения № 16б.

По-видимому, к этому же времени относится разрушение перекрытий помещений № 5, 11 и 12. Проемы, ведущие в них со стороны помещений № 4 и 7, были заложены. Из функционирующих помещений остались помещения западной анфилады, помещения № 3 и 4 северной, № 6 и 7 южной анфилады, № 20 центрального ядра, № 14, 15 и 17 второго этажа (и, возможно, полностью исчезнувшее помещение к востоку от Малого зала).

Но жизнь в них продолжалась очень недолго. Вскоре здание было полностью покинуто и на довольно долгое время. Доступные помещения стали прибежищем скота, от которого остался толстый слой навоза.

Уже в конце X в. было обжито несколько помещений. Были замурованы помещения № 4 северной анфилады и № 20 центрального ядра. Но и в остальных помещениях жизнь была не постоянной, а носила эпизодический характер. Где-то в начале XI в. и эти помещения были покинуты навсегда. Здание все больше разрушалось, оплывало и приняло вид холма, в котором дошло до нас.

Таким образом, в замке Чильхуджра наблюдается три крупных строительных периода и по меньшей мере шесть этапов жизни.

К первому строительному периоду относится появление центрального ядра и с ним совпадает первый этап жизни, датируемый концом IV—VI в.

Второй строительный период охватывает конец VI—начало VII в. К нему относится пристройка западной, северной и восточной анфилад первого этажа. Еще функционируют все помещения центрального ядра. Со вторым строительным периодом совпадает второй этап жизни.

К третьему строительному периоду относится пристройка южной анфилады и второго этажа в VII—начале VIII в. В это время перестают существовать помещения № 18, 19 и 21 центрального ядра. С ним совпадает третий этап жизни. В конце этапа — первый пожар в Большом зале.

Четвертый этап жизни — середина VIII — самое начало IX в. Функционирует все здание, кроме трех помещений центрального ядра. В конце этого этапа — второй пожар в Большом зале.

Пятый этап жизни охватывает первую четверть IX в. до полной гибели здания во время окончательного завоевания Уструшаны арабами в 822 г. Функционируют помещения № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 14, 15, 17, 20.

Шестой этап жизни начинается после долгого запустения в конце X в., продолжается в помещениях № 1, 2, 3, 6, 7, 14, 17 до начала XI в., носит эпизодический характер.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КЕШКА

В данной работе нами даются реконструкции трех строительных периодов основного здания памятника. Реконструкция дворовых построек не рассматривается ввиду плохой их сохранности, так как пришлось бы прибегать к довольно большим домыслам. Во всех трех реконструкциях мы постарались как можно меньше домышлять.

Для реконструкции центрального ядра (рис. 72), относящегося к первому строительному периоду, нами взята реальная высота здания. Естественно, внутренняя фактура стен здания без изменения выходила наружу и выглядела весьма эффектно.

Промежуток между сводами помещений первого периода был заполнен гравием, и вся поверхность крыши была разровнена до плоскости. Вход в это первичное здание был расположен с западной стороны, но находился он не в центре фасада, а перемещен к югу, так как вел в южное попечерное помещение. И здесь наблюдается интересная архитектурная деталь. Как показали наши наблюдения, северная часть западной внешней стены ядра значительно выступает наружу от линии остальной части в виде резолита. Вход расположен точно в центре южной отступающей части фасада. Таким путем строители эффектно ликвидировали впечатление перемещенности входа от центра фасада, искусно используя резолит.

Домыслом, допущенным при реконструкции первого строительного периода, являются лишь парапет вокруг крыши с водостоками и пандусный подъем ко входу.

При реконструкции второго строительного периода (рис. 73) использованы все достоверные материалы шурфов и зондажей, которые вполне ясно вскрыли картину устройства стен, башен, их фактуры. В этом периоде основание стилобата и башен опускается значительно ниже, ибо скат холма под ними увеличивается.

Хотя ко второму строительному периоду относятся три анфилады вокруг центрального ядра, а дошедшая до нас южная анфилада относится уже к следующему периоду, нам кажется неправдоподобным, что с юга не было коридоров и на южный фасад здания выходило сразу три проема. Поэтому для реконструкции мы допустили, что и здесь были построены такие же коридорообразные помещения, как и в трех других анфиладах, и они по своей планировке, устройству и конфигурации не отличались от анфилад трех других сторон. Логика планировки допускает предположение в юго-западной и юго-восточной углах таких же башен, как в двух других углах.

Домыслом при этой реконструкции являются расположение и устройство входа и пандусного подъема к нему.

В реконструкции третьего строительного периода (рис. 74) все материалы также вполне достоверны. Здесь проем из основного здания выходит на восток. Но такой выход в ничем не защищенную сторону, во-первых, был бы невыгодным с фортификационной точки зрения, во-вторых, проем не мог выходить на ту сторону, где склон холма очень крутой. Если взять во внимание, что в течение многих веков верхние части холма и части построек на нем смывались дождевыми водами и заполняли нижние части холма, придавая ему все большую пологость, то при жизни замка этот склон был еще круче, чем сейчас.

Вообще, в оформлении входов во всем здании наблюдается какая-то закономерность: во всех помещениях всех периодов — центрального ядра, внешних коридоров, всех помещений второго этажа, кроме двух проемов в Большом зале, входы боковые. Главный вход в здание первого строительного периода — боковой. Так почему же не предположить, что в здании третьего строительного периода вход также был боковым, тем более, что такое предположение подтверждается наличием лишь одного выхода из здания — через помещение № 12.

Между тем, судя по нижним округлым границам угла здания и глубокому по сравнению с ними расположению проема в помещение № 12, а также по очень большой толщине стен, перед входом остается значительное место, позволяющее допустить наличие здесь каких-то предвходных сооружений. К тому же щековая стена проема слишком тонка и ее никак нельзя считать внешней. Если учесть, что все углы скруглены и оформлены в виде башен и эти башни несколько выступают от линии стен, а также то, что в каждом из углов имеется по одному помещению, представляющему собой в плане четверть окружности (в юго-западном углу такое помещение заменено пандусом), то можно предположить в юго-восточном углу перед входом одно такое же помещение. Толщина стены вполне допускает такое предположение. К югу от этого предполагаемого помещения остается еще свободное пространство до внешней линии стены или башни. Здесь без какой-либо натяжки поместится еще одно маленькое помещение, коридорного типа. Его можно реконструировать по принципу периферийных коридорообразных помещений первого этажа с двумя пилонами и аркой проема в каждом конце. Проем, выходящий наружу, несомненно, был оформлен аркой. Это кажется нам наиболее правильным решением вопроса о входе в главное здание последнего строительного периода.

Довольно затруднительной представляется нам реконструкция перекрытия пандуса после выхода его на крышу второго этажа. Расчеты показали, что пандус выходил на крышу по направлению к восточной стороне. Такая ориентация выхода будет оправданна и с точки зрения безопасности во время военных действий — защитник замка, не боясь стрел врага, спокойно выходил на крышу здания и занимал позицию за парапетом.

Наиболее правильным решением вопроса о перекрытии пандуса нам кажется такое. Свод пандуса строители продолжили до линии выхода ходовой части на крышу, окружили выступающую над крышей часть свода полуовальными в плане вертикальными стенами, пространство между этими стенами и верхней оболочкой свода забили пахсой или кирпичной кладкой (скорее всего пахсой) и придали верхней части перекрытия плоскую форму. Эту площадку окружили невысоким парапетом и устроили водосток. Забивка пазухи свода придала большую прочность перекрытию и одновременно защитила сводчатую оболочку от атмосферных осадков.

Крыша второго этажа также, несомненно, была окружена парапетом и снабжена водостоками. Мы не знаем, как были завершены парапеты: были ли над ними какие-нибудь элементы вроде зубцов — «кунгра», имела ли открытая обходная галерея перекрытие. Дождевые воды, стекающие с крыши второго этажа на эту галерею, как будто говорят за наличие перекрытий хотя бы легкого типа. Но для того, чтобы утверждать это, у нас нет достоверных фактов. Поэтому при реконструкции замка во избежание домыслов никаких завершений для парапетов и перекрытий для галерен придумывать мы не стали.

Таким образом, реконструкция замка основана на вполне реальных, имеющихся в наличии, фактах, и при этом допущен минимум домыслов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Чильхуджра весьма цenna своей архитектурой и военно-фортификационными сооружениями.

В отношении пространственно-планировочного решения, строительной техники и строительных приемов, а также расположения наш памятник имеет много общего с подобными памятниками Согда, Тохаристана, Чача, Семиречья, но вместе с тем во многих деталях отличается от них — как в технике кладки и строительных приемах, так и в архитектурных деталях. Но прежде всего Чильхуджра отличается от синхронных памятников Средней Азии, конечно, своей отличной сохранностью: до нас дошел не только первый этаж с целыми и невредимыми сводчатыми перекрытиями, но и второй этаж с кровлями некоторых помещений.

Техника кладки Чильхуджры наряду с приемами, распространенными по всей Средней Азии и за ее пределами, дает новый вариант комбинированной кладки — «тип 3». Между прочим, это второй новый вариант комбинированной кладки, отмеченный на территории древнего Бундиката. Первый был обнаружен в стенах замка Калаи Каахкха II; здесь выявлена «пунктирная» кладка с рустовкой (Негматов, Хмельницкий, 1966, стр. 177 и сл.).

Хотя помещения с купольной конструкцией отмечались в архитектуре раннесредневековой Средней Азии, но все они в плане имели квадратную форму (не говоря уже о круглых). В Чильхуджре же впервые открыты купольные помещения, имеющие в плане в одном случае трапецию, а во втором — четверть круга.

В связи с купольными конструкциями большой интерес вызывает тромп в юго-западном углу помещения № 9. Если раньше считалось, что первые попытки использования тромпов в качестве источника света были предприняты среднеазиатскими зодчими начиная с IX—X вв., то теперь на основании материалов Чильхуджры мы можем углубить эту да-

ту на целых два столетия. Причем чильхуджринский тромп проем не является зародышем, экспериментом, а имеет вполне совершенный характер.

Новым и уникальным в истории раннесредневековой архитектуры Средней Азии является также и пандус в Чильхуджре. В данном случае его форма и конструкция — наиболее рациональное и смелое решение.

До сих пор о возможном существовании обходных галерей ученые судили лишь по некоторым памятникам торевтики (Аникковское блюдо) или живописи (изображение замка в Пенджикенте) или же просто делали предположения. В Чильхуджре хорошо сохранился участок (довольно значительный) такой галереи, и теперь судить о такой архитектурной детали можно на основе вполне достоверного факта.

В VI—VII вв. в фортификации Средней Азии наблюдается прогресс и башням взамен прямоугольной формы придается округлая (например, в Южном Туркменистане — Хосровкала (Пугаченкова, 1958а, стр. 124), в Хорезме — Тешиккала (Толстов, 1948а, стр. 138; 1948б, стр. 195) и др.), хотя еще во многих памятниках башни остаются прямоугольными (например, Зангтепа в Токаристане (Альбаум, 1963, стр. 74) и многие другие). Между тем материалы некоторых памятников на территории сопредельных стран дают основание говорить, что круглые башни появились уже в позднекушанский период. Например, небольшая «кала» внутри города Беграм, относимая к позднекушанскому времени, и постройка за пределами того же городища, относимая по данным монетных находок к III—IV вв., имеют по углам мощные круглые башни (Мандельштам, 1966, стр. 74, 75). Круглые башни Чильхуджры появились в конце VI—начале VII в., в одно время с такими же башнями Хосровкалы, Тешиккала Яккапарсана и многих других.

Замок Чильхуджра был жилищем крупного, богатого дехканца. Но какими были жилищные удобства в замке? Коридорообразные помещения первого этажа основного здания не приспособлены для проживания в них — они узкие и тесные. Залы второго этажа, пышно разукрашенные росписью и резным деревом, также, видимо, не имели жилищного назначения: в них скорее всего проходили праздничные собрания и торжественные приемы гостей. Маленькое купольное помещение тем более не жилое, оно предположительно имело культовое назначение. Остаются три помещения, в которых можно было жить. Это помещения № 15, 16а, 16б. К ним можно добавить полностью исчезнувшее помещение к востоку от Малого зала. Но все они имеют небольшие размеры и не вмещают большого количества людей. Следовательно, в них не могли жить сразу все обитатели Чильхуджры.

Правда, среди раннесредневековых замков можно встретить немало памятников, которые мы перечислили выше, где все здание состоит из узких коридорообразных помещений, не приспособленных для проживания в них. Но есть и такие памятники типа замков, где одно здание выполняет жилищное, парадное и хозяйственное назначения, где наряду с узкими коридорообразными помещениями есть и парадные залы, и явно жилые помещения прямоугольной конфигурации, обширные и с плоским перекрытием. Таковы, например, уструшанские замки Уртакурган, замок на городище Калаи Кажаха II, тохаристанский замок Балалыктепа, Центрально-тяньшаньский Чалдывар, Большие и Малые Нагимкала и Кызкала и многие другие.

Чильхуджру можно считать мало приспособленной для жизни лишь на первый взгляд и только в том случае, если рассматривать с этой точки зрения лишь основное здание. Но эта неприспособленность основного здания вполне искупается постройками во дворе замка, где помещения имеют явно жилое и хозяйственное назначение. Рассматривая помещения основного здания и двора в совокупности нужно полагать, что владелец замка вместе с небольшим количеством членов своей семьи проводил повседневную жизнь в основном здании, а в помещениях во дворе проживали относительно многочисленные слуги, так сказать, обслуживающий персонал.

Такому выводу как будто не противоречит и то обстоятельство, что предметы быта — очаги, тануры — расположены в помещениях двора, а не основного здания: во дворе встречаются большей частью фрагменты грубой хозяйственной керамики, а в основном здании — больше изящной парадной тонкой работы.

Весьма интересна система обороны Чильхуджры. Вопросы фортификации замка строителями были продуманы весьма тщательно. Прежде всего, большое фортификационное значение имеет расположение замка на высоком естественном возвышении. Склоны холма с трех сторон были весьма крутые, и подниматься по ним было довольно затруднительно. Пока нападающие поднимались по склону холма до основания стен, они были под обстрелом защитников, которые стояли рядами за парапетами на уровне второго этажа и на крыше и обрушивали на врага двойной шквал стрел, камней и, быть может, горящих жидкостей.

Наиболее пологой и удобной для нападающих, а следовательно, уязвимой для защитников была южная сторона. Поэтому строители укрепили эту сторону сильнее. Первым и, видимо, главным звеном в цепи фортификационных элементов была выносная башня у входа во двор, из которой вели огонь

сразу в три стороны, защищая не только вход во двор, но и путь ко входу в основное здание. Мы не знаем, имела ли башня бойницы и располагались ли защитники внутри ее или же она сверху была обеспечена парапетами и воины стреляли сверху.

Видимо, башня была связана с южными стенами пандусного сооружения и двора. В случае надобности на башню можно было перебросить воинов из банкета стены. Башня и пандусное сооружение были единым и неразрывным звеном в цепи оборонительной системы. Их целью было начиняя от подступов к башне и до входа во двор через пандус как можно дольше держать врага под обстрелом.

Фортификационный замысел предполагает наличие еще одной подобной выносной башни у юго-западного угла двора. Но от нее никаких следов не сохранилось.

Вполне допустимо, что стены двора в верхней своей части имели банкеты, где также располагались воины. Кроме того, не исключено, что крыши дворовых построек были связаны с основным зданием (на уровне галереи по верху второго этажа) перекидным мостом, какой предположительно существовал на Балалыктеpe и связывал замок с каким-то сооружением, находящимся в нескольких метрах к югу от здания (Альбаум, 1960, стр. 115). Это способствовало бы большей подвижности защитников замка, в нужный момент их можно было бы перебрасывать с основного здания на защиту двора и наоборот.

Наиболее опасным для врага участком был отрезок от выносной башни до входа в основное здание. Здесь он на всем пути оказывался мишенью для бокового огня со стен или крыш двора и двухъярусного лобового огня из-за парапетов второго этажа и крыши основного здания.

Камни подносились на обходную галерею и крышу через пандус, который спускался прямо к помещениям № 6 и 7, в этот своеобразный арсенал, где заранее было припасено огромное количество камней.

Подъем к парапету в замке-крепости Калаи Боло близ Исфары был устроен очень рационально: там было два подъема — коридорно-пандусный и лестничный. Это давало возможность двигаться потоку людей с разных частей крепости. Чильхуджра — намного уступающий по размерам крепости Калаи Боло замок и одного подъема здесь было вполне достаточно, тем более, что ширина ходовой части была подходящей для двустороннего движения идущих вверх с камнями и вниз за камнями.

Таким образом, раскопки Чильхуджры показали, что перед нами крупный, сильно укрепленный, выгодно расположенный замок с тщательно продуманной фортификацией. Он

состоял из двух этажей, включающих в себя помещения разной конфигурации и назначения, и большого двора, также застроенного. Колossalность сооружения с его высокой, мощной платформой, поражающими своей толщиной стенами, для постройки которого потребовалось огромное количество рабочей силы, все это позволяет усмотреть в Чильхуджре замок крупного дехканина.

Чильхуджра относится к категории тех построек цитадели, донжона, кешка без окружения дворов и крепостных стен, где неразрывно синтезированы элементы жилья и крепости и для которых характерны массивные формы и сводчатые перекрытия (Воронина, 1950, стр. 192). Этот колоссальный, сильно укрепленный замок занимал командное положение при выходе из ущелья Кулькутан и надежно охранял подступы к столичному городу Бунджикату.

Но ценность Чильхуджры не только в ее архитектуре и военно-фортификационных достоинствах. Историко-хозяйственное значение имеют находки, добытые в этом замке. Сравнительно немногочисленная керамика Чильхуджры показывает, насколько искусны были мастера-керамисты древней Уструшаны.

Значительный интерес представляют изделия из дерева, свидетельствующие о широком использовании этого материала в различных целях.

Найдки шерстяной и хлопковой ткани, а также прядильниц говорят о развитии в Уструшане ткацкого дела. Кроме того, они указывают на развитие, с одной стороны, скотоводства (шерстяные ткани), с другой — хлопководства (во всяком случае в некоторых ее рустанах).

Найдки большого количества зерен злаков, косточек фруктов и костей домашнего скота подтверждают сделанные ранее Н. Н. Негматовым выводы о высоком уровне развития земледелия в Уструшане и о том, что в сельском хозяйстве ведущую роль играли земледелие и скотоводство, а также не последняя роль принадлежала садоводству и виноградарству (Негматов, 1957, стр. 82 и сл.).

Железные изделия также, очевидно, являются продуктом местного производства.

Кроме предметов быта и хозяйства, в Чильхуджре найдены произведения искусства и памятники письменности, несомненно имеющие историко-культурное значение (ювелирные изделия, фрагменты росписи, обуглившаяся деревянная скульптура, брактеат, музыкальные инструменты и др.).

Трудно переоценить значение чильхуджринских согдийских документов. Эти первые на территории Уструшаны полностью сохранившиеся документы позволили окончательно решить вопрос о языке и письменности древних устру-

шанцев. Теперь стало совершенно ясно, что они говорили на одном из местных диалектов согдийского языка и писали согдийским письмом. Использование для письма такого дешевого материала, как дерево, говорит о том, что грамотность была распространена широко. Вместе с тем были специальные писцы-канцеляристы, составлявшие различные документы.

Таким образом, каждая чильхуджринская находка в отдельности представляет большой научный интерес, а все вместе, в комплексе с архитектурой, вносят значительный вклад в историческую науку.

Добытые в результате раскопок материалы позволяют воссоздать этапы перестроек замка, в некоторой степени периоды жизни в нем и картину гибели памятника.

Здание претерпело три крупных строительных периода, менявших его облик и планировку. Первый период, по находкам, относится к концу IV—началу VI в., второй — к VI—началу VII вв., а третий, судя по некоторым данным (росписи, скульптуре и особенно по палеографическим данным согдийских документов), следует отнести к концу VII—началу VIII в. Но после этого замок существовал еще довольно долго, вплоть до начала IX в.

Как известно, VII—VIII вв. в истории Средней Азии значительны событиями, связанными с арабским нашествием. В результате арабских завоеваний погибли не только отдельные памятники, но и целые города. В этот период бедствия как-то меньше затронули территорию Уструшаны. Но в начале IX в. произошло окончательное завоевание легендарной Уструшаны, как и другой горной свободолюбивой области — Хуталля. Это произошло в 822 г. По-видимому, именно с этим годом следует связать гибель Чильхуджры. Воители ислама перебили всех защитников замка, ворвались в него и предали его огню. В пользу этого как будто говорит находка шпинелевой вставки перстия-печати (оброненная, видимо, одним из участников карательной экспедиции), уничтожение (в Большом зале) и маскировка росписи штукатуркой (в Малом зале) и тщательное сокрытие остатков обгорелых деревянных скульптурных головок, выполнивших функцию идолов.

После этого замок временно был заброшен. В X в., когда произошло некоторое политическое и экономическое оживление в связи с созданием централизованного государства Саманидов, начали вновь обживаться старые заброшенные здания и строиться новые монументальные здания и целые поселения. В это же время было повторно обжито несколько помещений первого этажа Чильхуджры (№ 1, 2, 3, 4, 6, 7).

Время этого обживания датировано тремя саманидскими медными фельсами.¹

Первая из них найдена в помещении № 1 у южного проема на высоте 0,5 м от пола. Сохранность хорошая. Чеканена в Бухаре саманидом Абдулмаликом бин Нухом в 349/960—961 г.

Вторая монета найдена вместе с первой и представляет собой медный фельс хорошей сохранности, чеканенный саманидом Мансуром бин Нухом в Бухаре в 363/973—974 г.

Третий медный фельс плохой сохранности, но тем не менее вполне точно определено время его чеканки. Он также чеканен в X в. саманидами, но год чеканки и имя лица, чеканившего его, не сохранились.

Таким образом, все три монеты относятся к X в. и точно датируют время повторного обживания некоторых помещений Чильхуджры. Но это обживание, по-видимому, носило непостоянный и явно недолгосрочный характер. Где-то в XI в. замок был заброшен окончательно.

После того как замок был заброшен, разрушились перекрытия многих помещений второго и некоторых помещений первого этажей. В течение столетий верхние части стен разрушались осадковыми водами и ветрами, нижние части помещений заполнялись наслежениями осадкового лесса. В помещениях, где полностью уцелели своды, осадковые слои, достигая верхнего уровня перемычек проемов, уже закрывали себе путь и не могли проникать внутрь. Пространство выше проемов в этих помещениях до раскопок оставалось пустым. Незаполненные осадковым лессом и оставшиеся в некоторой степени открытыми помещения заполнялись мелкой сухой пылью, заносимой ветром.

Памятник постепенно принимал вид оплывшего холма, покрывался дерном. Жители окрестных сел слагали легенды об этом таинственном холме, связывали его с именами легендарного царя Кахкахи, пророка Али. И именно эта мнимая связь с именем Али превратила холм в священное место. В результате здесь возник маленький мазарчик, а вокруг него — мусульманское кладбище, функционирующее поныне. Сюда приходили верующие, молились, приносили жертвы. За их счет наживались шайхи-самозванцы. Поверхность холма, покрытая полынью, колючками и другими травами, засыхающими уже в начале лета, занятая кладбищем, превратилась в самое мрачное место, в «царство мертвых». И никто до недавнего времени не знал, что под такой грустно-унитой картиной скрывалась жемчужина древней архи-

¹ Все монеты любезно определены Е. А. Давидович, за что выражаем ей глубокую признательность.

тектуры, первоклассное творение рук древнеуструшанских зодчих, давшее теперь в руки исследователей великолепный материал по истории зодчества и замкового строительства, фортификации и хозяйства, искусства, ремесла и письменности.

Весь этот комплекс материалов рисует перед нашими глазами картину не унылой и безрадостной, а, наоборот, веселой, деятельной, полной труда и забот, горя и радости, исканий и достижений жизни наших предков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАН — Доклады Академии наук Таджикской ССР
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отдела Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР
ИАН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИИА — Институт истории и археологии АН Узбекской ССР
ИИ АН Тадж. ССР — Институт истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИИТА — Институт истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР
ИТОРГО — Известия Туркестанского отделения Русского географического общества
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ИЯЛ — Институт языка и литературы им. А. Рудаки АН Таджикской ССР
КАЭКЭ — Казахская археолого-этнографическая комплексная экспедиция
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КС ИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ПТКЛА — Протоколы ТКЛА
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина
САЭ — Семиреченская археологическая экспедиция
Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по охране памятников старины и истории
СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция
СТО — Северо-Таджикистанский отряд ТАЭ
СЭ — Советская этнография
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
ТБАН — Таджикская база АН СССР
ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии

ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа

ТФАН — Таджикский филиал АН СССР

Ўзкомстарис — Узбекский комитет по охране памятников старины и истории

ЎзФАН — Узбекский филиал АН СССР

ҲАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

ЭВ — Эпиграфика Востока

ЮТАҚЭ — Южно - Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

ЛИТЕРАТУРА

Альбаум Л. И., 1955 — Некоторые результаты изучения Ангорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг. Изв. АН УзССР, № 7, Ташкент.

Альбаум Л. И., 1960 — Балалык-тепе. Ташкент.

Альбаум Л. И., 1963 — Раскопки замка Зангтепе. История материальной культуры Узбекистана, вып. 4. Ташкент.

Бартольд В. В., 1896 — Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. Среднеазиатский Вестник, июнь.

Бартольд В. В., 1897 — Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Записки Имп. АН по истор.-филол. отд., т. 1, № 4. Спб.

Бартольд В. В., 1963а — Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М.

Бартольд В. В., 1963б — История культурной жизни Туркестана. Соч., т. 2, ч. 1. М.

Бартольд В. В., 1963в — История Туркестана. Соч., т. 2, ч. 1. М.

Бартольд В. В., 1964 — Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях. Соч., т. 2, ч. 2. М.

Беленицкий А. М., 1948 — О домусульманских культурах Средней Азии. КС ИИМК, вып. 28.

Беленицкий А. М., 1950а — Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. Тр. СТАЭ, т. 1, МИА СССР, № 15. М.—Л.

Беленицкий А. М., 1950б — Раскопки здания № 1 на шахристане Пенджикента (1947 г.). Тр. СТАЭ, т. 1, МИА СССР, № 15. М.—Л.

Беленицкий А. М., 1953 — Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. Тр. ТАЭ, т. 2, МИА СССР, № 37. М.—Л.

Беленицкий А. М., 1954а — Археологические работы в Пенджикенте. КС ИИМК, вып. 55.

Беленицкий А. М., 1954б — Вопросы идеологии и культов в Согде по материалам пянджикентских храмов. Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М.

Беленицкий А. М., 1956 — Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1955 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 63. Сталинабад.

Беленицкий А. М., 1957 — Археологические заметки. I. К вопросу о похоронной обрядности в домусульманской Средней Азии. (О брактеатах Средней Азии). Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 14. Сталинабад.

Беленицкий А. М., 1958 — Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.). Тр. ТАЭ, т. 3, МИА СССР, № 66. М.—Л.

Беленицкий А. М., 1959 — Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Сб. «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». М.

Беленицкий А. М., 1962 — Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г. Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 34. Душанбе.

Беленицкий А. М., 1964 — Работы Пенджикентского отряда в 1961 г. Тр. ИИ АН Тадж. ССР. Душанбе.

Бентович И. Б., 1953 — Керамика Пенджикента. Тр. ТАЭ, т. 2, МИА СССР, № 37. М.—Л.

Бентович И. Б., 1958 — Найдены на горе Муг. Тр. ТАЭ, т. 3, МИА СССР, № 66. М.—Л.

Бентович И. Б., 1964 — Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). Тр. ТАЭ, т. 4, МИА СССР, № 124. М.—Л.

Бернштам А. Н., 1940 — Древняя Фергана. Ташкент.

Бернштам А. Н., 1941 — Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.

Бернштам А. Н., 1949 — Из итогов археологических работ на Тянь-Шанс и Памиро-Алае. КС ИИМК, вып. 28.

Бернштам А. Н., 1950 — Чуйская долина. Тр. Семиречской экспедиции. МИА СССР, № 14. М.—Л.

Бернштам А. Н., 1951 — Памятники старинной Таласской долины. Алма-Ата.

Бернштам А. Н., 1952а — Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26. М.—Л.

Бернштам А. Н., 1952б — Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726). ВДИ, 1 (39).

Бичурин Н. Я. (Иакинф), 1950 — Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л.

Большаков О. Г., 1965 — Ислам и изобразительное искусство. Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии. Л.

Большаков О. Г., Негматов Н. Н., 1958 — Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. Тр. ТАЭ, т. 3, МИА СССР, № 66. М.—Л.

Булатова-Левина В. А., 1961 — Буддийский храм в Куве. СА, № 3.

Вактурская Н. Н., 1959 — Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Керамика Хорезма. Тр. ХАЭ, т. 4. М.

Васильев И. А., 1934 — Согдийский замок на горе Муг. Согдийский сборник. Л.

Веселовский Н. И. 1907 — Еще об оссуариях. ЗВОРАО, т. 17. Спб.

Воробьева М. Г., 1959 — Керамика Хорезма античного периода. Керамика Хорезма. Тр. ХАЭ, т. 4. М.

Воронец М. Э., 1951 — Отчет археологической экспедиции Музея АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская 1947 г. Тр. Музея истории народов Узбекистана, вып. 1. Ташкент.

Воронина В. Л., 1948 — Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. Тр. ИИА АН УзССР, т. 1. Ташкент.

Воронина В. Л., 1950 — Изучение архитектуры древнего Пянджикента. Тр. СТАЭ, т. 1, МИА СССР, № 15. М.—Л.

Воронина В. Л., 1952 — Строительная техника древнего Хорезма. Тр. ХАЭ, т. 1. М.

Воронина В. Л., 1953а — Архитектурные памятники древнего Пенджикента. Тр. ТАЭ, т. 2, МИА СССР, № 37. М.—Л.

Воронина В. Л., 1953б — Древняя строительная техника Средней Азии. Архитектурное наследство, т. 3, М.

Воронина В. Л., 1957 — К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА, № 4.

Воронина В. Л., 1958 — Архитектура древнего Пенджикента. Тр. ТАЭ, т. 3, МИА СССР, № 66. М.—Л.

Воронина В. Л., 1959а — Архитектурный орнамент древнего Пянджикента. Сб. «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М.

Воронина В. Л., 1959б — Раннесредневековый город Средней Азии. СА, № 1.

Воронина В. Л., 1960 — Культовые сооружения Средней Азии. СА, № 2.

Воронина В. Л., 1961 — Проблемы раннесредневекового города Средней Азии (по археологическим материалам). Автореф. докт. дисс. М. Архив ИЭ АН СССР.

Воронина В. Л., 1964а — Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.). Тр. ТАЭ, т. 4, МИА СССР, № 124. М.—Л.

Воронина В. Л., 1964б — Из истории средневековой фортификации. СА, № 3.

Вяткин В. Л., 1928 — Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент.

Гаврилов М. Ф., 1922 — Материалы к этнографии тюрок Узбекского района. Тр. САГУ, сер. 2, Orientalia, вып. 2. Ташкент.

Гайдукевич В. Ф., 1947 — Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КС ИИМК, вып. 14.

Гафуров Б. Г. 1954 — История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. М.

Григорьев Г. В., 1940 — Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. 2. Л.

Григорьев Г. В., 1948 — Келесская степь в археологическом отношении. Изв. АН КазССР, сер. археол., вып. 1.

Губаев А., 1967 — Поселения сасанидского периода в Южном Туркменистане. Автореф. канд. дисс. Л.

Гудков А. В., 1964 — Ток-кала. Ташкент.

Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1955 — Археологический очерк Исфаринского района. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 35. Сталинабад.

Дьяконов М. М., 1953 — Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадиан) (1950—1951 гг.). Тр. ТАЭ, т. 2, МИА СССР, № 37. М.—Л.

Ершов Н. Н., 1952 — О каменных палочках и их аналогиях у таджиков. ДАН Тадж. ССР, вып. 3. Сталинабад.

Заднепровский Ю. А., 1954 — Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс. Л.

Засыпкин Б. Н., 1948 — Архитектура Средней Азии. М.

Засыпкин Б. Н., 1961 — Своды в архитектуре Средней Азии. «Архитектурное наследство», т. 13, М.

Заурова Е. З., 1962 — Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-Кала старого Мерва. Тр. ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад.

Зеймаль Е. В., 1964 — Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956—1957 гг.). Тр. ТАЭ, т. 4, МИА СССР, № 124. М.—Л.

Зеймаль Т. И., 1959 — Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 103. Сталинабад.

Иностранцев К. А., 1909 — О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. ЖМНП, нов. сер., ч. 20, № 3. Спб.

«История таджикского народа», 1964 — т. 2, кн. 1. М.

«История Узбекской ССР», 1955 — т. 1, кн. 1. Ташкент.

Кабанов С. К., 1951 — Археологические разведки в Шахрисябском оазисе. Изв. АН УзССР, № 6. Ташкент.

Кабанов С. К., 1955 — Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дары. Тр. ИИА АН УзССР, вып. 7. Ташкент.

Кабанов С. К., 1956а — Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. ВДИ, № 2.

Кабанов С. К., 1956б — Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша. Тр. ИИА АН УзССР, вып. 8. Ташкент.

Кабанов С. К., 1958 — Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дары (Узбекистан). СА, № 3.

Казиев А. Ю., 1964 — Миниатюры рукописи «Хамсэ» Низами. Баку.

Кастане И. А., 1915 — Древности Ура-Тюбе и Шахристана. ПТКЛА, год 20. Ташкент.

Касымов К., 1949 — Очерки из истории музыкальной культуры Азербайджана XII в. Сб. «Искусство Азербайджана», вып. 2. Баку.

Кацурис К., Буряков Ю., 1963 — Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-Калы. Тр. ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад.

Кибиров А. К., 1959 — Археологические памятники Чат-кала. Тр. КАЭКЭ, т. 2. М.

Климчицкий С. И., 1940 — Ягнобцы и их язык. Тр. ТБАН СССР. т. 9. История—язык—литература. М.—Л.

Кожомбердыев И., 1960 — Новые данные о Кенкольском могильнике. КС ИИМК, вып. 80. М.

«Кой-крылган-кала», 1967 — Тр. ХАЭЭ, т. 5. М.

Крымский А., 1914 — История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Т. 1, № 2. М.

Кызласов Л. Р., 1959 — Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. КАЭЭ, т. 2. М.

Леммейн Г. Г., 1950 — Опыт классификации форм каменных бус. КС ИИМК, вып. 32. М.

Лившиц В. А., 1962 — Юридические документы и письма. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. М.

Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов М. М., 1954 — О древней согдийской письменности Бухары. ВДИ, № 1.

Литвинский Б. А., 1958 — Предметы из погребения на Стадиабадских холмах. Сообщ. Респ. ист.-краеведч. музея Тадж. ССР, вып. 3. Стадиабад.

Литвинский Б. А., 1959а — Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 103. Стадиабад.

Литвинский Б. А., 1959б — Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 91. Стадиабад.

Литвинский Б. А., 1961 — Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. 7. Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31. Душанбе.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. 1964 — Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. 9. Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 42. Душанбе.

Лыкошин Н., 1896 — Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. ПТКЛА, год 1. Ташкент.

Малицкий Н. Г., 1924 — Ягнобцы. ИТОРГО, т. 17. Ташкент.

Малицкий Н. Г., 1929 — Учебное пособие по географии Таджикистана (курс родиноведения). Таджикгосиздат. Ташкент—Самарканд.

Мандельштам А. М., 1954 — О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. СА, № 20. М.

Мандельштам А. М., 1961 — Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г. Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27. Стадиабад.

Мандельштам А. М., 1966 — О сборнике по археологии Афганистана. Сообщ. Гос. респ. объед. музея ист.-краеведч. и изобр. искусств, вып. 4. Душанбе.

Мандельштам А. М., Певзнер С. Б., 1958 — Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. Тр. ТАЭ, т. 3, МИА СССР, № 66. М.—Л.

Марифиев С., 1967 — Крепостные сооружения равнинной части Северного Таджикистана XVIII—XIX вв. (Историко-археологический очерк). Автореф. канд. дисс. Душанбе.

Маршак Б. И., 1957 — Керамика нижнего слоя Пенджикента. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, № 14. Сталинабад.

Маршак Б. И., 1961 — Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков. Тр. ГЭ, т. 5, вып. 6. Л.

Маршак Б. И., 1964 — Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. Тр. ТАЭ, т. 4, МИА СССР, № 124. М.—Л.

Массон М. Е., 1928 — Монетные находки в Средней Азии в 1917—1927 гг. Изв. Средазкомстариса, вып. 3. Ташкент.

Массон М. Е., 1933 — Нахodka фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, вып. 1. Ташкент.

Массон М. Е., 1951 — К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Тр. САГУ, нов. сер., вып. 23, Гуманитарные науки, кн. 4. Ташкент.

Мережин Л. И., 1962 — К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. Тр. ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад.

Мешкерис В. А., 1962 — Терракоты Самаркандского музея. Л. «Миниатюры рукописи «Бабур-намэ», 1960 — М.

«Народы Средней Азии и Казахстана», 1962 — Из серии «Народы мира». М.

Негматов Н. Н., 1953 — Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по Х. в. н. э. Тр. ТАЭ, т. 2, МИА СССР, № 37. М.—Л.

Негматов Н. Н., 1956а — К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны. КС ИИМК, вып. 61. М.

Негматов Н. Н., 1956б — О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1955 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 63. Сталинабад.

Негматов Н. Н., 1957 — Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад.

Негматов Н. Н., 1959а — Археологические раскопки в Шахристане. Мат-лы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л.

Негматов Н. Н., 1959б — Древняя и раннесредневековая Усрушана. В кн.: Археологи рассказывают. Сталинабад.

Негматов Н. Н., 1959в — О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 91. Сталинабад.

Негматов Н. Н., 1959г — О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 103. Сталинабад.

Негматов Н. Н., 1961 — Работы Ходжентско-Усрушанского отряда в 1958 г. Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27. Сталинабад.

Негматов Н. Н., 1964 — О работах Северо-Таджикстанского отряда в 1961 г. Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 42. Душанбе.

Негматов Н. Н., Зеймаль Т. И., 1959 — Усрушанский замок в Шахристане. СА, № 2.

Негматов Н. Н., Зеймаль Т. И., 1961 — Раскопки на Тирмизак-тепе. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, № 1 (24). Сталинабад.

Негматов Н. Н., Пулатов У. П. и Хмельницкий С. Г., 1973 — Уртакурган и Тирмизактепа (Материальная культура Уструшаны, вып. 2). Душанбе.

Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., 1962 — О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 34. Душанбе.

Негматов Н. Н., Салтовская Е. Д., Кияткина Т. Т., 1961 — Изучение погребальных памятников на территории Уструшаны: Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27. Сталинабад.

Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г., 1966 — Средневековый Шахристан (Материальная культура Уструшаны, вып. 1). Душанбе.

Неразик Е. Е., 1959 — Керамика Хорезма афригидского периода. Керамика Хорезма. Тр. ХАЭЭ, т. 4. М.

Неразик Е. Е., 1963 — Раскопки Якке-Парсана. Материалы ХАЭЭ, вып. 7. М.

Неразик Е. Е., 1966 — Сельские поселения афригидского Хорезма. М.

Неразик Е. Е., Лапиоров-Скобло М. С., 1959 — Раскопки Барак-тама I в 1956 г. Мат-лы ХЭ, вып. 1. М.

Несмеянов С. А., Ранов В. А., 1962 — Палеолитические находки у Шахристана. ДАН Тадж. ССР, т. 5, № 6.

Нильсен В. А., 1956 — Варахшская цитадель. Тр. ИИА АН УзССР, вып. 8. Ташкент.

Нильсен В. А., 1964 — Сельские постройки периода раннего феодализма в Узбекистане. «Архитектурное наследство», т. 17. М.

Нильсен В. А., 1966 — Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент.

Орбели И. А., Тревер К. В., 1935 — Сасанидский металл. М.—Л.

Пилявский В. И., 1947 — Сырцовые сооружения древнего Мерва. Сообщ. ИИТА, вып. 8. М.

Прибыткова А. М., 1961 — Здание Кырк-кызы как образец строительной техники IX в. «Архитектурное наследство», т. 13. М.

Пугаченкова Г. А., 1950 — Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Тр. ИИА АН УзССР, т. 2. Ташкент.

Пугаченкова Г. А., 1958а — Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. 6. М.

Пугаченкова Г. А., 1958б — Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, т. 8. Ашхабад.

Пугаченкова Г. А., 1965 — Отголоски античной художественной традиции в средневековой живописи Средней Азии и Ирана. Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии. Л.

Пугаченкова Г. А., 1966 — Халчаян. Ташкент.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1965 — История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.

Ранов В. А., Салтовская Е. Д., 1961 — О работах Ура-тюбинского отряда в 1959 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. 7. Тр. ИИА Тадж. ССР, т. 31. Сталинабад.

Рутковская Л. М., 1962 — Античная керамика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад.

Семенов А. А., 1946 — Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али (XVII в.). Ташкент.

Семенов Д. А., 1928 — Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии. Изв. Средазкомстариса, вып. 3. Ташкент.

Сергин В. Я., 1966 — Раскопки на городище Кахкаха I. Сообщ. Гос. респ. объед. музея ист.-краеведч. и изобр. искусств, вып. 4. Душанбе.

Скварский П. С. 1896 — Несколько слов о древностях Шахристана. ПТКЛА, год 1. Ташкент.

Смирнова О. И., 1939а — Новые данные по истории Согда VIII в. ВДИ, № 4.

Смирнова О. И., 1939б — О трех согдийских монетах. ВДИ, № 1.

Смирнова О. И., 1950 — Археологические разведки в бассейне Заравшана в 1947 г. Тр. СТАЭ, т. 1, МИА СССР, № 15. М.—Л.

Смирнова О. И., 1951 — Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Гос. Эрмитажа. ЭВ, № 4.

Смирнова О. И., 1952 — Материалы к сводному каталогу согдийских монет. ЭВ, № 6.

Смирнова О. И., 1953 — Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Тр. ТАЭ, т. 2, МИА СССР, № 37. М.—Л.

Смирнова О. И., 1963 — Каталог монет с городища Пенджикент. М.

Смирнова О. И., 1971 — Первые монеты из Уструшаны (Предварительное сообщение на юбилейной сессии ИА АН СССР 21/IX—1969). ЭВ, № 20.

Сорокин С. С., 1961 — Боркорбазский могильник. Тр. Гос. Эрмитажа, т. 5, вып. 6. Л.

Ставиский Б. Я., 1950 — Раскопки жилой башни в кухендизе пянджикентского владетеля. Тр. СТАЭ, т. 1, МИА СССР, № 15. М.—Л.

Ставиский Б. Я., 1954 — Пянджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореф. канд. дисс. Л.

Ставиский Б. Я., 1959 — Археологические работы в бассейне Магиан-Дары в 1957 г. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 103. Сталинабад.

Ставиский Б. Я., 1964 — Раскопки квартала жилищ знати Пенджикентского городища. Тр. ТАЭ, т. 4, МИА СССР, № 124. М.—Л.

Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А., 1953 — Пенджикентский некрополь. Тр. ТАЭ, т. 2, МИА СССР, № 37. М.—Л.

Ставиский Б. Я., Урманова М. Х., 1958 — Городище Кулдор-тепе. (Работы 1955 г.). СА, № 1.

«Таджики Карагина и Дарваза», 1966 — вып. 1. Душанбе.

Тереножкин А. И., 1940а — Жилые постройки XI—XII вв. в Каракалпакской АССР. Изв. УзФАН СССР, № 7.

Тереножкин А. И., 1940б — Памятники материальной культуры из Ташкентском канале (предварительные данные). Изв. УзФАН СССР, № 9.

Тереножкин А. И., 1948 — Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Тр. ИА АН УзССР, т. 1. Ташкент.

Тереножкин А. И., 1950а — Раскопки в кухендизе Пенджикента. Тр. СТАЭ, т. 1, МИА СССР, № 15. М.—Л.

Тереножкин А. И., 1950б — Согд и Чач. КС ИИМК, 33.

Толстов С. П., 1939 — Древнекорезмийские памятники в Каракалпакской АССР. ВДИ, № 3.

Толстов С. П., 1948а — Древний Хорезм. М.

Толстов С. П., 1948б — По следам древнекорезмийской цивилизации. М.

Толстов С. П., 1962 — По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Усманова З. И., 1963 — Эрк-кала. Тр. ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад.

Фрейман А. А., 1952 — Два согдийских рукописных документа на коже с горы Муг в Таджикистане. ВДИ, 1 (39).

Фрейман А. А., 1959 — Три согдийских документа с горы Муг. «Проблемы востоковедения», № 1.

Фрейман А. А., 1962 — Описание, публикация и исследование документов с горы Муг. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 1. М.

Хмельницкий С. Г., 1959 — Опыт реконструкции буддийского храма на городище Ак-Бешим. Тр. КАЭЭ, т. 2. М.

Хромов А. Л., 1962 — Говоры таджиков Матчинского района. Тр. ИЯЛ АН Тадж. ССР, т. 107. Душанбе.

Широкова З. А., 1956 — Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, вып. 1. (Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 г.). Сталинабад.

Шишкян В. А., 1940а — Из археологических работ на Афрасиабе. Изв. УзФАН СССР, № 12. Ташкент.

Шишкян В. А., 1940б — Мазар Ша-Абду-Малик. Изв. УзФАН СССР, № 8. Ташкент.

Шишкин В. А., 1956 — Некоторые итоги работ на городище Варахша. Тр. ИИА АН УзССР, вып. 8. Ташкент.

Шишкин В. А., 1963 — Варахша. М.

Шишкина Г. В., 1961 — Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. Ташкент.

Шишкина Г. В., 1963 — Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкента. История материальной культуры Узбекистана, вып. 4. Ташкент.

Якубовский А. Ю., 1940а — Археологическая экспедиция в Заравшанскую долину в 1934 г. ТОВЭ, т. 2. Л.

Якубовский А. Ю., 1940б — Краткий полевой отчет о работах Заравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. ТОВЭ, т. 2. Л.

Якубовский А. Ю., 1950 — Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Тр. СТАЭ, т. 1. МИА СССР, № 15. М.—Л.

Якубовский А. Ю., 1953 — Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг. Тр. ТАЭ, т. 2, МИА СССР, № 37. М.—Л.

Якубовский А. Ю., 1956 — Древний Пенджикент. Сб. «По следам древних культур». М.

«Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari», 1879—1901 — edidit M. J. de Goeje, Lugduni Bataforum, t. 1—3.

Ghirshman R., 1946 — Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Koushans. MDAFA, t. 12. Le Caire.

D'Erlanger R., 1930 — La musique arabe. V. 1—2. Paris.

Markwart J., 1931 — A. Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr. Roma.

Sachs Curt, 1913 — Real-lexikon der Musik instrumente. Berlin.

Tomaschek W., 1877 — Central asiatische studien, 1, Sogdiana. Wien.

Hackin J., J. Carl et J. Meunier, 1959 — Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933—1940). MDAFA, t. 8, Paris

محمد أبو بكر محمد بن جعفر النرجسي، (1317هـ: 1939 год Григорианского летоисчисления).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

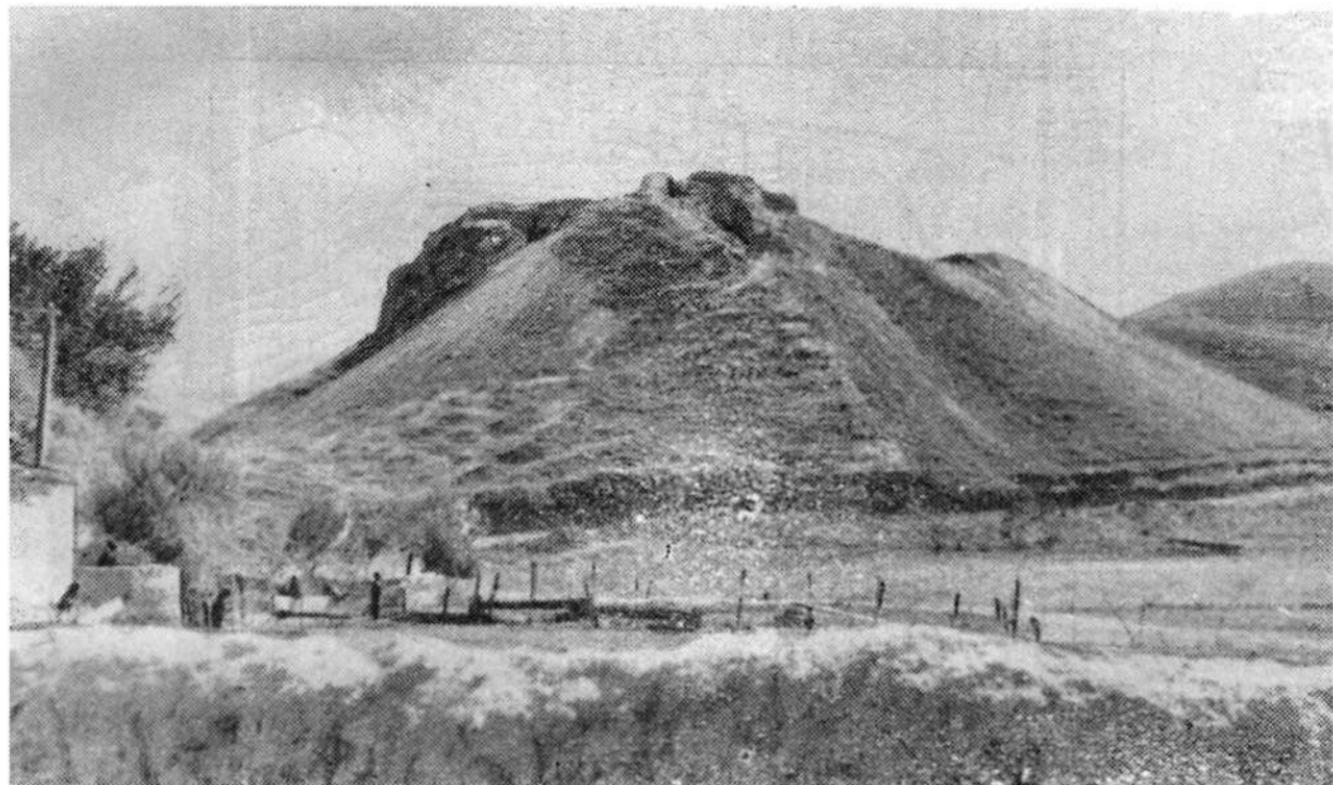

Рис. 1. Чильхуджра. Общий вид с запада.

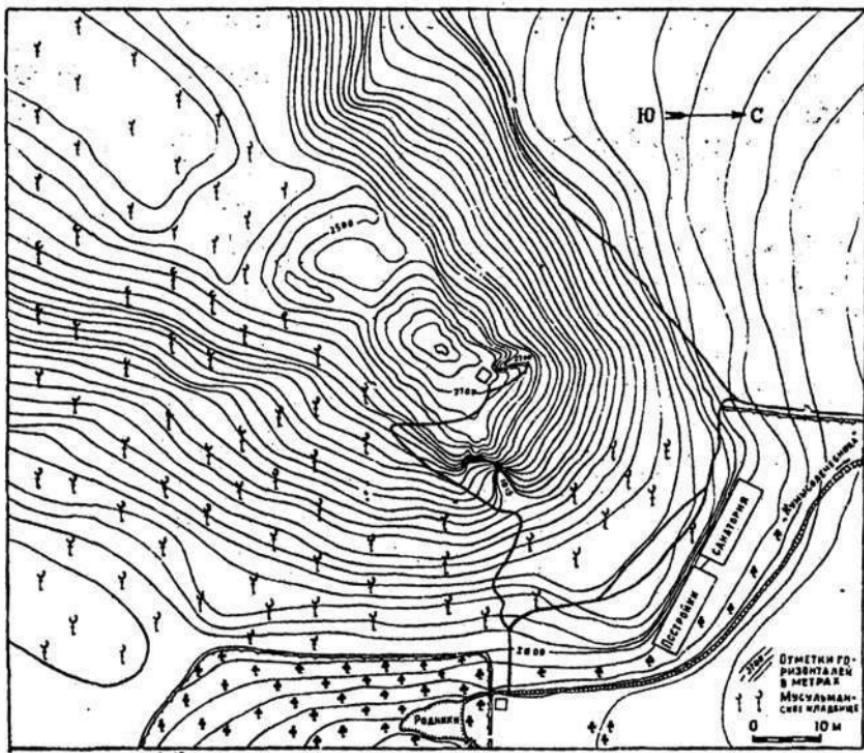

Рис. 2. Чильхуджра. Топографический план холма.

Рис. 3. Чильхуджра. Общий вид с востока.

Рис. 4. Чильхуджра перед началом раскопок. Вид с севера.

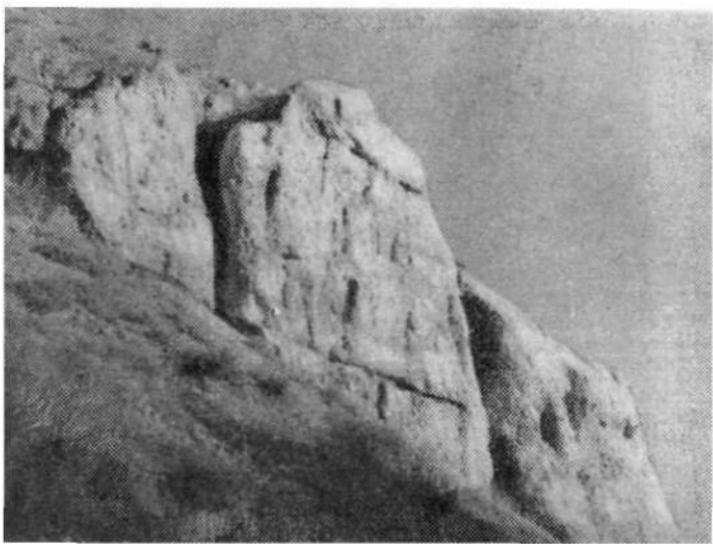

Рис. 5. Обнажения восточных стен.

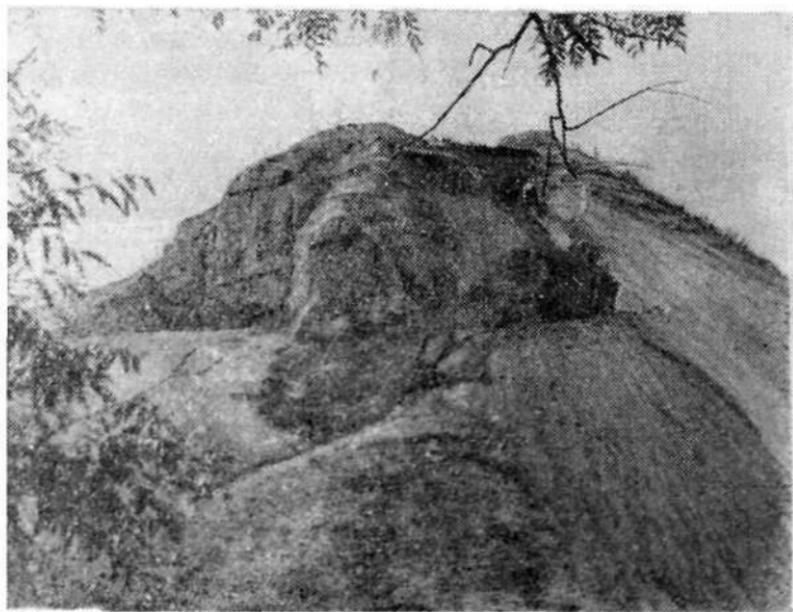

Рис. 6. Северо-восточный угол Чильхуджры с остатками угловой башни.

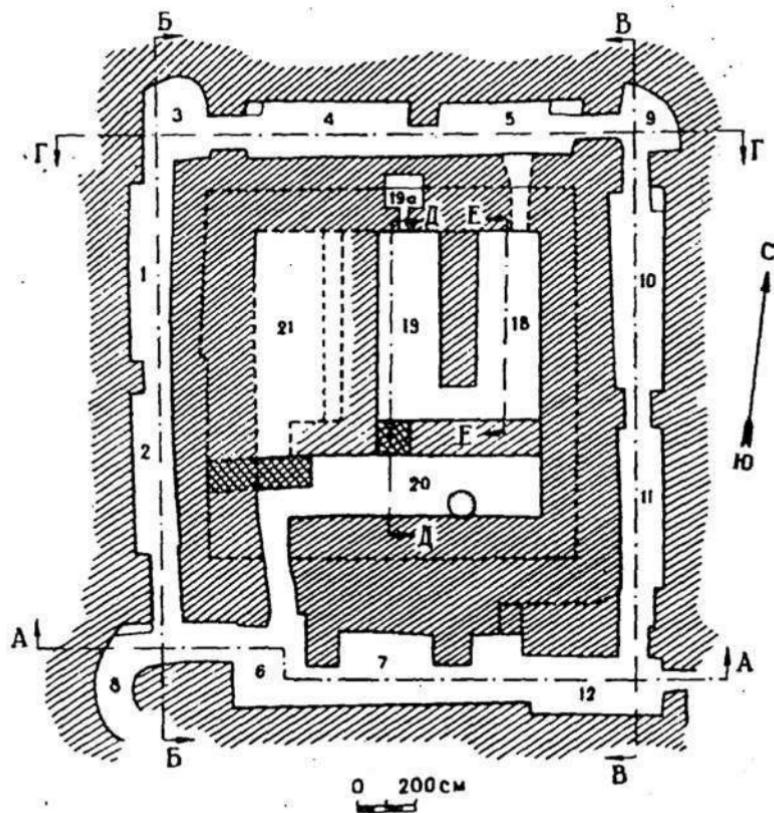

Рис. 7. План первого этажа.

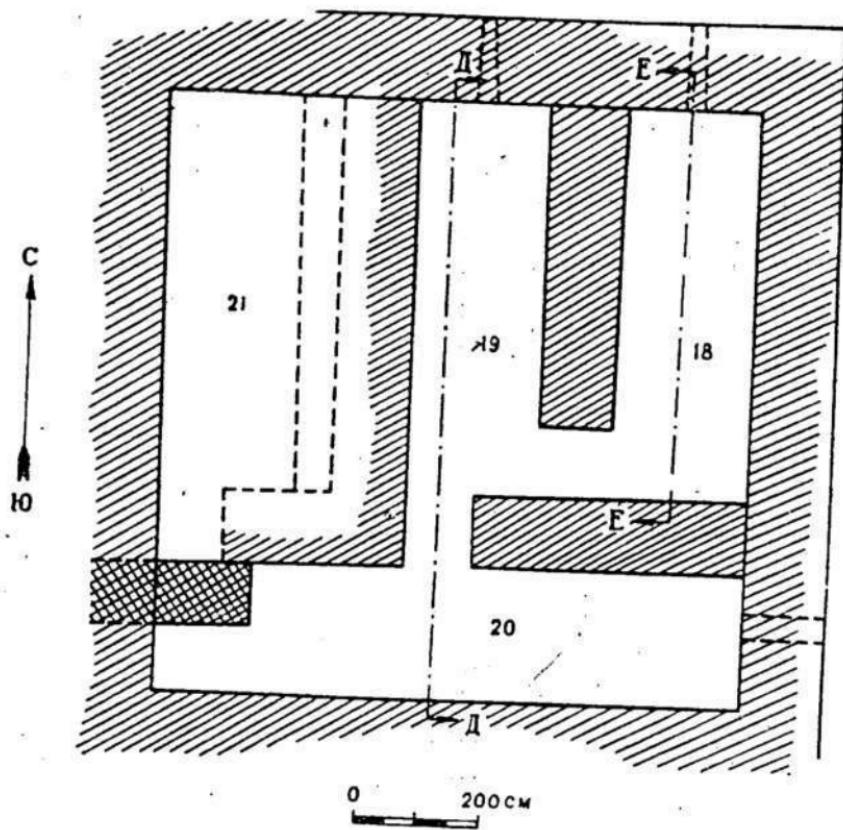

Рис. 8. План центрального ядра первого этажа.

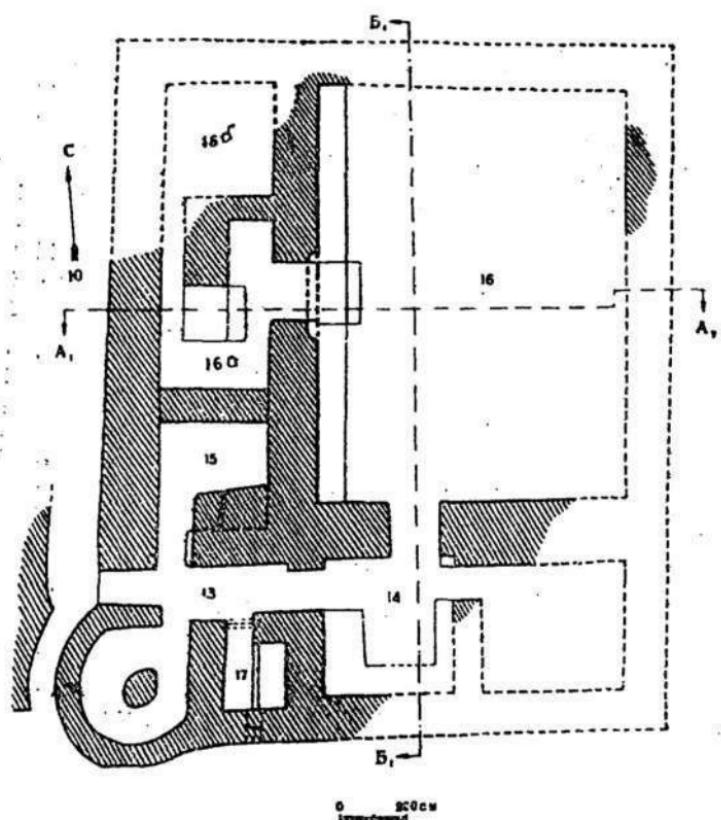

Рис. 9. План второго этажа.

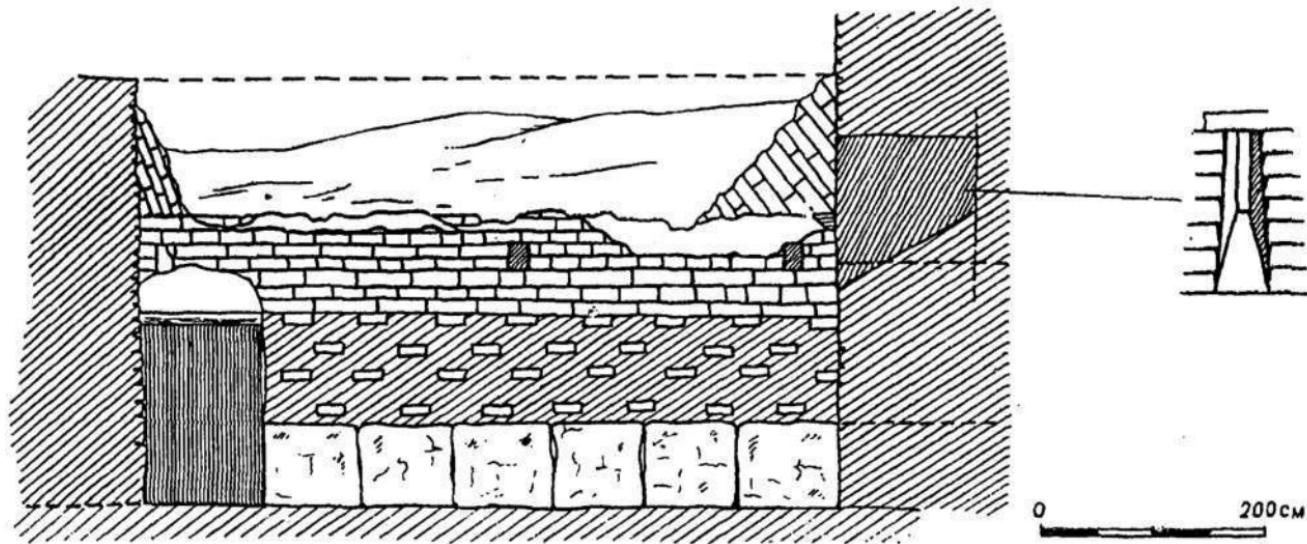

Рис. 10. Разрез помещения № 18 С—Ю (разрез Е—Е).

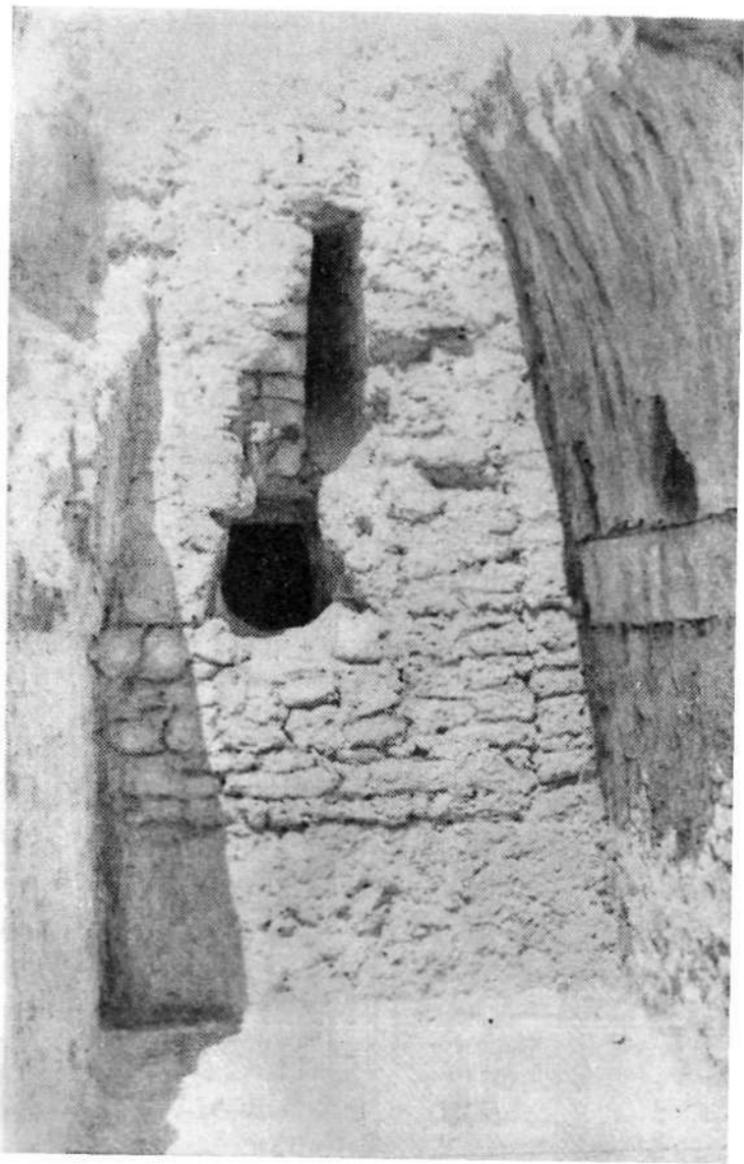
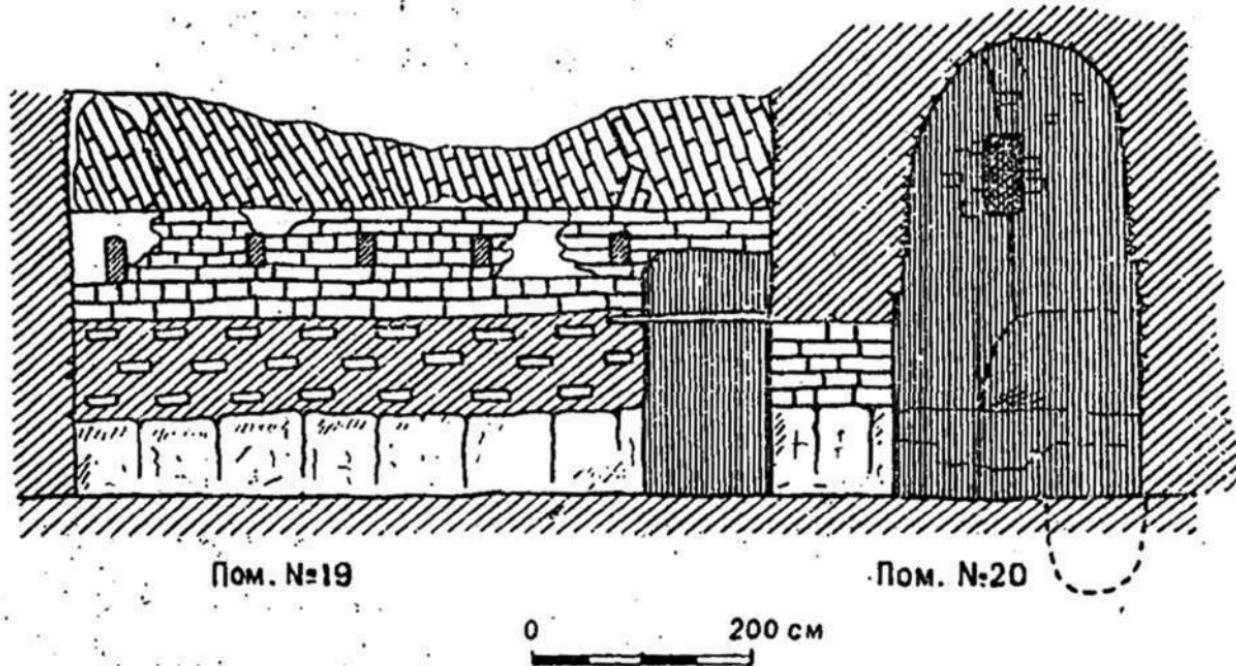

Рис. 11. Вид на помещение № 19.

Пом. №19

Пом. №20

0 200 см

Рис. 12. Разрез помещений № 19 и 20 С-Ю (разрез Д-Д).

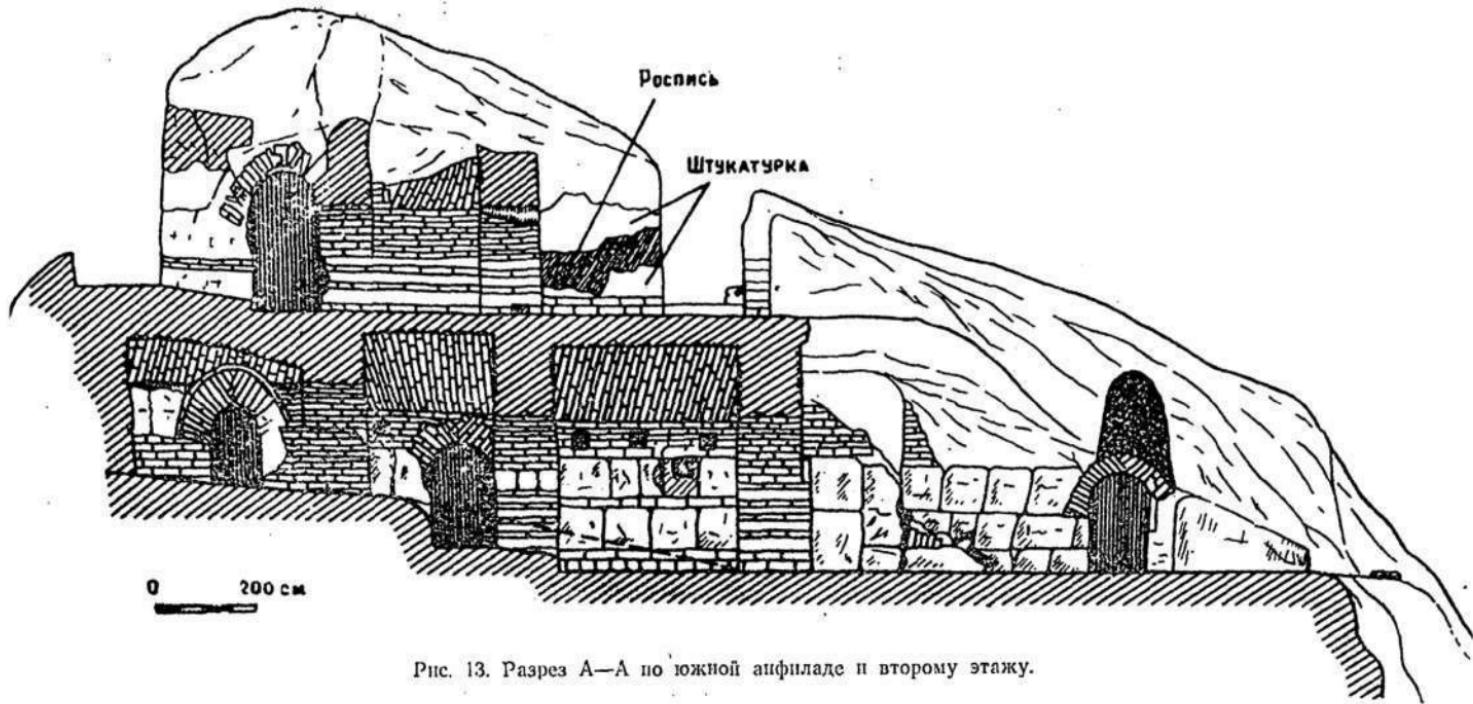

Рис. 13. Разрез А—А по южной афиладе и второму этажу.

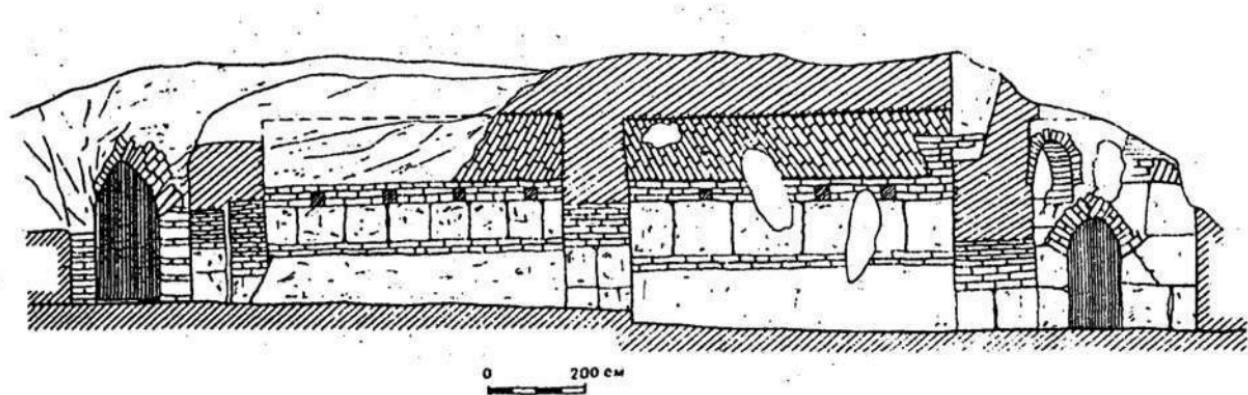

Рис. 14. Разрез В—В по восточной апфиладе.

Лит. 15. Восточная анфилада и сохранившаяся часть свода помещения № 11.

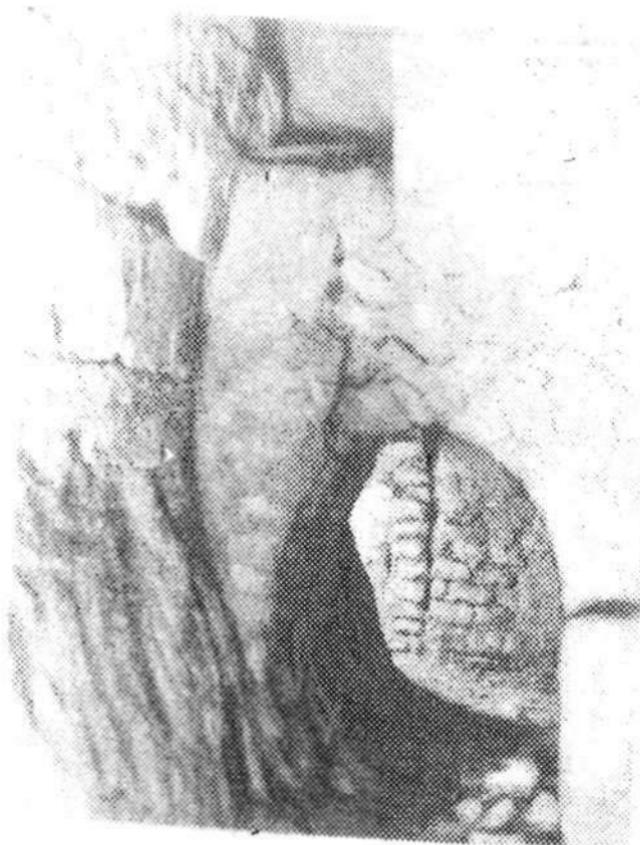

Рис. 16. Помещение № 4 с нишкой и проемом
в помещение № 3.

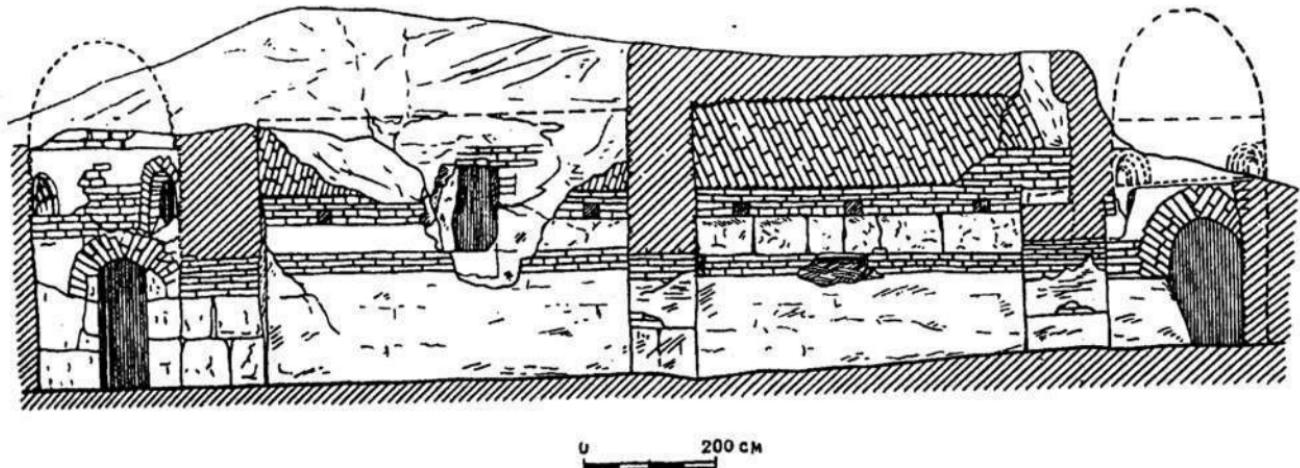

Рис. 17. Разрез Г—Г по северной анфиладе с элементами реконструкции.

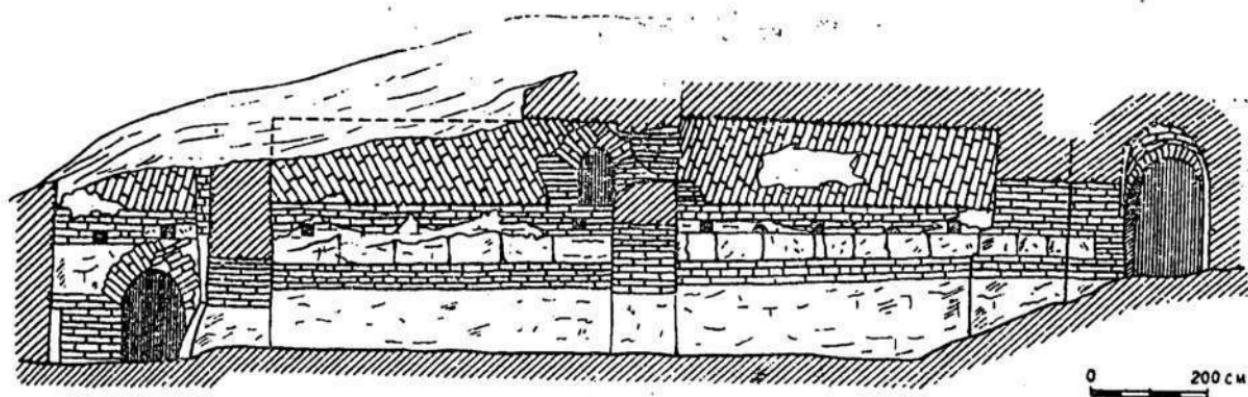

Рис. 18. Разрез Б—Б по западной апфиладе.

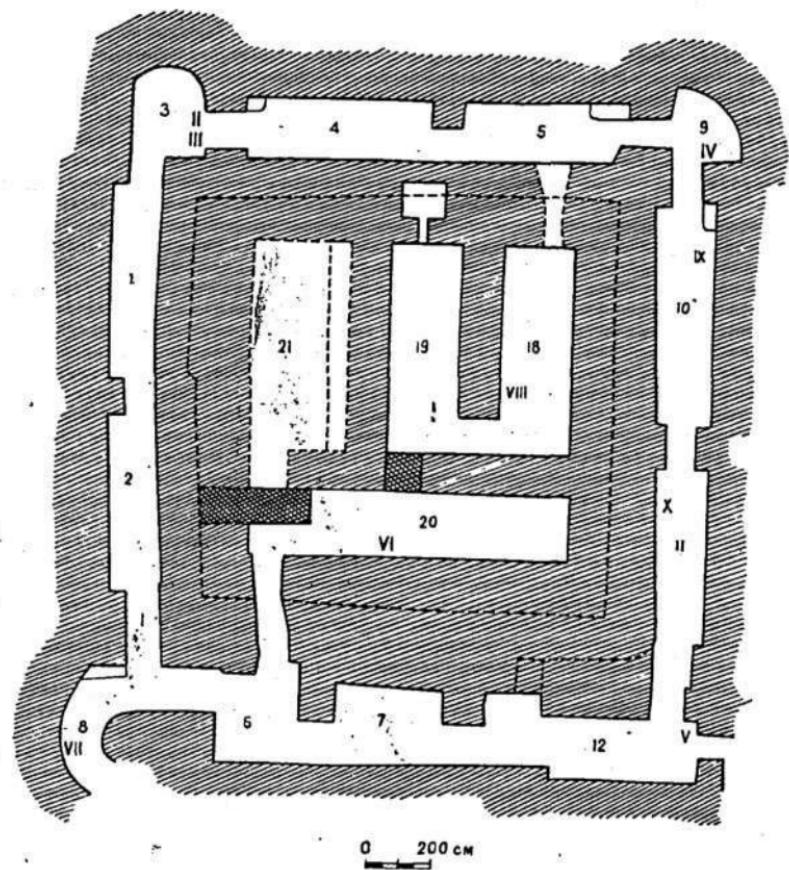

Рис. 19. Схема расположения основных находок на первом этаже: I—золотой брактеат; II—саманидские монеты; III—набор деревянных ложек; IV—бронзовый колокольчик; V—железный топор; VI—фрагмент музыкального инструмента; VII—железный наконечник стрелы; VIII—крестовица веретена; IX—бронзовый медальон; X—бронзовое шило.

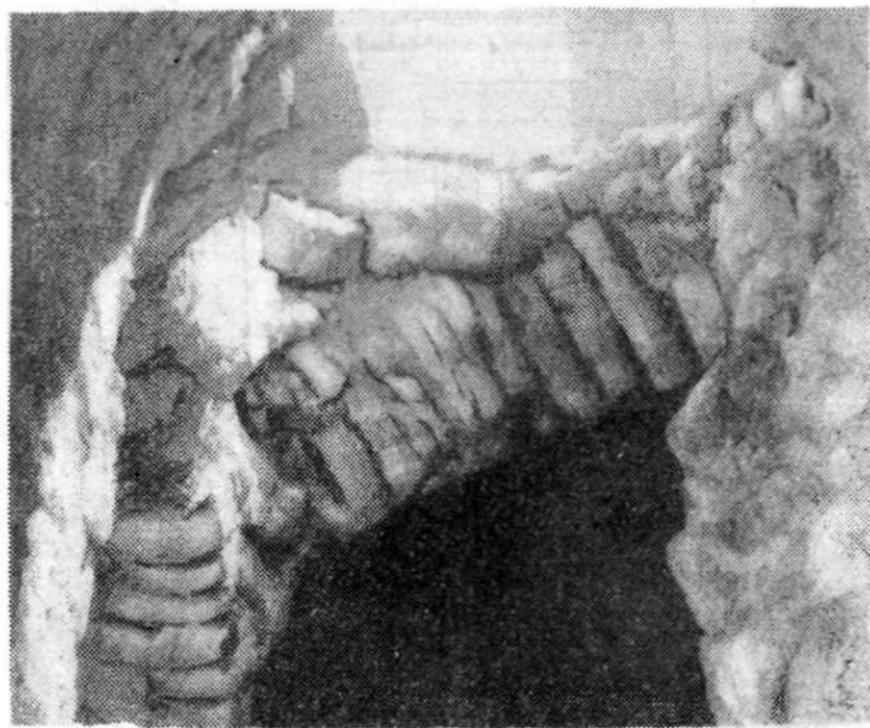

Рис. 20. Вид на пандус при его выходе на второй этаж.

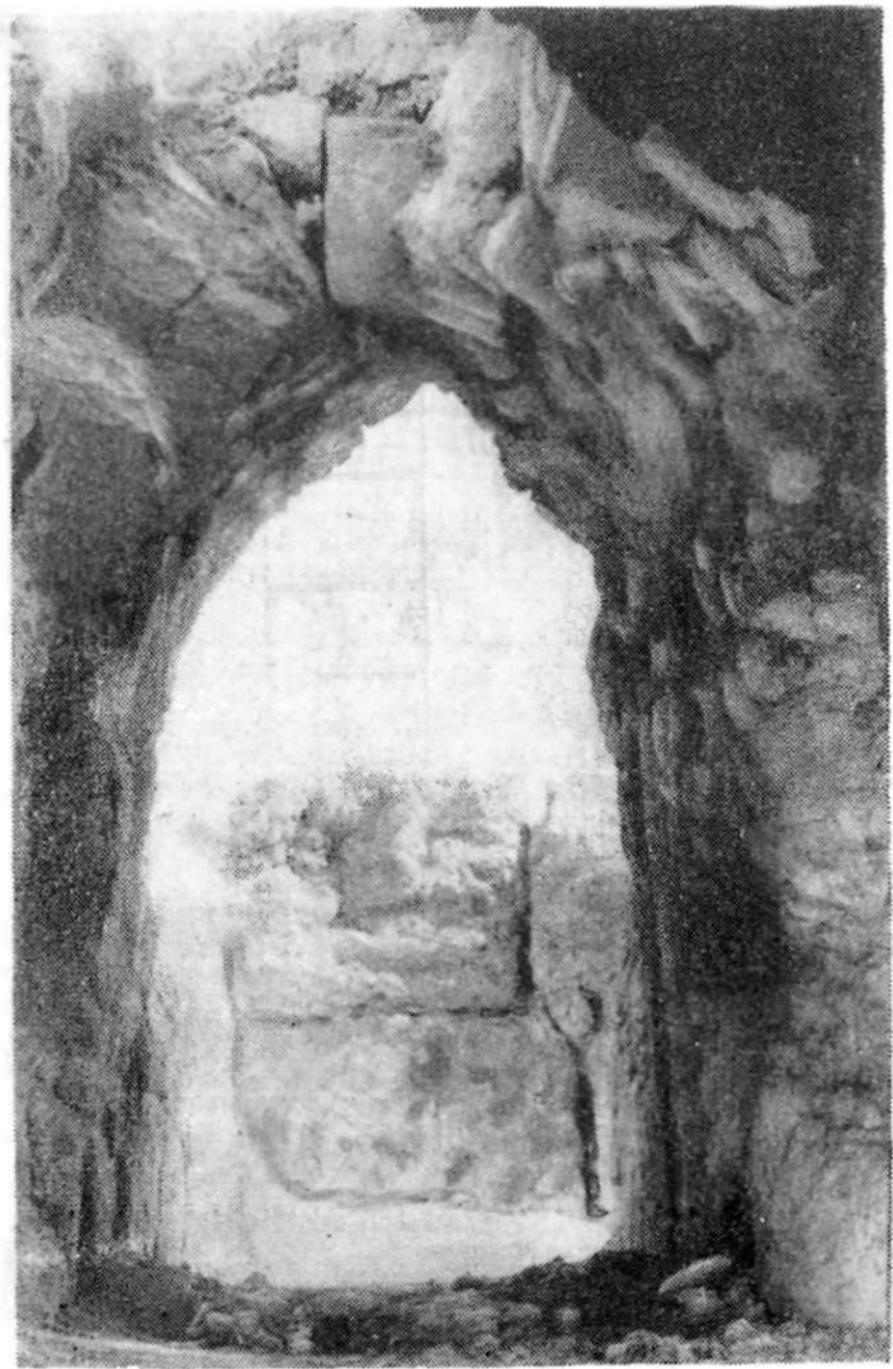

Рис. 21. Вид на помещение № 15.

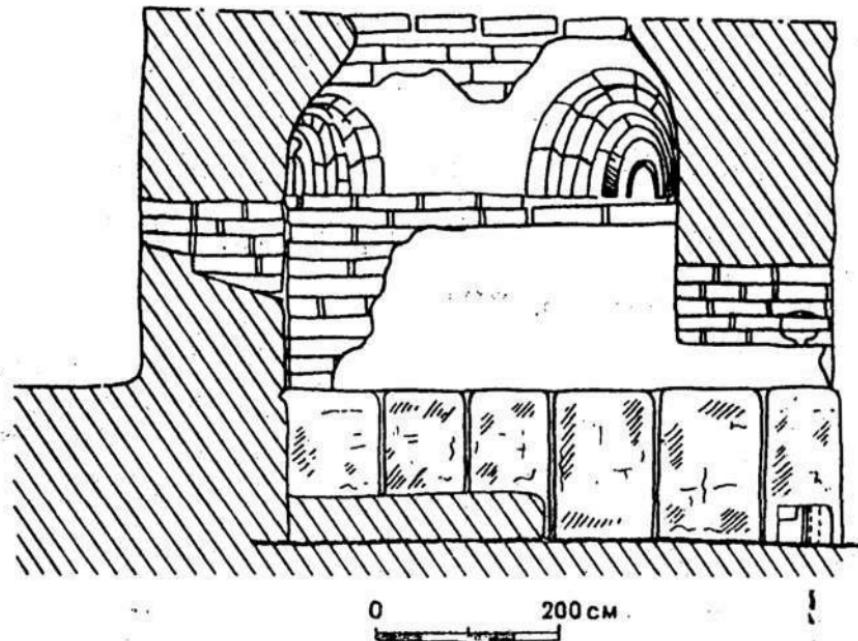

Рис. 22. Разрез купольного помещения № 17.

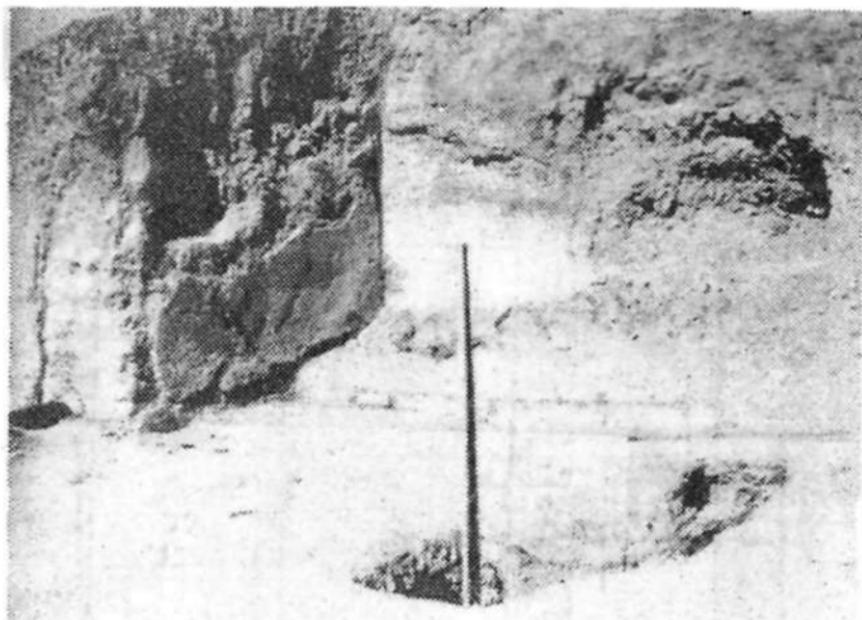

Рис. 23. Юго-западный угол Большого зала.

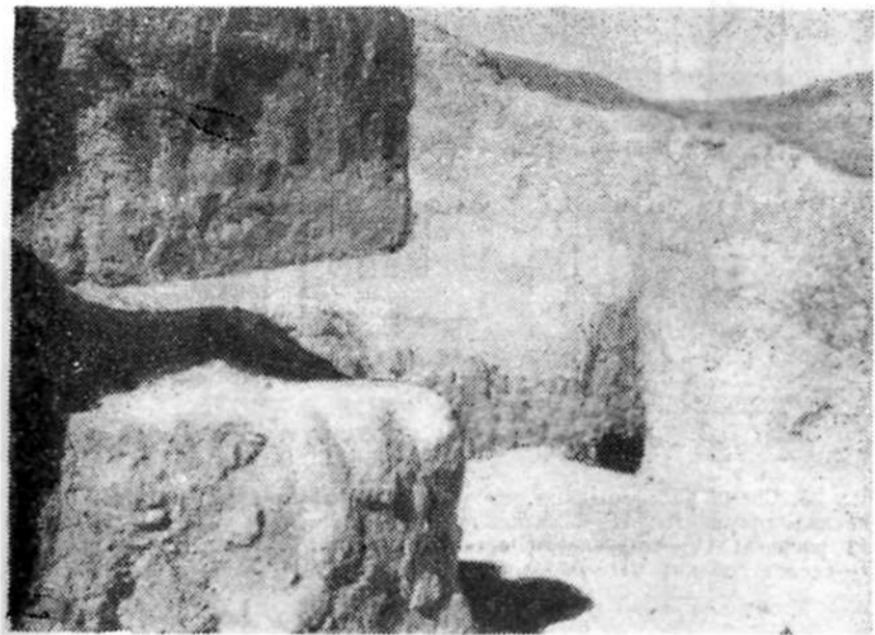

Рис. 24. Помещение № 16а после перестройки.

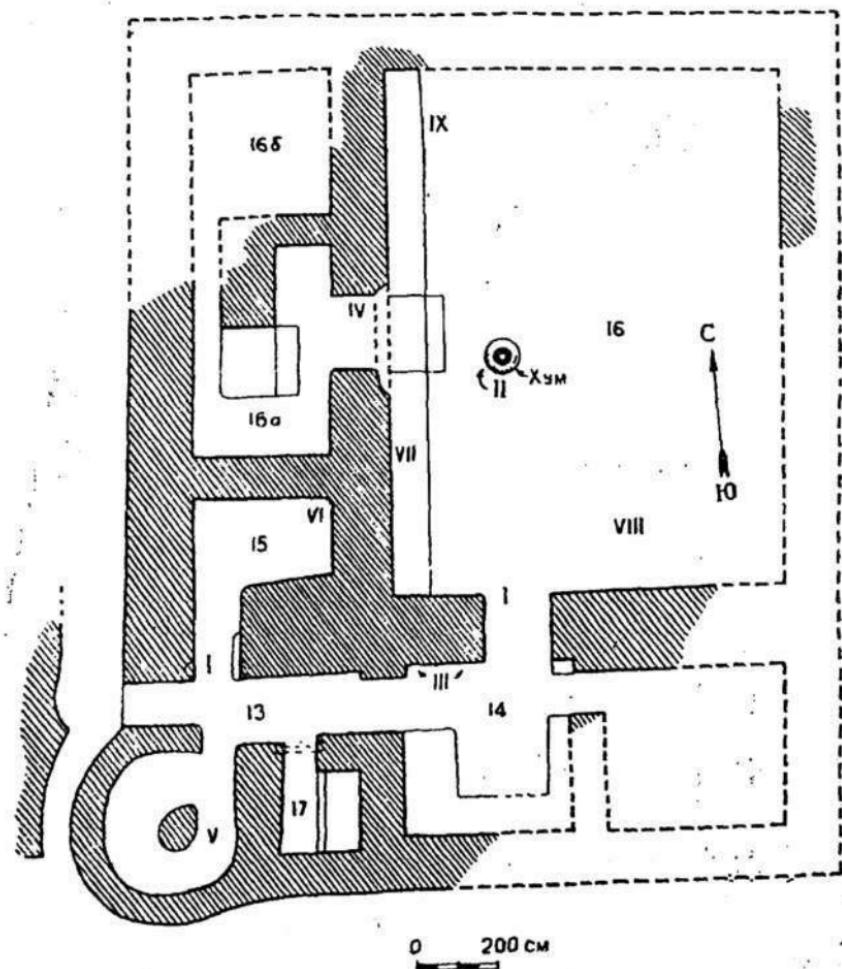

Рис. 25. Схема расположения основных находок на втором этаже: I—согдийские документы; II—обуглившаяся деревянная скульптура; III—стенная роспись; IV—шпинелевая вставка перстня; V—камышовая свирель; VI—скелет собаки; VII—бронзовый перстень; VIII—серебряный перстень; IX—бронзовая серьга.

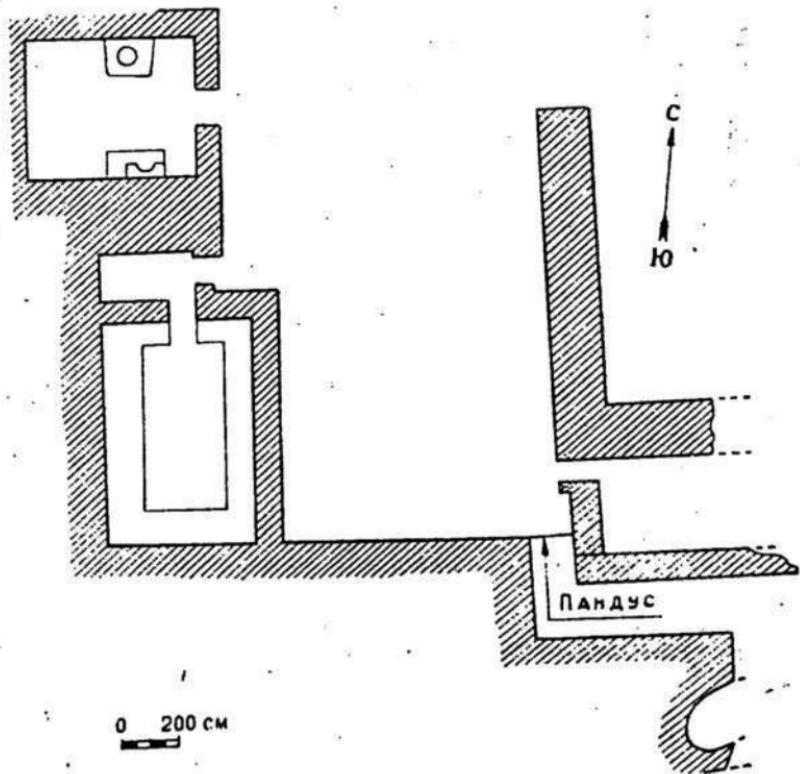

Рис. 26. План дворовых помещений.

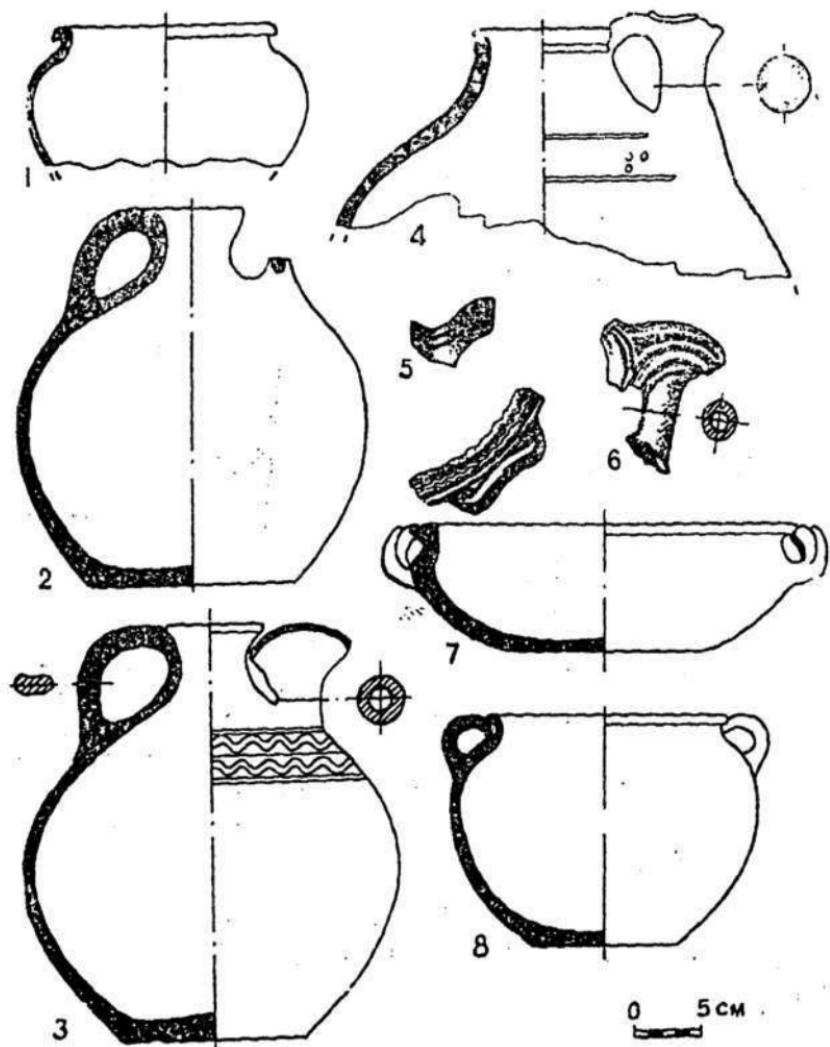

Рис. 27. Керамика IV—VI вв.

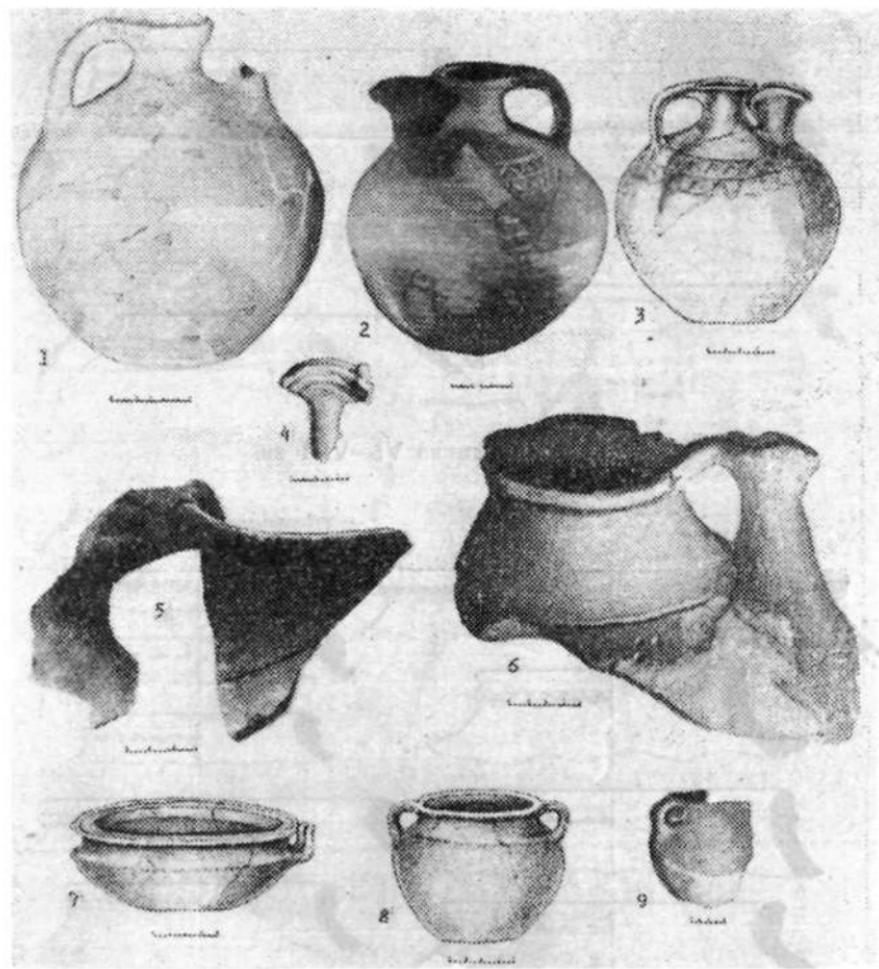

Рис. 28. Керамика IV—VI вв.

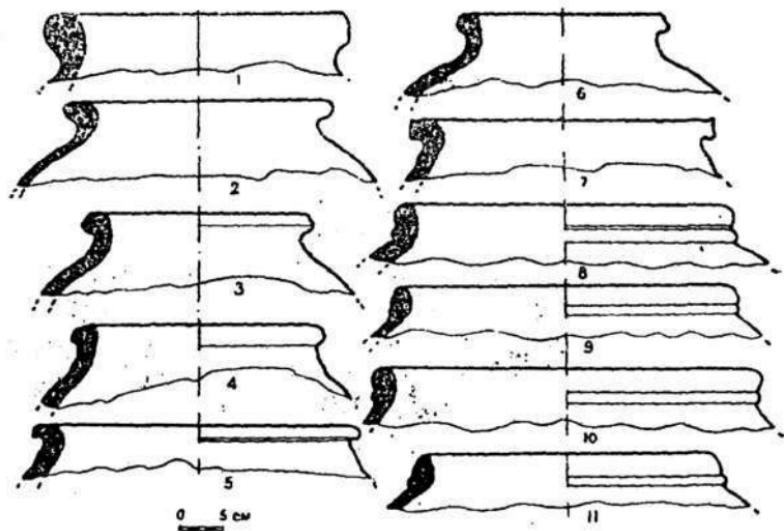

Рис. 29. Керамика VI—VIII вв.

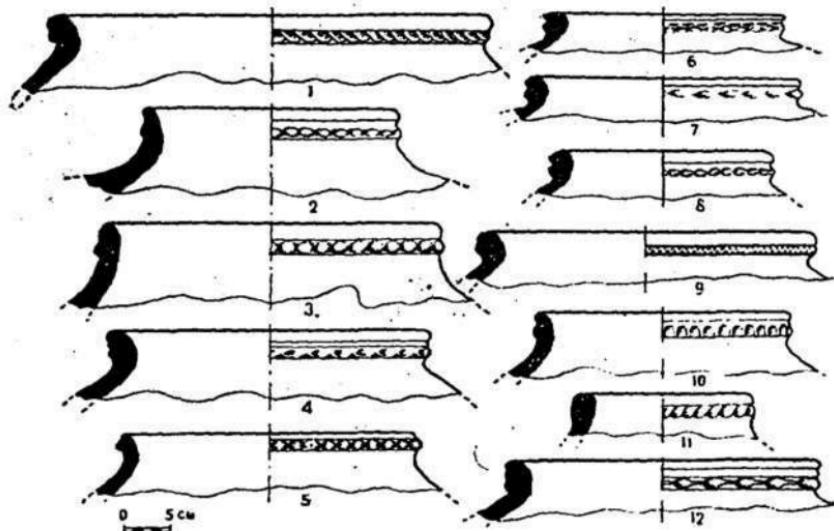

Рис. 30. Керамика VI—VIII вв.

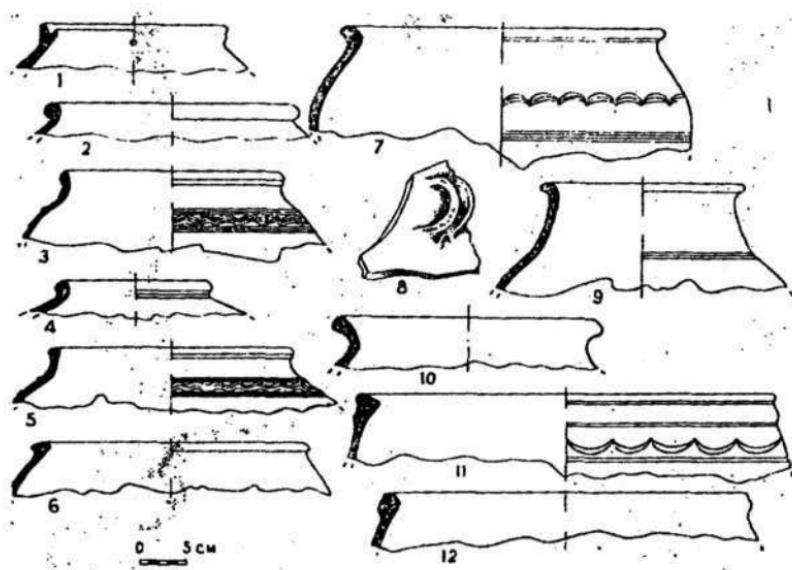

Рис. 31. Керамика VI—VIII вв. (№ 9—IV—VI вв.).

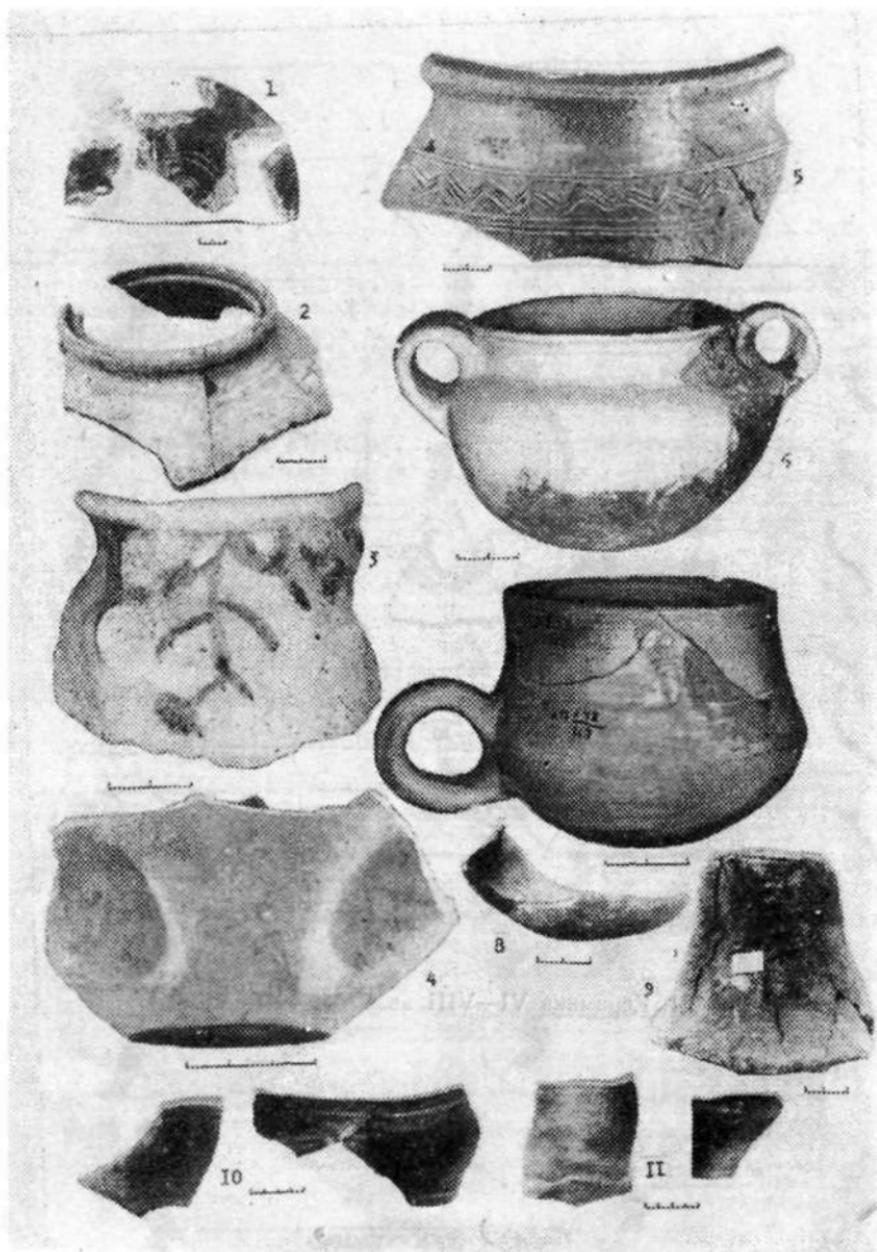

Рис. 32. Керамика VI—VIII вв.

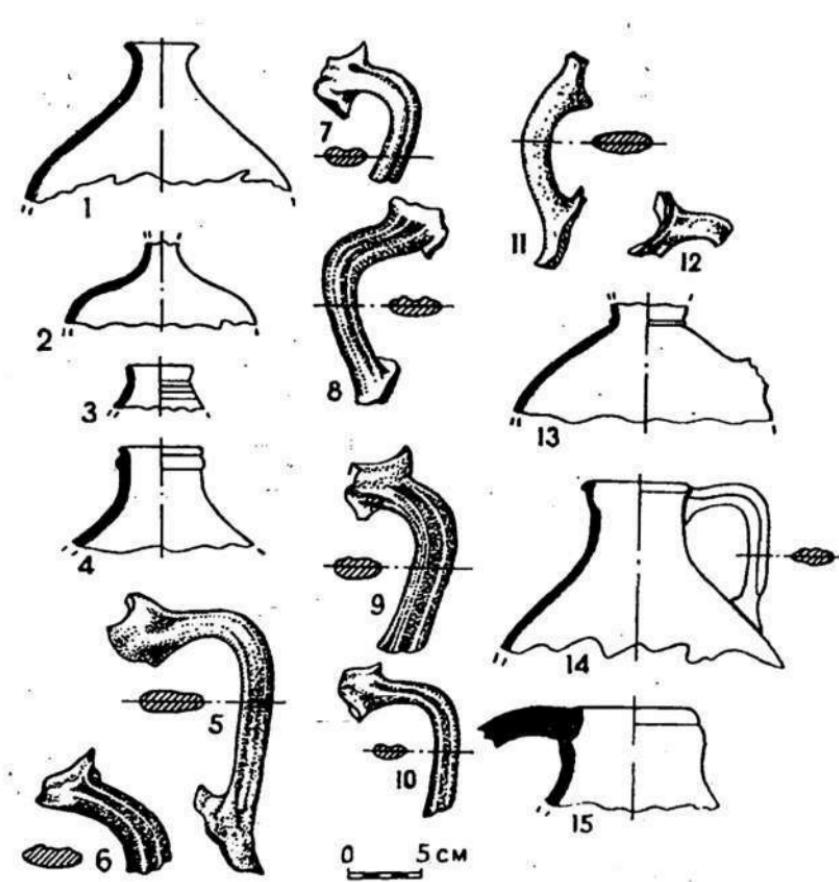

Рис. 33. Керамика VI—VIII вв.

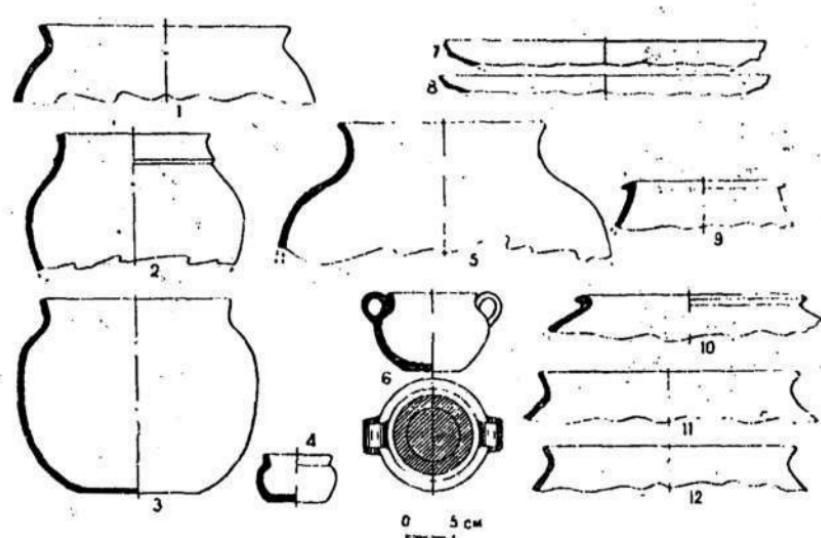

Рис. 34. Керамика VI—VIII вв.

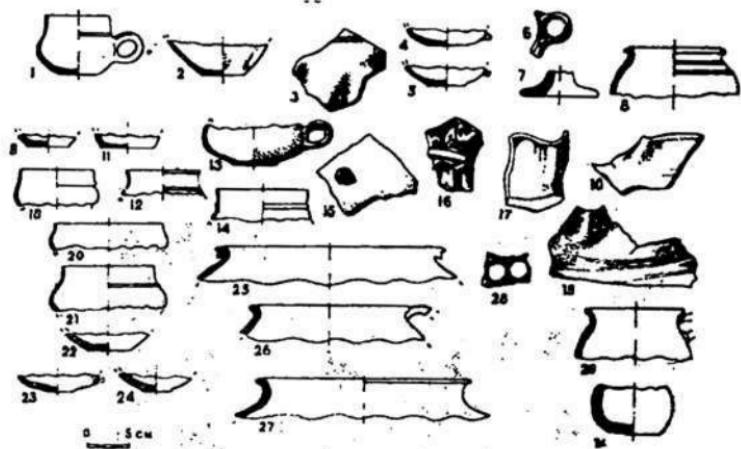

Рис. 35. Керамика VI—VIII вв.

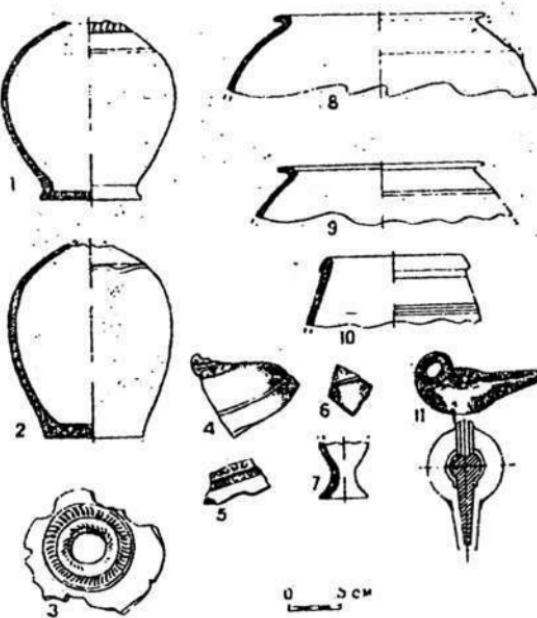

Рис. 36. Керамика X—XI вв.

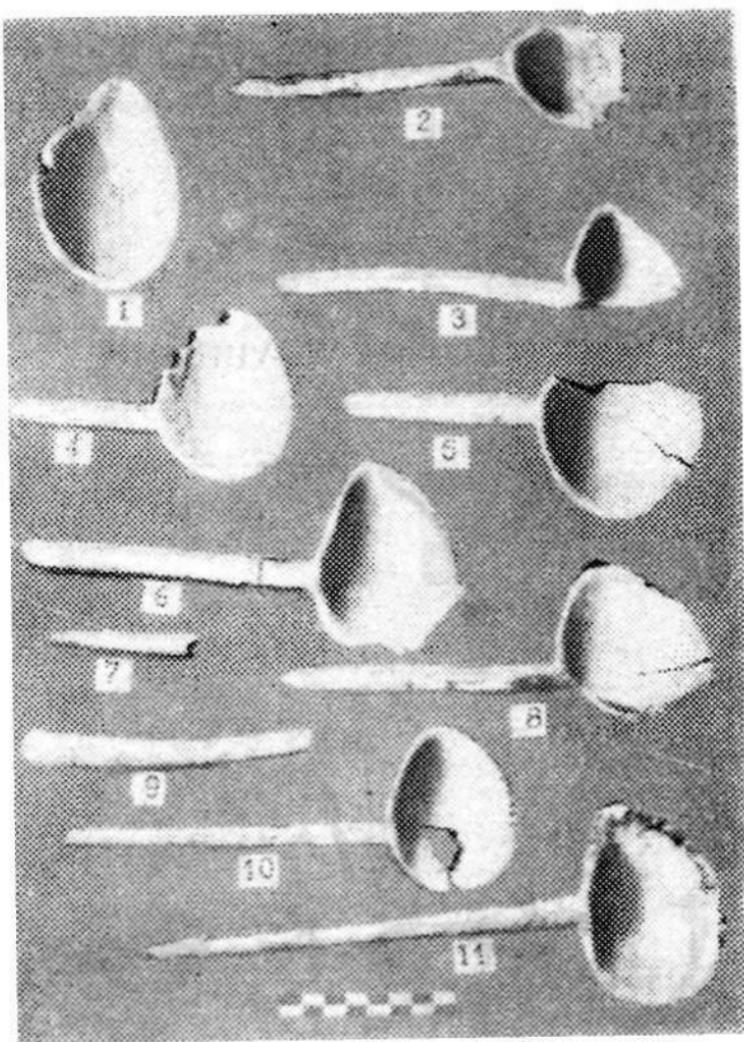

Рис. 37. Деревянные ложки.

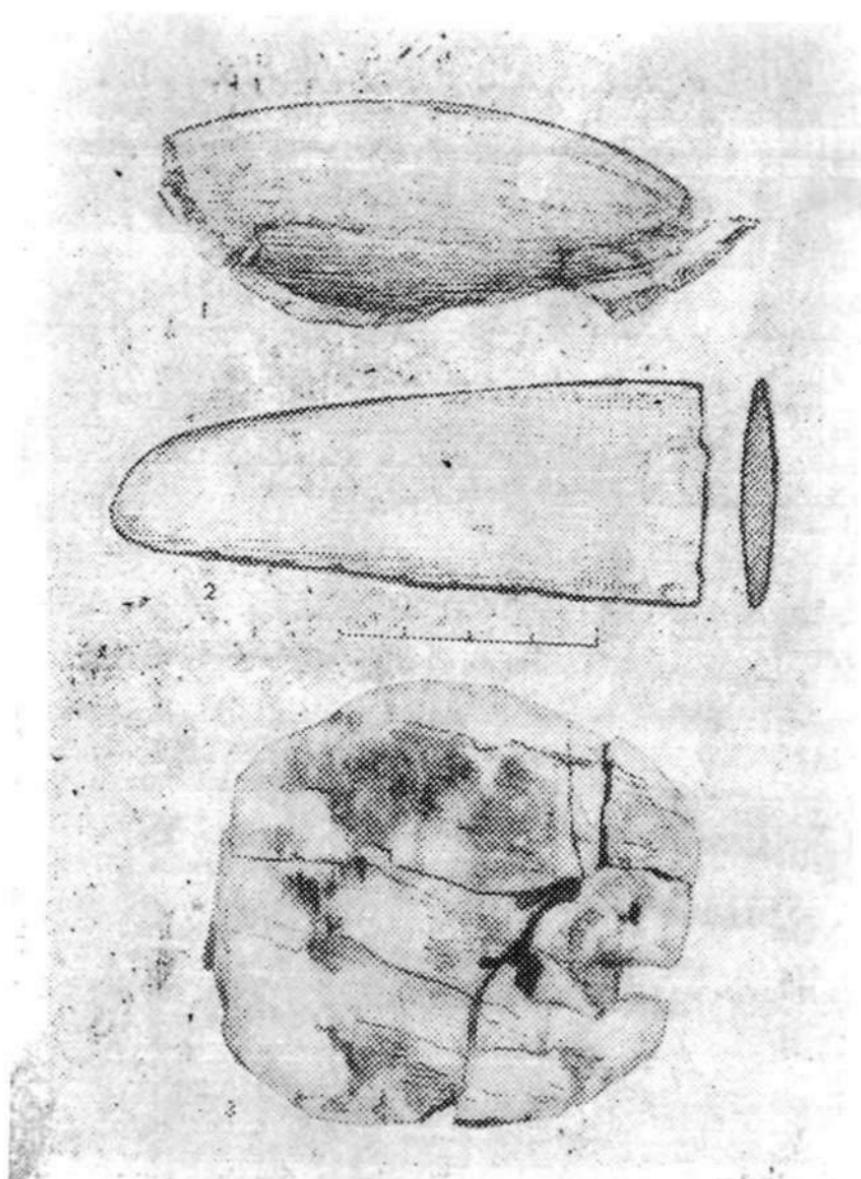

Рис. 38. Деревянные изделия.

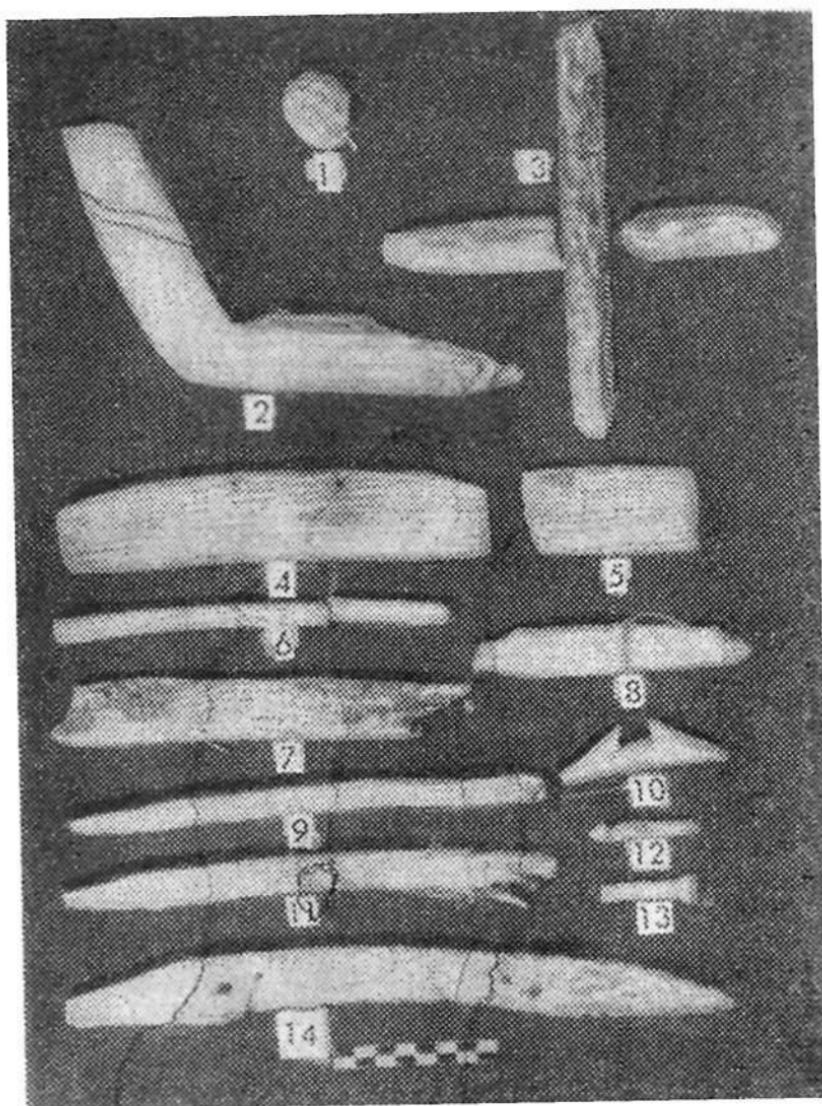

Рис. 39. Деревянные изделия.

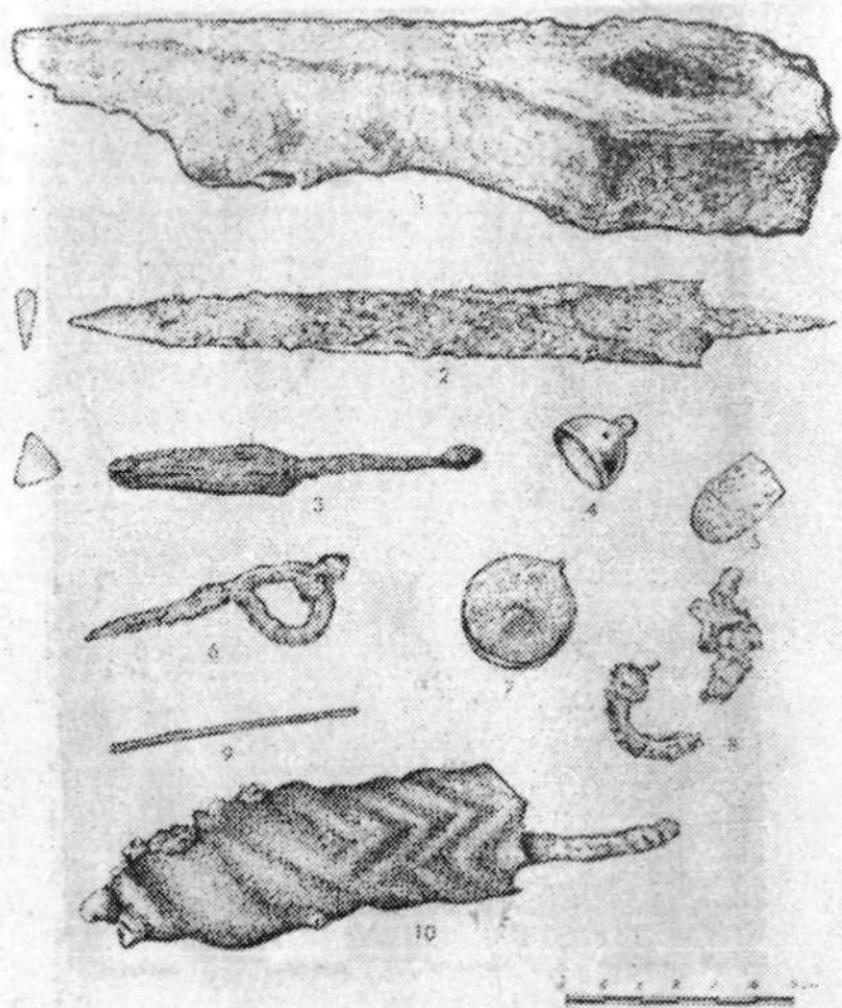
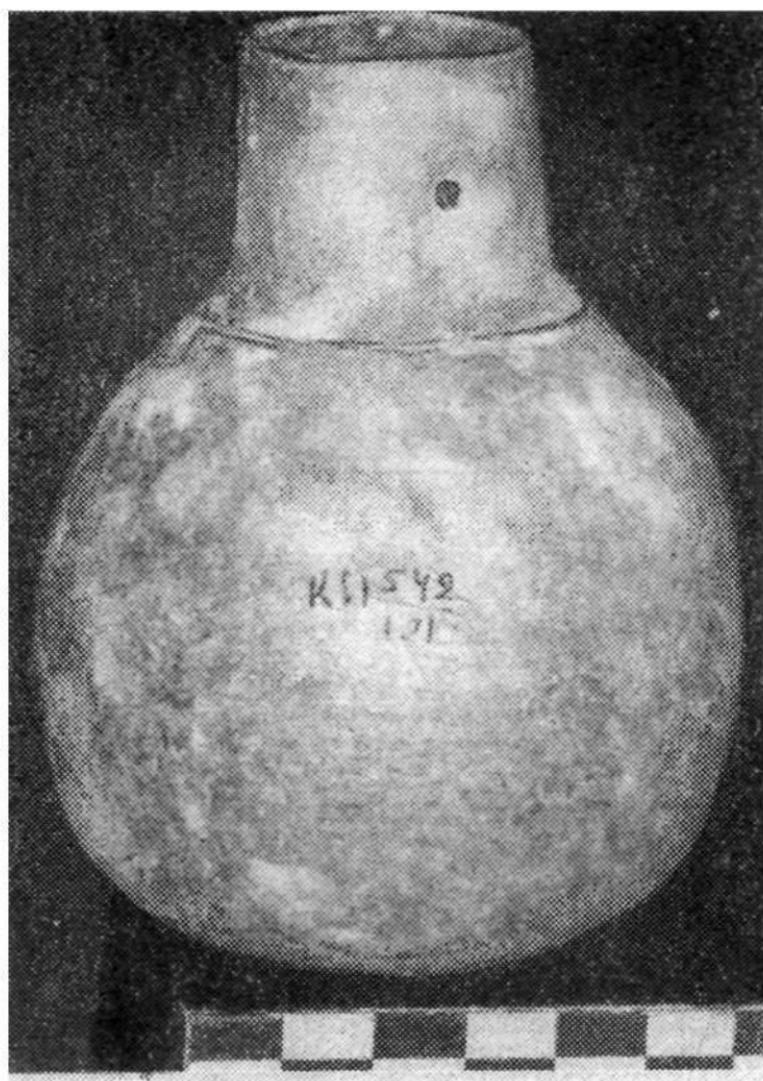

Рис. 40. Металлические изделия.

Рис. 41. Бронзовое изделие.

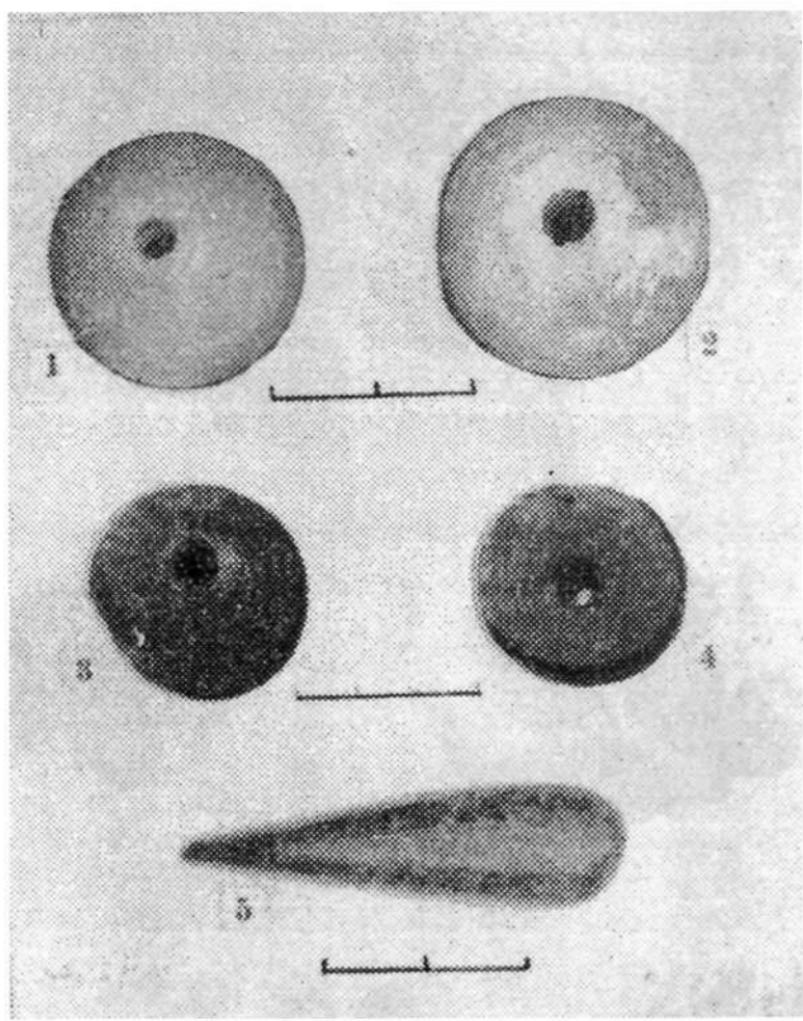
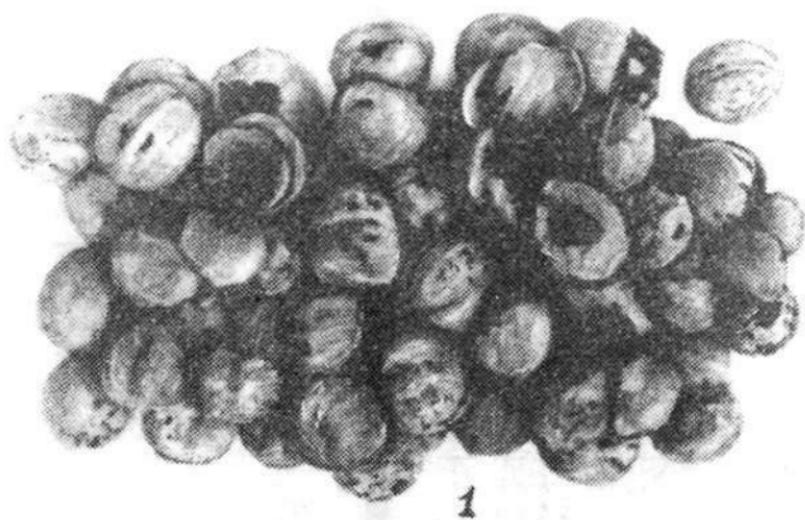

Рис. 42. Каменные изделия.

1

2

3

4

5

6

Рис. 43. Скорлупа орехов и косточки фруктов.

Рис. 44. Дощечки № 1 и 2 с согдийской надписью.

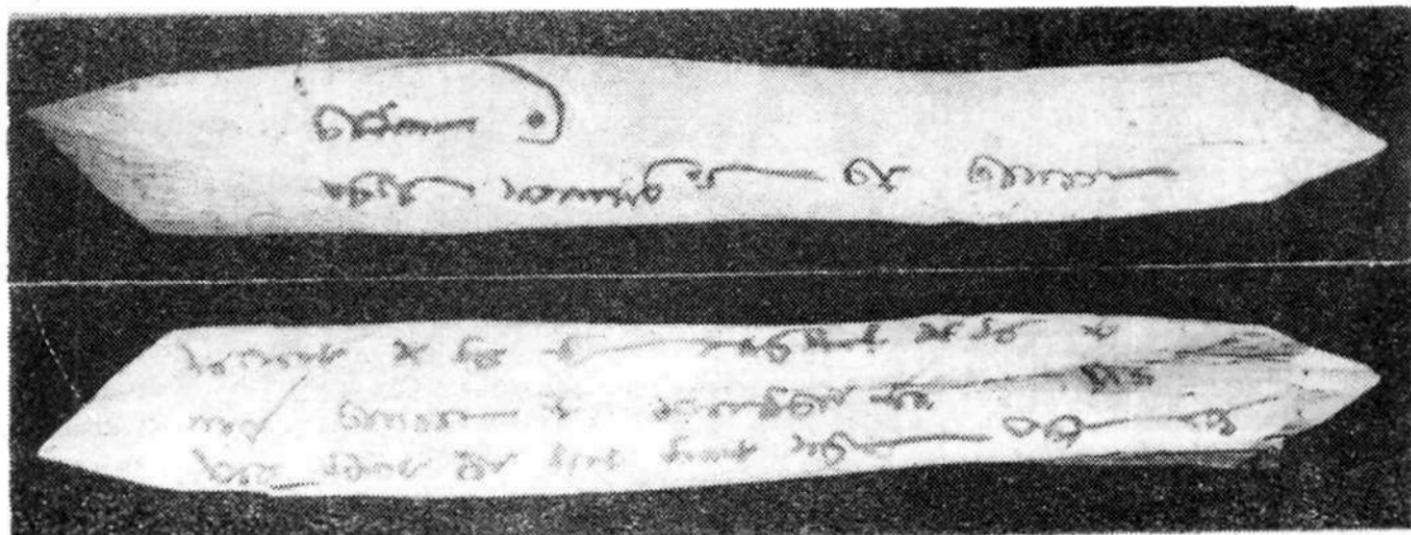

Рис. 45. Дощечка № 3 с согдийской надписью. Лицевая и обратная стороны

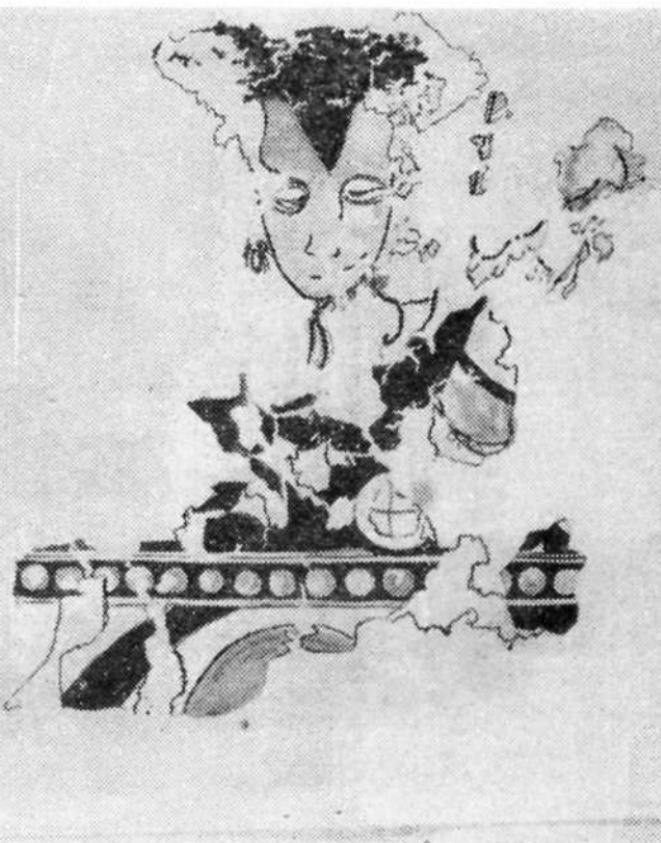
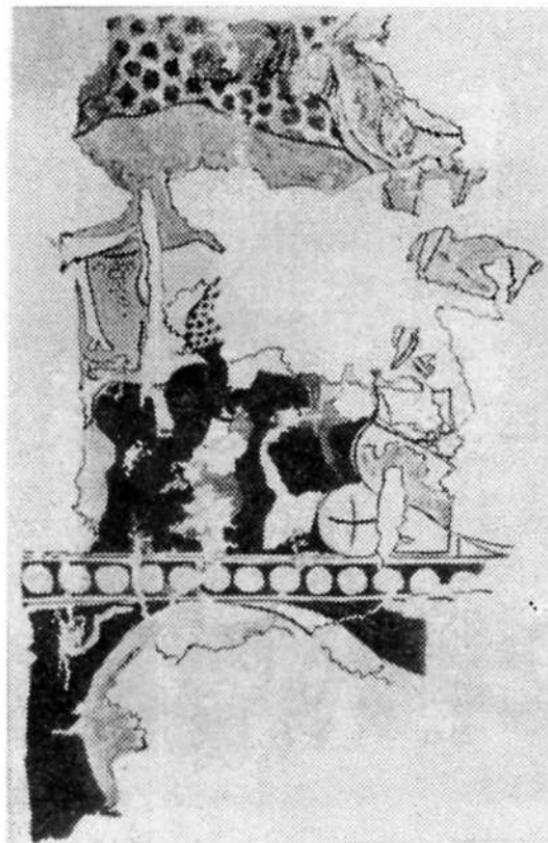

Рис. 46. Остатки настенной живописи.

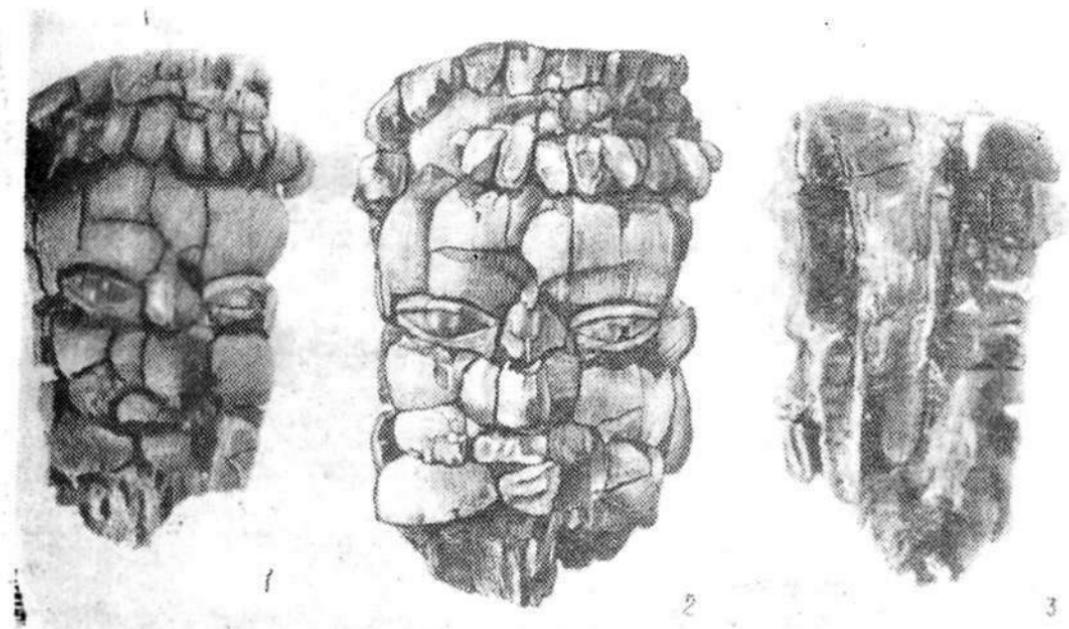

Рис. 47. Первая обуглившаяся деревянная голова: 1—фото; 2—рисунок; 3—тыльная сторона.

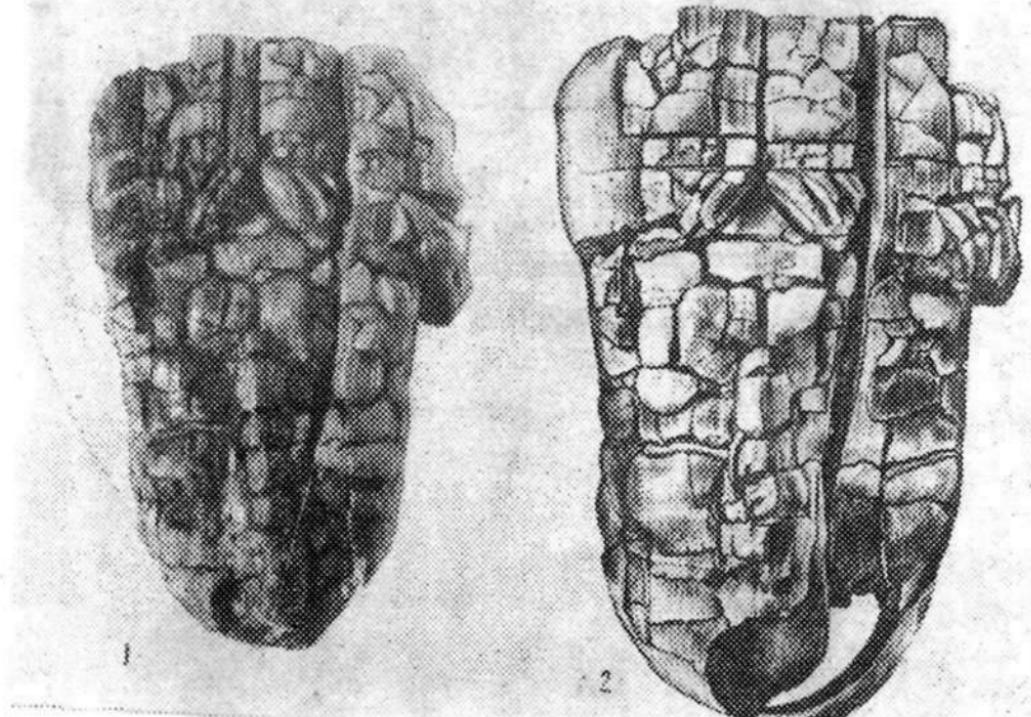

Рис. 48. Вторая обуглившаяся деревянная голова: 1—фото; 2—рисунок.

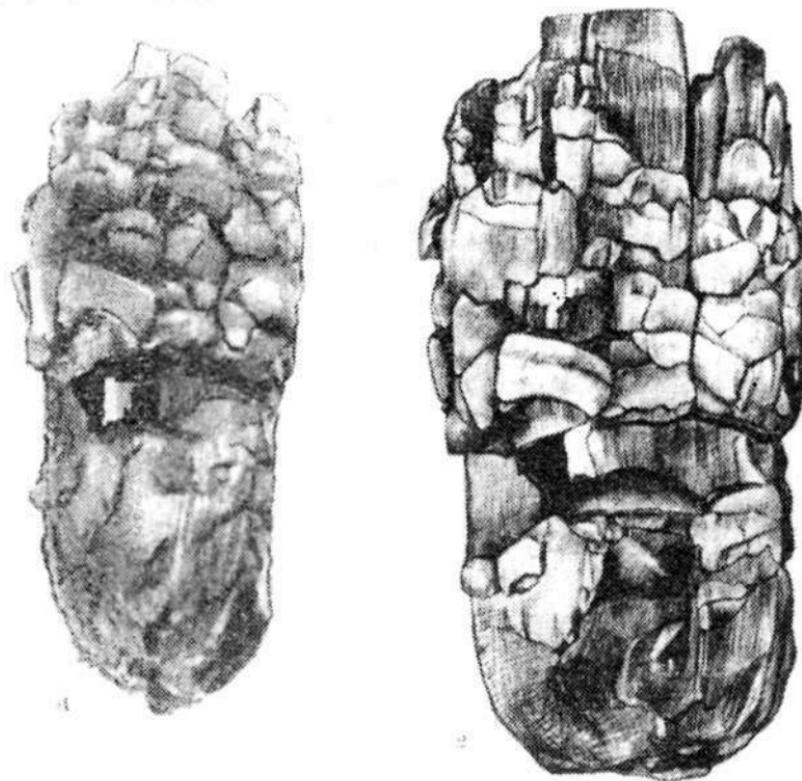

Рис. 49. Третья обуглившаяся деревянная голова: 1—фото; 2—рисунок.

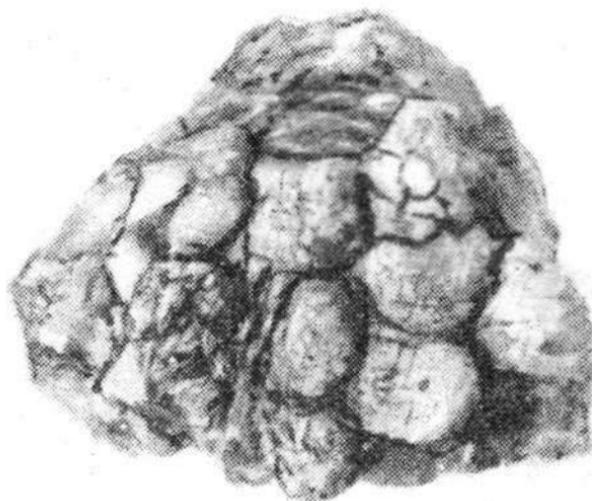

Рис. 50. Фрагмент обуглившегося дерева с чешуйчатой резьбой.

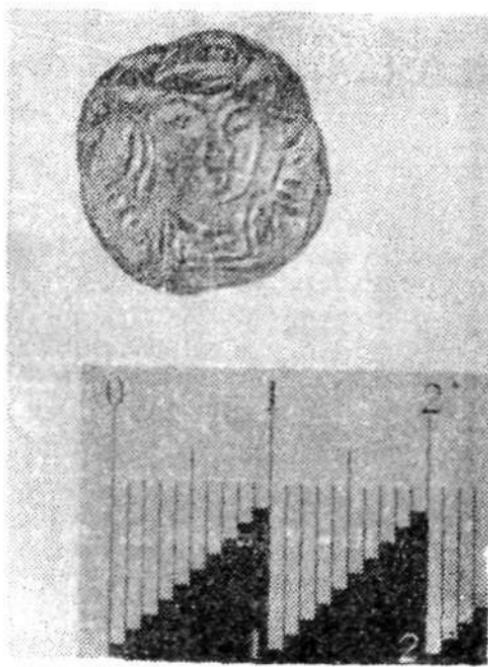

Рис. 51. Золотой браслет.

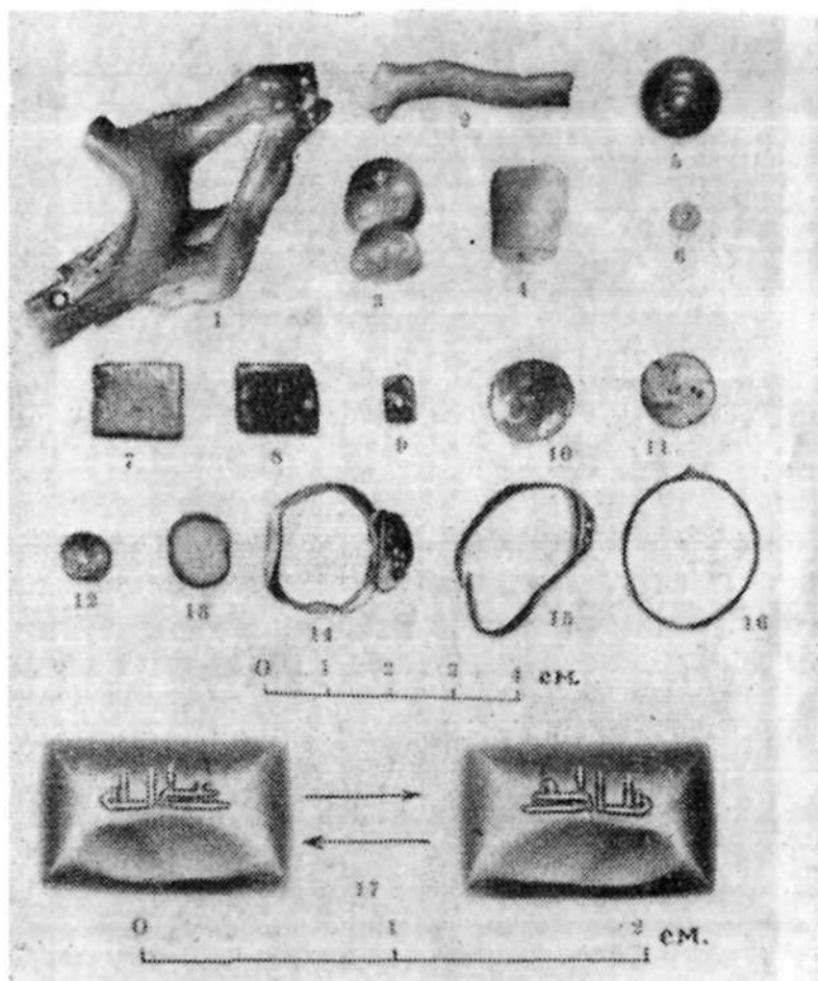

Рис. 52. Предметы украшения.

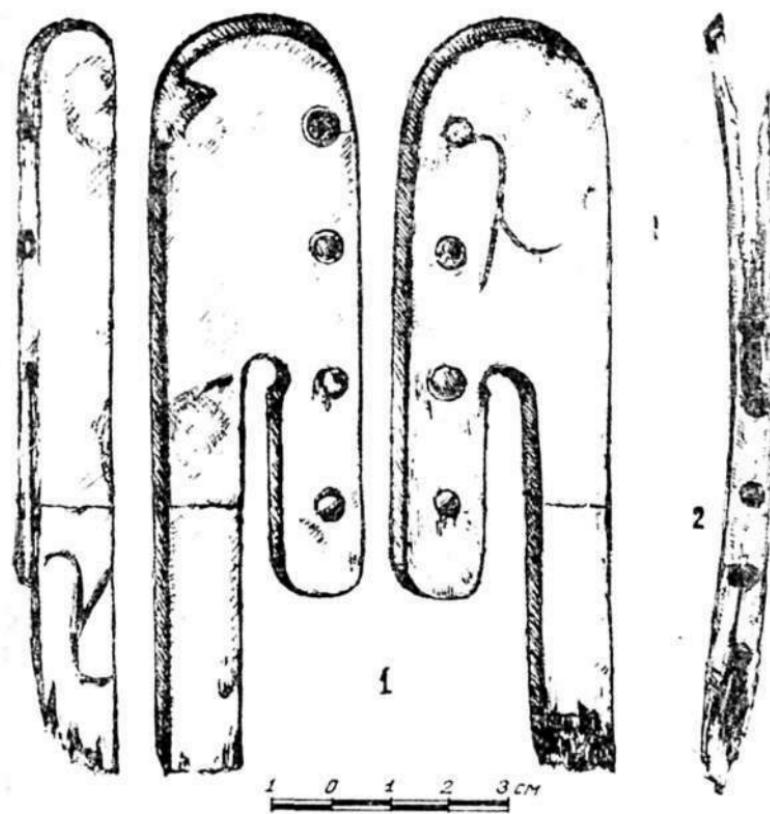

Рис. 53. Фрагменты музыкальных инструментов: 1—головка грифа струнного инструмента; 2—камышовая свирель.

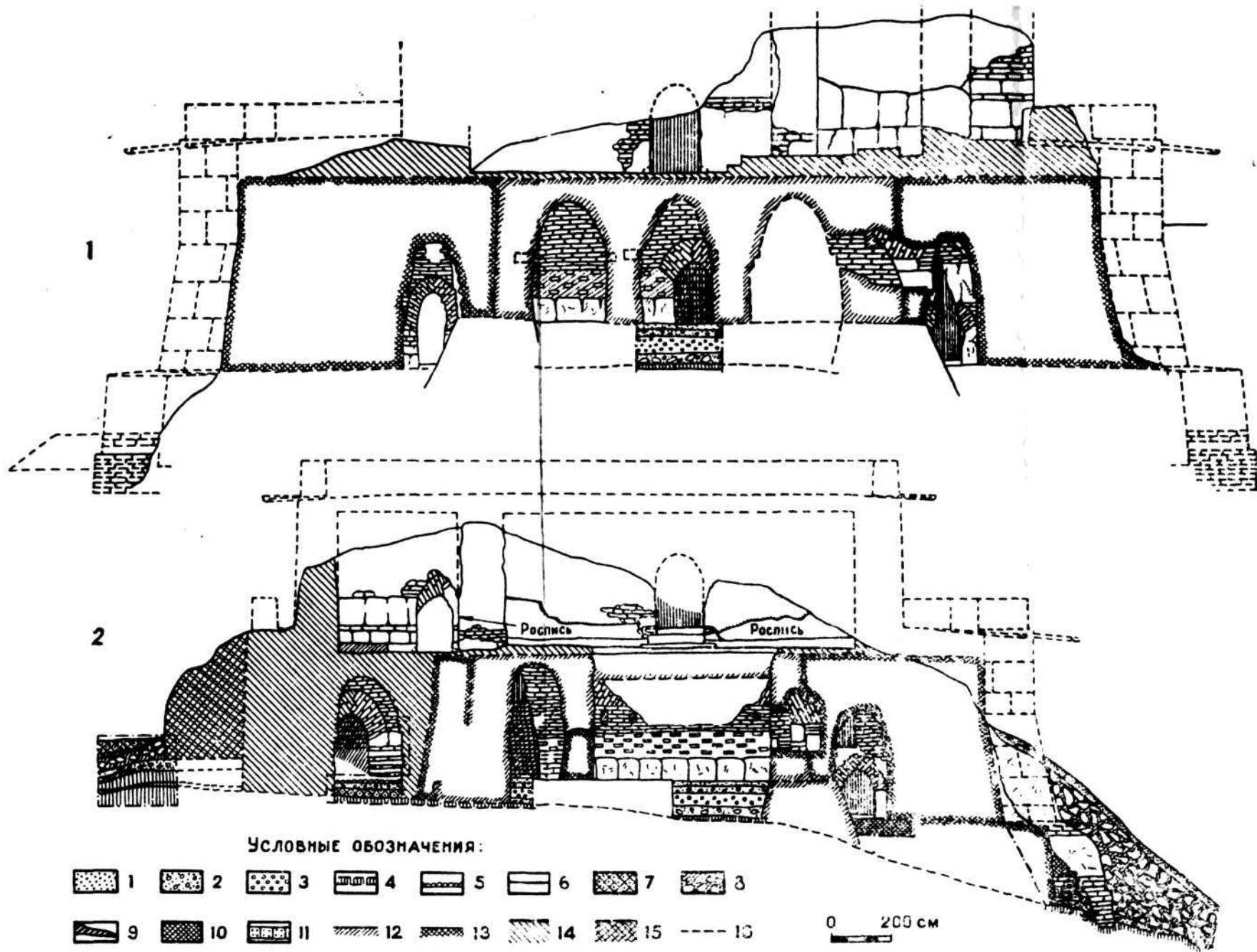

Рис. 54. Общие разрезы замка. 1. По А—А. 2. По Б—Б. Условные обозначения: 1—песчаная подсыпка; 2—утрамбованная гравийная подсыпка; 3—плотный слой глины; 4—материк; 5—набивная поверхность пандуса; 6—полы; 7—культурный слой; 8—плотный завал строительного мусора; 9—зольник; 10—пахсовый монолит; 11—плотная глиняная прослойка; 12—стены I строительного цикла; 13—стены II строительного цикла; 14—стены III строительного цикла; 15—стены IV строительного цикла; 16—линии реконструкции.

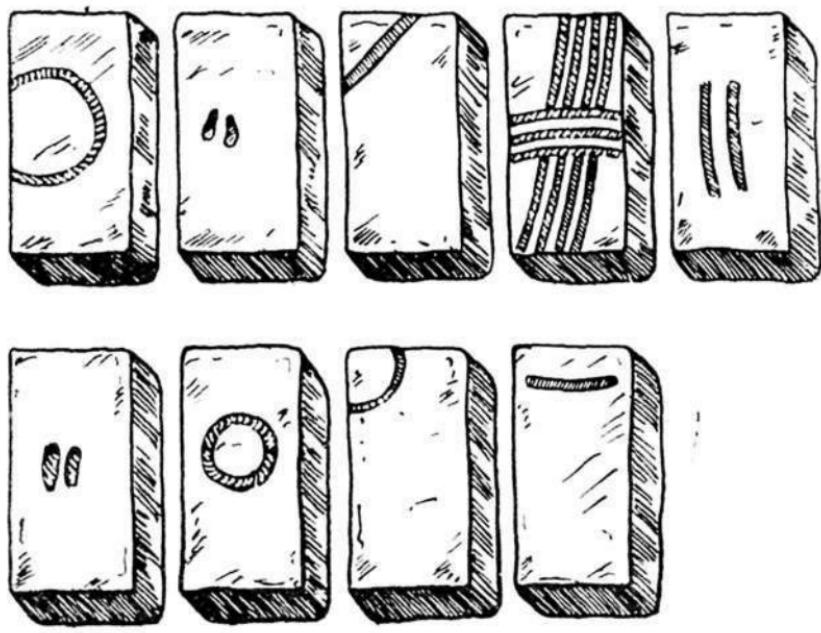
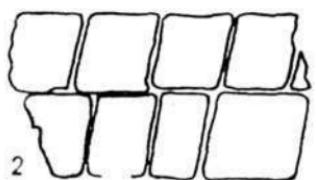
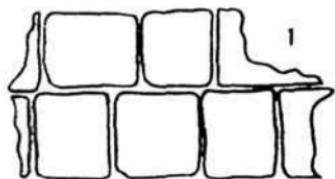
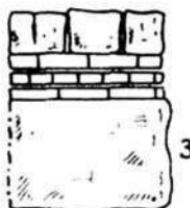

Рис. 55. Знаки на кирпичах.

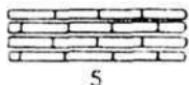
ПАХСОВАЯ КЛАДКА
БЛОКАМИ

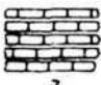
ПАХСОВАЯ КЛАДКА С КИР-
ПИЧНОЙ ПРОСЛОЙКОЙ

КИРПИЧНЫЕ КЛАДКИ

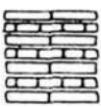
5

7

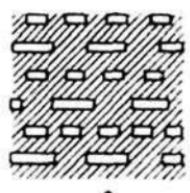

6

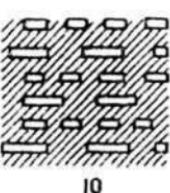

8

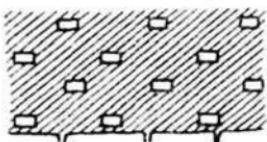
Комбинированные кладки

9

10

0

200 см

Рис. 56. Виды кладок: 1—блоки с вертикальными швами (западная и северная стены помещения № 15); 2—блоки с наклонными швами (северная стена помещения № 12); 3—восточная стена помещения № 2; 4—внутренние стены всех периферийных помещений; 5—ложком вперевязку (южная стена помещения № 15); 6—смешанная с перевязкой в верхних поясах (восточная стена помещения № 17); 7—тычком вперевязку (западная стена помещения № 17); 8—тычок-ложок вперевязку (западная стена помещения № 3); 9—комбикладка № 1 (восточная стена помещения № 15, все стены помещений № 16, 16а, 16б, северная стена коридора 2-го этажа); 10—комбикладка № 2 (распорки между помещениями № 6, 7 и 12); 11—комбикладка № 3 (все стены помещений № 18, 19 и 20).

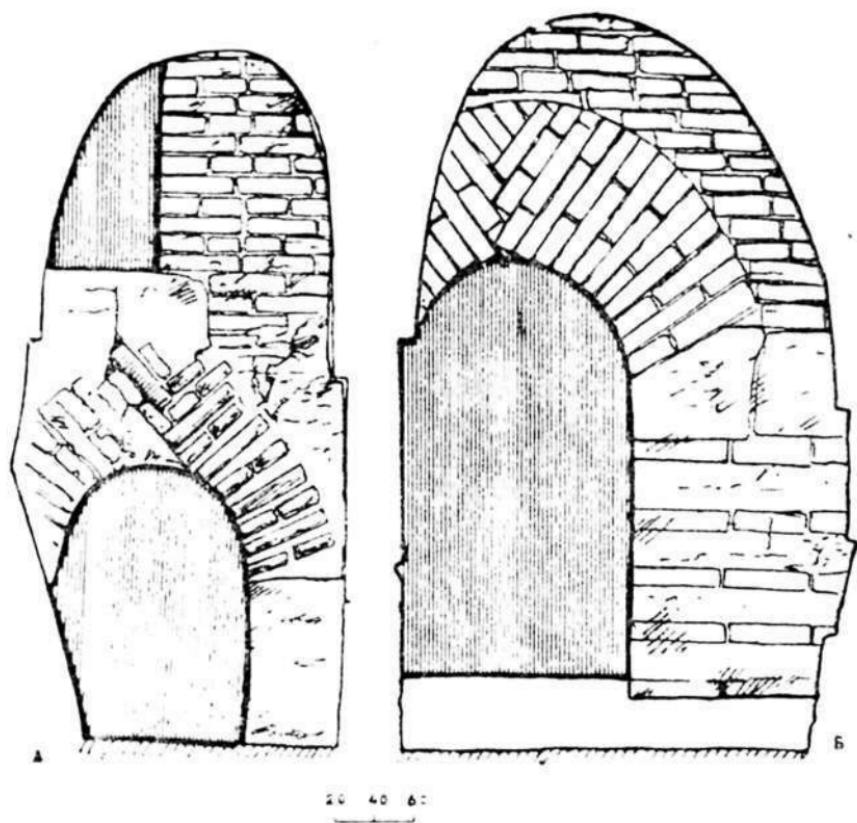

Рис. 57. А—поперечный разрез помещения № 4; Б—поперечный разрез помещения № 7.

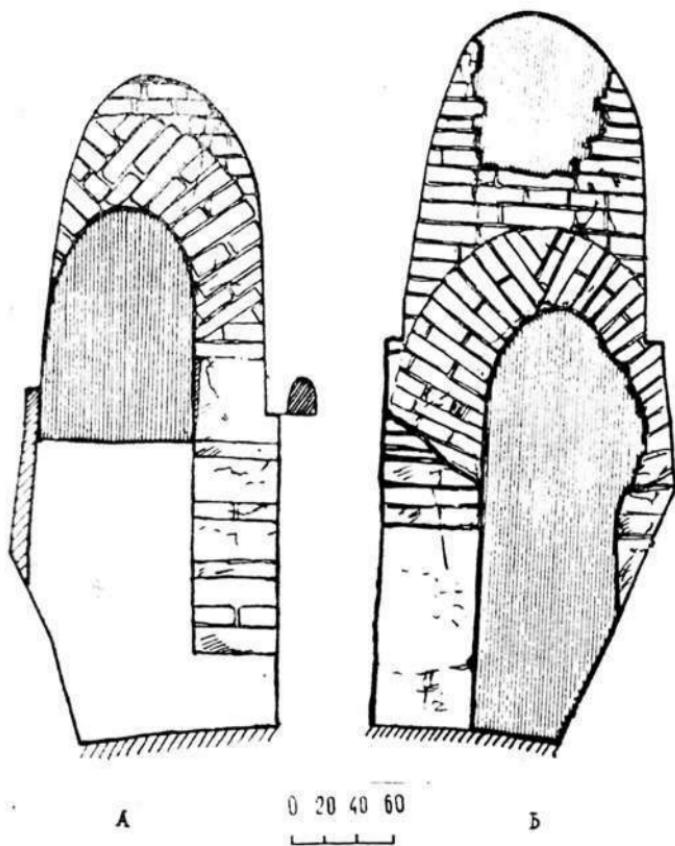

Рис. 58. А—поперечный разрез помещения № 2; Б—поперечный разрез помещения № 10.

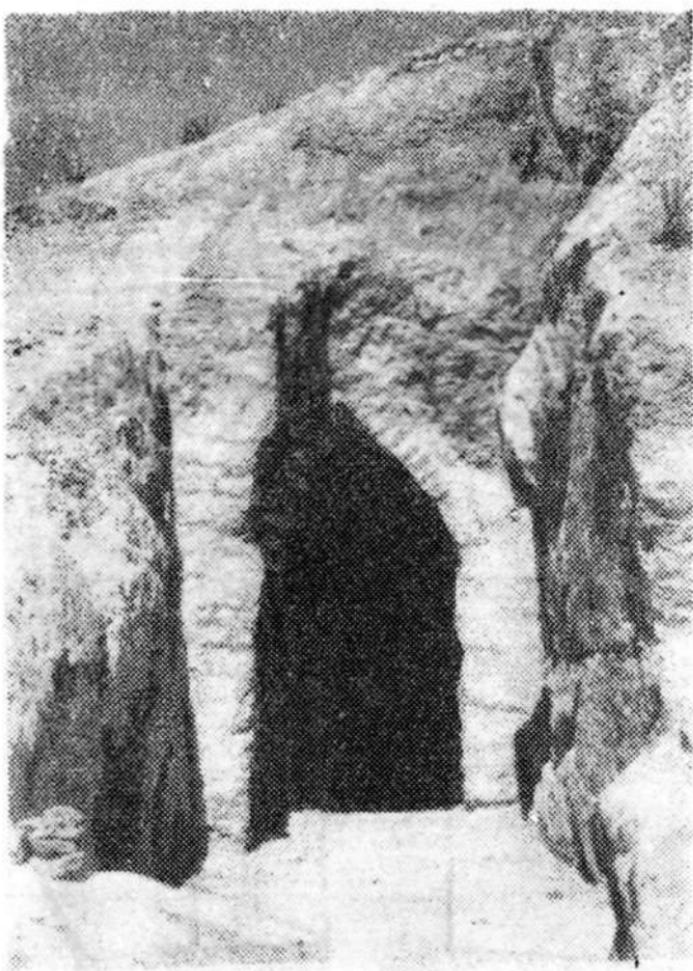

Рис. 59. Арочный проем из помещения № 12 в помещение № 7.

Рис. 60. Арка юго-западного тромпа в помещении № 9 (фото).

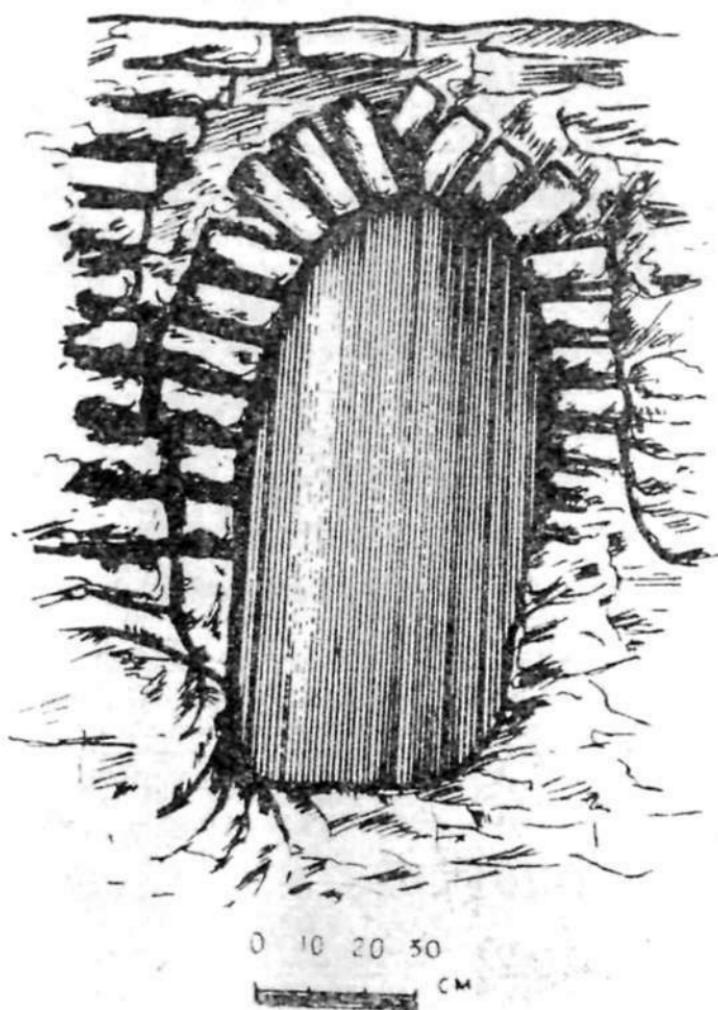

Рис. 61. Арка юго-западного тромпа в помещении № 9 (обмерный чертеж).

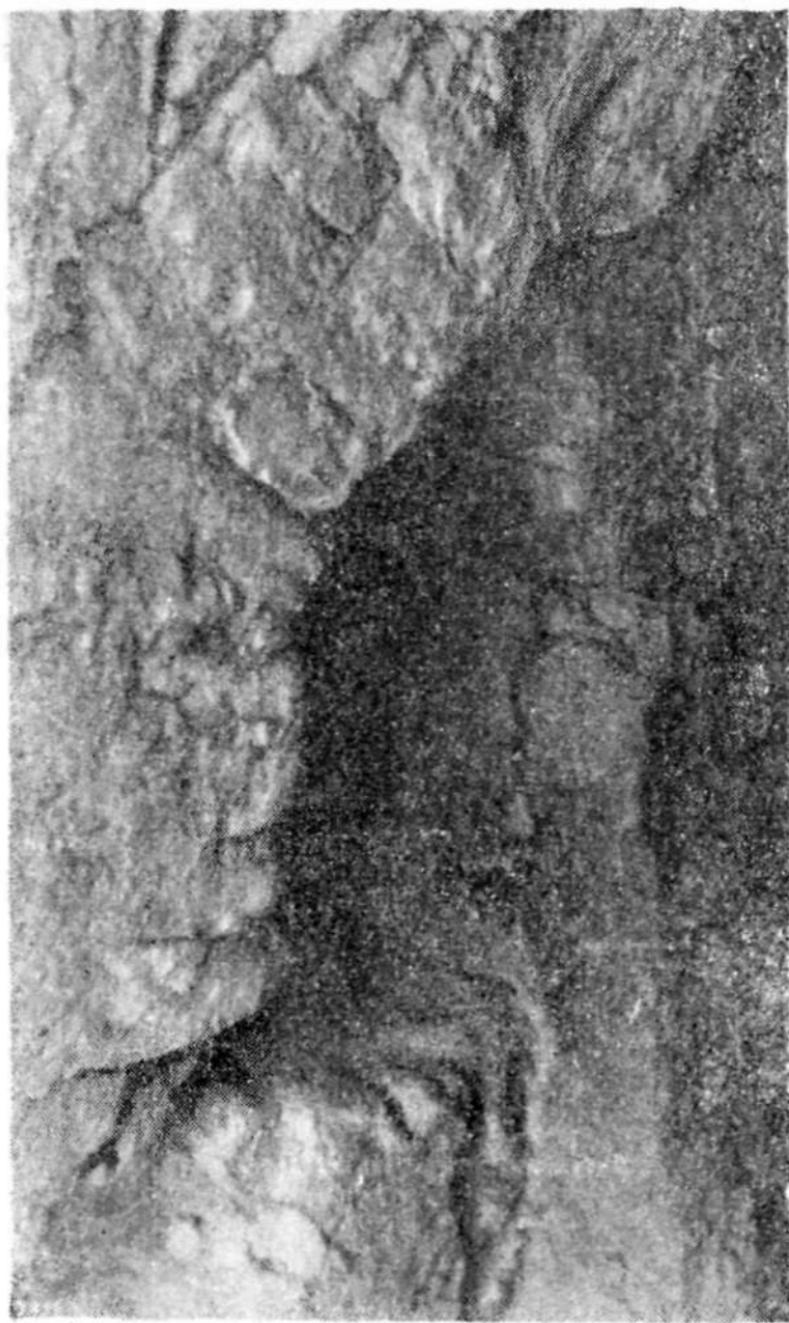

Рис. 62. Арка светового проема из помещения № 1 в помещение № 21.

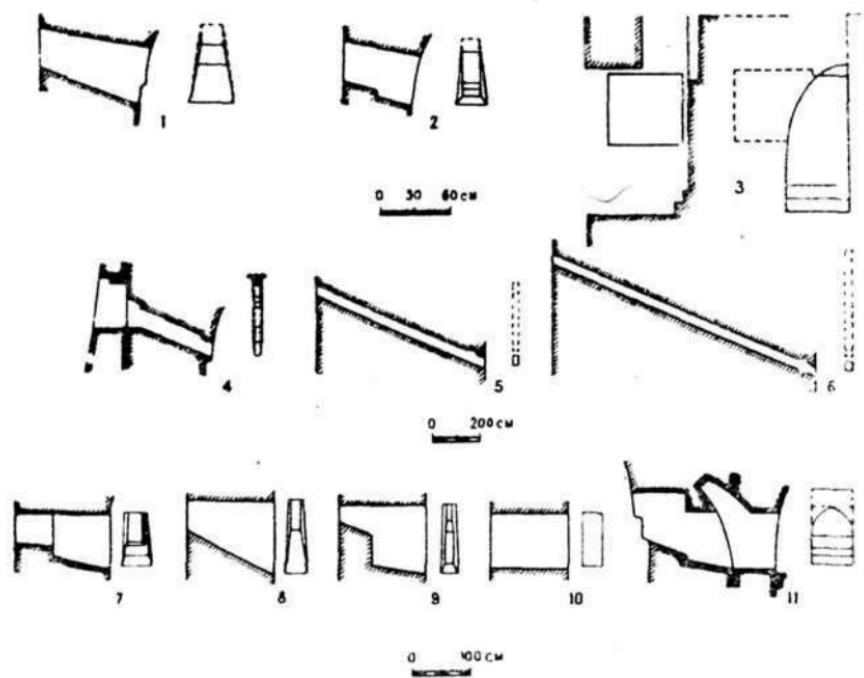

Рис. 63. Таблица световых проемов и продухов.

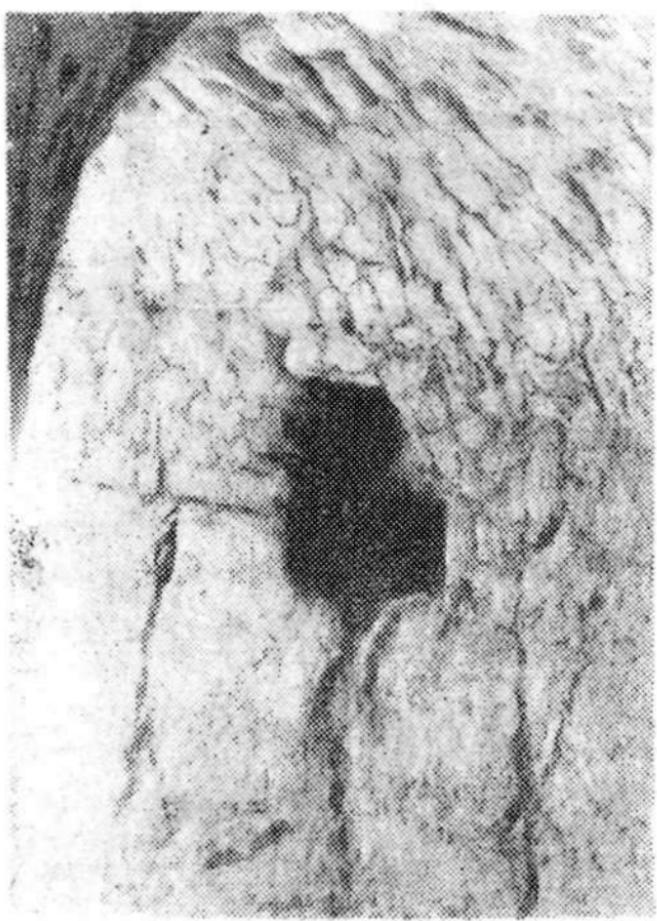
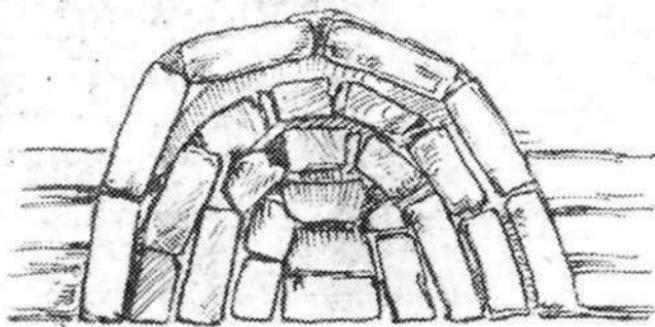
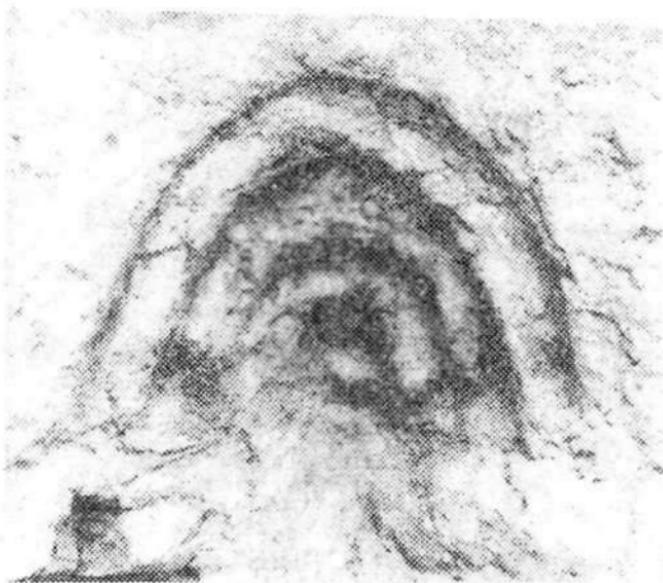

Рис. 64. Один из витков пандуса со сверху проемом.

0 10 20 30 40 50 60 см

Рис. 65. Перспективный тромп в помещении № 37:
1—фото; 2—обмерный чертеж.

Рис. 66. Арка проема в купольное помещение № 17
с порогом.

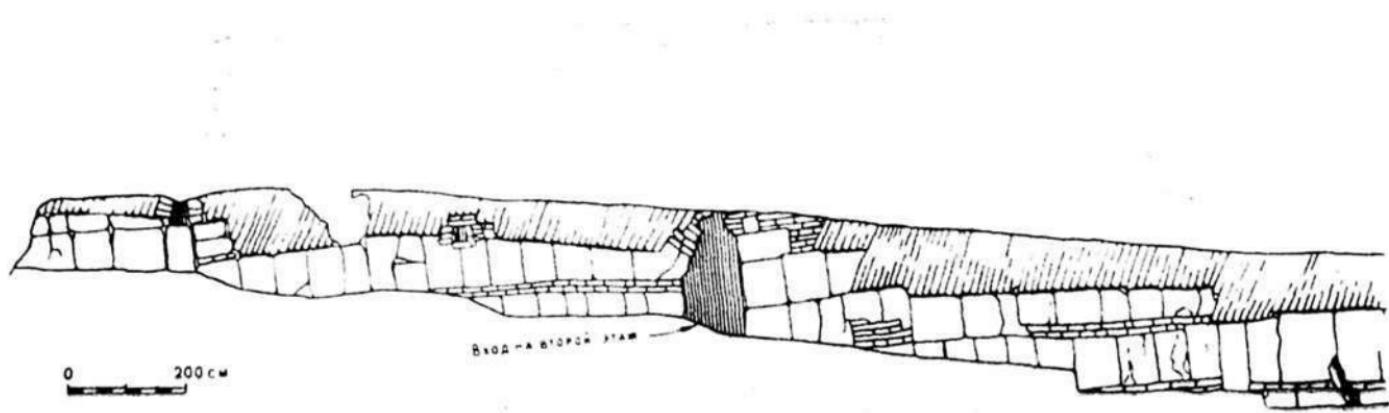

Рис. 67. Развёртка пандуса.

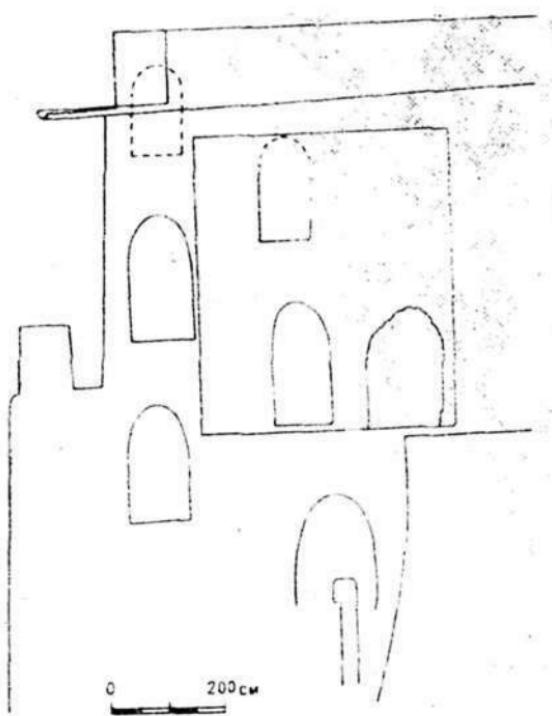

Рис. 68. Вертикальный разрез пандуса с элементами реконструкции.

Рис. 69. Внешняя обходная галерея. Вид с севера.

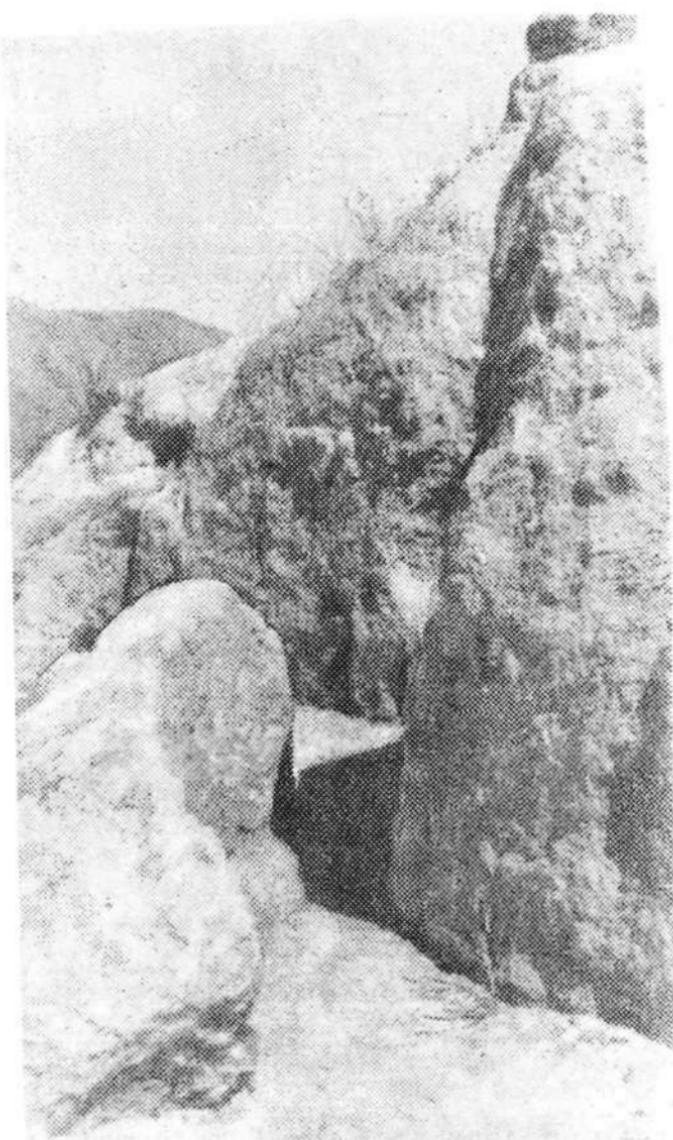
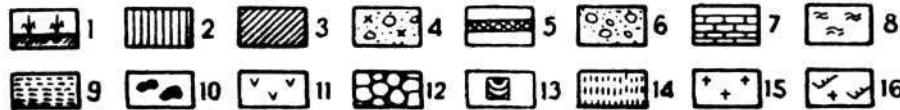
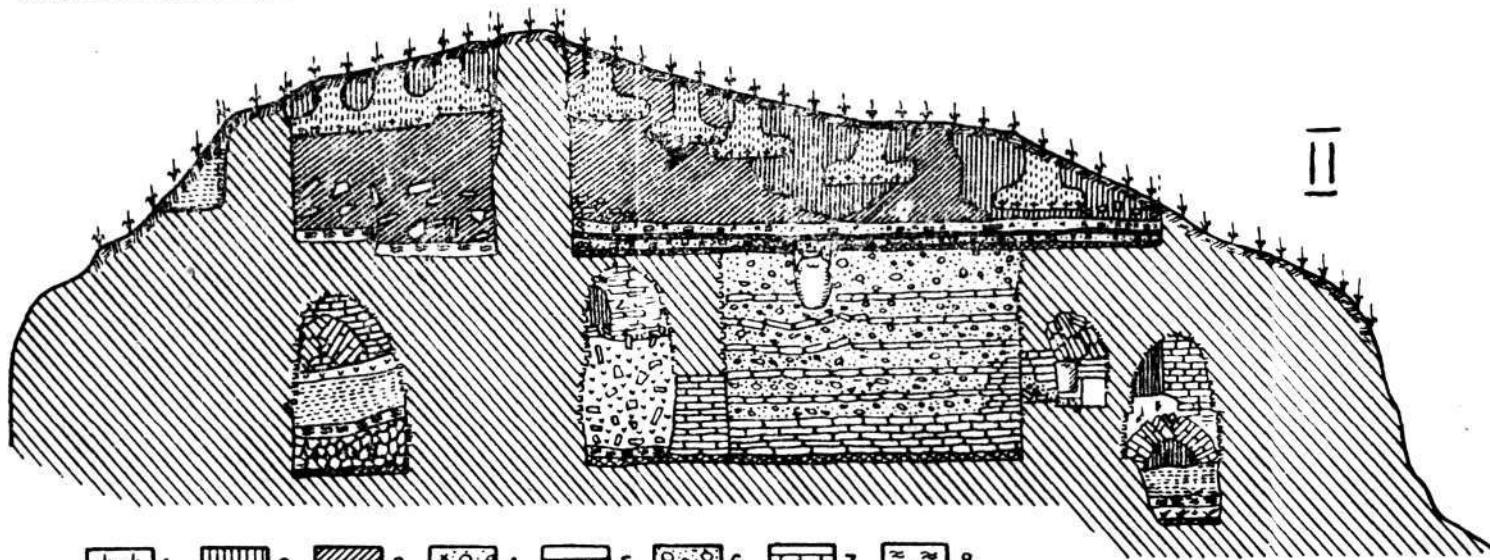
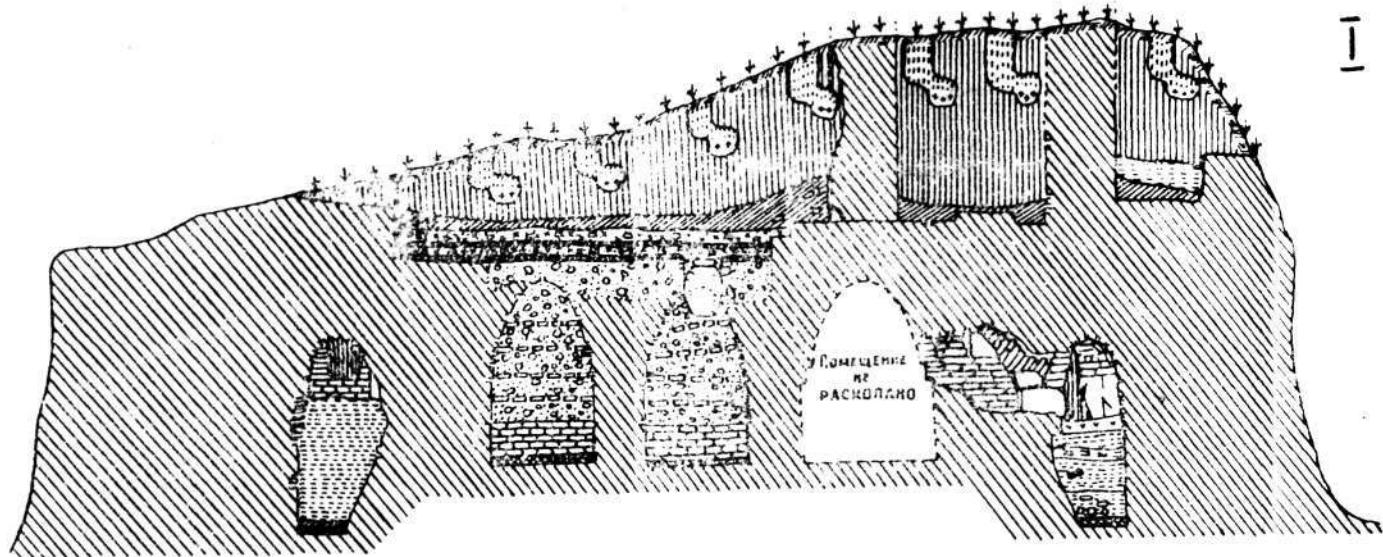

Рис. 70. Внешняя обходная галерея. Вид с юга.

0 200 см

Рис. 71. Общие археологические разрезы: I—по А—А. II—по Б—Б. Условные обозначения: 1—дерновый слой; 2—рыхлые слои завала; 3—плотные слои завала; 4—слой с угольками, золой и битым сырцом; 5—уровень полов; 6—гравийная засыпка; 7—кирпичная забутовка или закладка; 8—слои навоза; 9—натечные насыщения лесса; 10—зольные пятна; 11—масса мелкой сухой пыли; 12—крупные камни-галечники; 13—обуглившиеся остатки бревна; 14—поздние могильные ямы; 15—кости; 16—мелкие ветки.

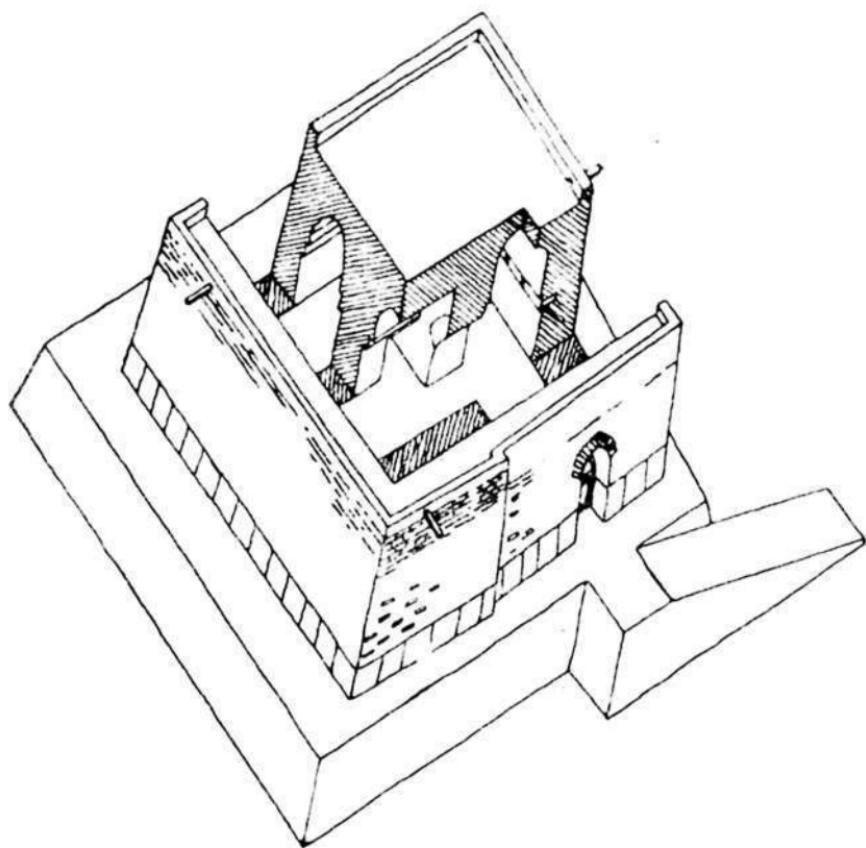

Рис. 72. Первичное здание. Реконструкция.

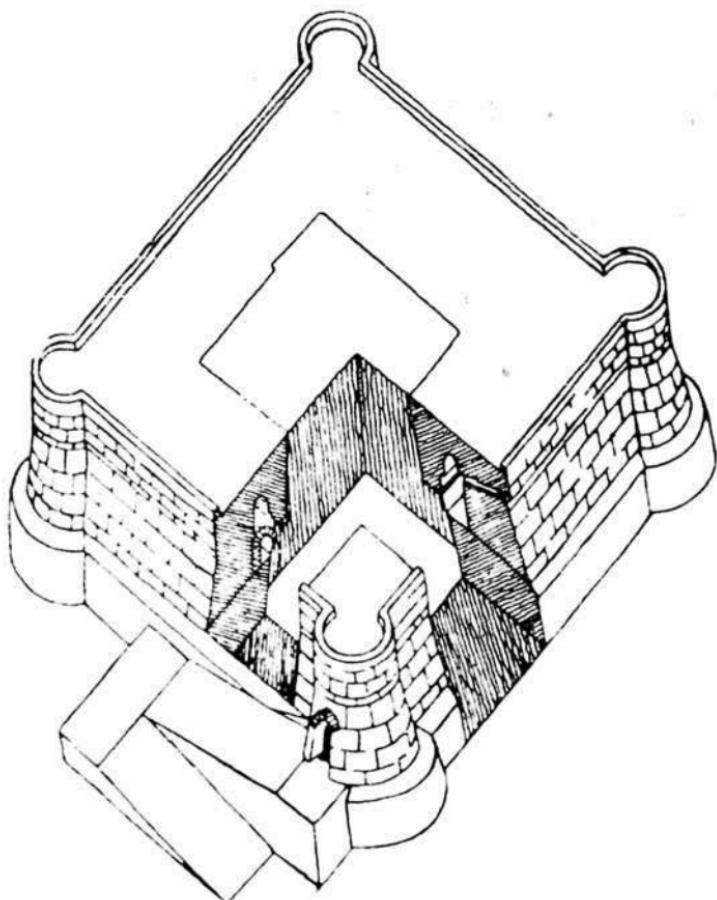

Рис. 73. Кешк после второго строительного периода. Реконструкция.

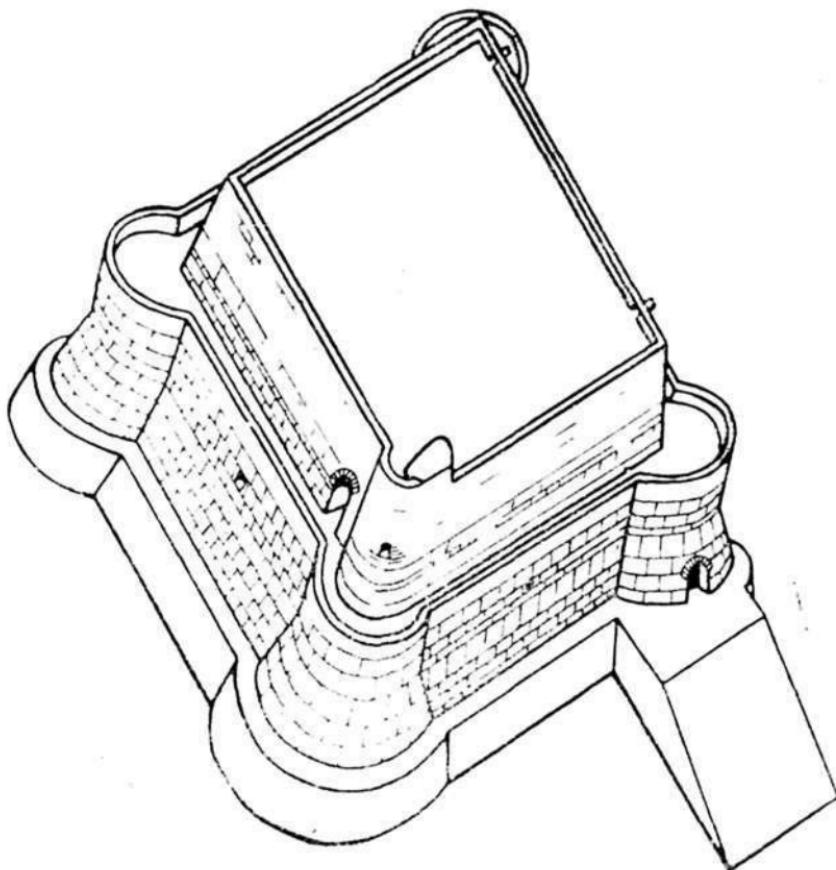

Рис. 74. Замок после последнего строительного периода.
Реконструкция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава первая. Раскопки холма Чильхуджра	7
История изучения и дораскопочное состояние Чильхуджры	—
Ход раскопок	14
Раскопки основного здания	—
Раскопки двора	34
Глава вторая. Находки предметов быта и хозяйства	42
Керамика	—
Прочие находки	66
Глава третья. Памятники письменности и искусства	81
Памятники письменности	—
Стенная роспись	86
Резное дерево	90
Предметы украшения	100
Музыкальные инструменты	106
Глава четвертая. Архитектура Чильхуджры	111
Элементы архитектуры здания кешка	—
О назначении дворовых помещений	147
Строительные периоды замка	150
Стратиграфия и вопросы датировки	159
Реконструкция кешка	164
Заключение	167
Список сокращений	175
Литература	177
Приложения	185

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР*

Укта́м Пулатови́ч ПУЛАТОВ

ЧИЛЬХУДЖРА

(Материальная культура Уструшаны. Выпуск 3)

Ответственный редактор — доктор исторических наук
Нуман Негматович НЕГМАТОВ

Редактор издательства **В. Г. Двоеглазова**
Художник **А. К. Разыграева**
Технический редактор **З. С. Одегова**
Корректоры **Л. Д. Полосская, Л. Н. Крелина**

КЛ 03615. Сдано в набор 17 VII 1974 г. Подписано к печати 28 XI 1974 г.
Формат 60 <90. Бумага тип. № 1. Сорт 1. Физ. 16,0 л. Уч.-изд. 15,0 л.
Тираж 1400. Заказ 544. Цена 1 р. 50 к., в переплете № 5—1 р. 60 к.

Издательство «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография издательства «Дониш», Душанбе, 29, ул. Айни, 121, корп. 2.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стра- ница	Строка	Напечатано	Следует читать
63	21-я сверху	овально	ovalov
71	20-я снизу	В дворике помеще- ния № 23	Во дворике, в поме- щении № 23,
91	16-я снизу	поднятых	подняты
107	1-я сверху	0,6 мм	0,6 см
108	5-я снизу	خالن	خاک
127	12-я сверху	пойдет ниже	шла выше
134	4-я снизу	(рис. 74; все помеще- ния	(все помещения

Цена 1 руб. 50 коп.